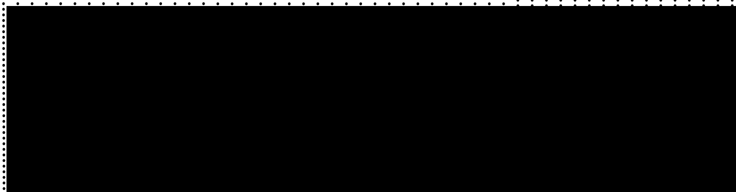
Отчет о состоянии независимой культуры и НПО в

[redacted]

enter kultura.
miesięcznik wymiany idei

Ежемесячный общественно-культурный интернет-журнал. Место обмена идеями в сферах культуры, искусства, гражданского общества, мультикультурности, новых медий, Восточной Европы. Особое место занимает Восточный Отдел, который анализирует и описывает актуальные явления в Восточной Европе и постсоветских странах.

Партнёры

pARTisan

Отчет о состоянии независимой культуры и НПО в

Беларуси

«Отчет о состоянии независимой культуры и НПО в Беларуси» – первый из семи спецномеров, которые появятся в рамках проекта «Отчет о состоянии независимой культуры и НПО в странах Восточного Партнерства и в России», который реализуется ежемесячным журналом Kultura Enter www.kulturaenter.pl совместно с Фондом Kultura Enter.

идея проекта Павэл Ляуфэр [Paweł Laufer]

ответственный редактор Павэл Ляуфэр [Paweł Laufer]

редакция Таццяна Арцімовіч, Артур Клінаў

секретарь редакции Катажына Плебанчик [Katarzyna Plebańczyk]

переводы Сяргей Комлач, Конрад Шульга [Konrad Szulga], Святлана Курс, Малгожата Бухалік [Małgorzata Buchalik], Марыя Луцэвіч-Напалкув [Napałków], Катажына Бортновска [Katarzyna Bortnowska], Бюро перакладаў „Narrator”

корректоры Дорота Стахура [Dorota Stachura] (английский язык), Павэл Ляуфэр [Paweł Laufer], Агнешка Цабан [Agnieszka Caban] (польский язык), Тацяна Нядбай (беларусский, российский языки)

графическая обработка, верстка Studio Format – studioformat.pl

ISBN 978-83-62495-09-2

издательство Studio Format
ул. Solna 4/9, 20-021 Lublin, тел. (81) 479 46 48, biuro@studioformat.pl

печать Petit s.k. вул. Tokarska 13, 20-210 Lublin, тэл. (81) 744 56 59

Проект финансировался при участии Министерства иностранных дел Республики Польша

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЗ КАВЫЧЕК......7

ГОРИЗОНТ

ЛЯВОН БАРШЧЭЎСКІ **ПОЧЕМУ БЕЛАРУС НЕ СЛЫШИТ ГОЛОСА КУЛЬТУРЫ?......11**

МАРЪЮШ МАШКЕВИЧ – ИНТЕРВЬЮ **ЕВРОПЕЙСКАЯ АНГЕЛОЛОГИЯ – БЕЛАРУССКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ......18**

ТАЦЯНА НЯДБАЙ **БЕЛАРУССКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ КУЛЬТУРА – ПОПЫТКА ДИФДИАГНОЗА......29**
ВАЛЯНЦІН АКУДОВІЧ...30 МІКАЛАЙ ХАЛЕЗІН...33 УЛАДЗІМІР МАЦКЕВІЧ...37
СЕВЯРЫН КВЯТКОЎСКІ...40 МАРЫЯ МАРТЫСЕВІЧ...43

КУЛЬТУРА АНАЛИЗЫ

АРТУР КЛІНАЎ **БЕЛАРУССКОЕ АРТ-«ПОДПОЛЬЕ», ИЛИ СТРАНА БЕЗ ГАЛЕРЕЙ......49**

ТАЦЦЯНА АРЦІМОВІЧ **БЕЛАРУССКИЙ СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР: В БОРЬБЕ ЗА *МНОГООБРАЗИЕ*......59**

K.S. **НЕЗАВИСИМЫЙ БЕЛАРУССКИЙ ТЕАТР: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?......69**

СЯРГЕЙ ПУКСТ **БЕЛАРУСЬ: БЕЛОЕ ПЯТНО НА МУЗЫКАЛЬНОЙ КАРТЕ ЕВРОПЫ......78**

МАРГАРЫТА АЛЯШКЕВІЧ **БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ БЕЛАРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА......87**

АНДРЭЙ РАСІНСКІ **РАССВЕТ НА КОЛОНИАЛЬНЫХ РУИНАХ......96**

КУЛЬТУРА ИНТЕРВЬЮ

ВАЛЯНЦІНА КІСЯЛЁВА – ИНТЕРВЬЮ **МЕСТО, ГДЕ МОЖНО ДЫШАТЬ......109**

ІГАР ЛОГВІНАЎ – ИНТЕРВЬЮ **ГОСУДАРСТВО, ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИКАЦИЯ......119**

ЛЯВОН ВОЛЬСКІ – ИНТЕРВЬЮ **ШОУ-БИЗНЕС В ГОСУДАРСТВЕ, ГДЕ ЗАПРЕЩЕНЫ АПЛОДИСМЕНТЫ......129**

ЯЎГЕН КАЛМЫКОЎ – ИНТЕРВЬЮ **ДЕЛАТЬ БУРЮ......139**

АНДРЭЙ КУДЗІНЕНКА – ИНТЕРВЬЮ **СНЯТЬ ХОРОШЕЕ КИНО......148**

МОНИКА ШЕВЧИК, АНДРЭЙ ДУРЭЙКА – ИНТЕРВЬЮ **ХУДОЖНИКИ ЕЩЁ ЕСТЬ......156**

НПО **АНАЛИЗЫ**

ЮРЫ ЧАВУСАЎ, АССАМБЛЕЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ, ПО ЗАКАЗУ 'SOLIDARITY WITH BELARUS' INFORMATION OFFICE (WWW.SOLIDARITYBY.EU) **ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИНЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ......169**

ВАЦЛАЎ АРЭШКА **ТРЕТИЙ СЕКТОР В БЕЛАРУСИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ......184**

АГНЕШКА КОМОРОВСКА **БЕЛАРУССКИЙ ТРЕТИЙ СЕКТОР ЗА РЕШЕТКОЙ ПАРАГРАФОВ......194**

МАРЭК МЛЫНАРЧИК, ПАВЭЛ ПРОКОП **ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ВОСТОКЕ......203**

АЛЕСЬ БЯЛЯЦКІ **ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В БЕЛАРУСИ. ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ......210**

ТАМАРА МАЦКЕВІЧ **ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ 219**

НПО **ИНТЕРВЬЮ**

ВОЛЬГА ШПАРАГА – ИНТЕРВЬЮ **ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БЕЛАРУС ЕВРОПЕЙЦЕМ?......231**

АЛЕГ ТРУСАЎ – ИНТЕРВЬЮ **БЕЛАРУССКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК ЭЛИТ......241**

ЖАННА ЛІТВІНА – ИНТЕРВЬЮ **ПРЕМИИ ЗА ТВОРЧЕСТВО......250**

ІРЫНА АЛЬХОЎКА – ИНТЕРВЬЮ **ГЕНДЕРНАЯ ТЕМА В БЕЛАРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ......260**

НІНА ШЫДЛОЎСКАЯ – ИНТЕРВЬЮ **БЕЛАРУСЫ МИРА......269**

АВТОРЫ**......279**

БЕЗ КАВЫЧЕК

Перестанем думать и говорить о Беларуси. Оставим в стороне наши мнения, ожидания, проекции, схемы и предложения решений, нашу герменевтику и политику, суждения о тех или иных обстоятельствах, которые должна преодолеть Беларусь. Отложим на следующие «уроки» про Беларусь привычные падежи, по которым мы ее склоняем. И тогда, индифферентные, чтобы научится понятнее говорить по-беларусски, давайте поучаствуем в уроке беларусского «языка»: перед вами «Отчет о состоянии независимой культуры и неправительственных организаций в Беларуси».

Когда ежедневно читаешь про Беларусь, о происходящих в ней событиях, проблемах либо явлениях, самый частый пунктуационный знак, появляющийся в газетной колонке, в голосе телевизионного ведущего – кавычки. Кавычки как проявление «иронии», попыткой обозначить «несоответствие», подчеркнуть «ненатуральность», «отклонения» от нормы, «апостасию», «переносное значение», сознательное подчеркивание «иррациональности» того, что там происходит.

На этом уроке мы возьмем в кавычки понятие, к которому присмотримся как те, кто ничего «не знает». И прежде, чем мы вернемся к усвоенным ранее точкам зрения по беларусским вопросам, прежде, чем откажемся от кавычек, я предлагаю послушать тех, кто стоит у истоков. Вы услышите лучших учителей – беларусских интеллектуалов, практиков и творческих людей.

Подсознательным, не до конца очерченным каркасом их высказываний являются три вопроса: «какова ситуация?», «что мы ожидаем от самих себя?» и «как мы можем этого достичь?».

Знания, на основании которых создается стратегия сотрудничества с Беларусью, основываются на фрагментарных, несистемных исследованиях и анализах. Это не дает возможности определить актуальные

тенденции, фактический статус-кво в области культуры и неправительственных организаций в Беларуси. Это не позволяет создавать компетентные, соответствующие реальным и актуальным проблемам программы сотрудничества с культурными центрами и неправительственными организациями в Беларуси.

«Отчет о состоянии независимой культуры и неправительственных организаций в Беларуси» должен стать ответом на эти пробелы, на нехватку знаний о реалиях беларусской культуры, прежде всего – независимой беларусской культуры, а также беларусского третьего сектора (НПО) и среды, в которой функционируют эти сферы. Данный отчет должен быть понятным по своей форме и общедоступным инструментом тщательного изучения этой действительности, инструментом, позволяющим наиболее эффективно функционировать в этих областях.

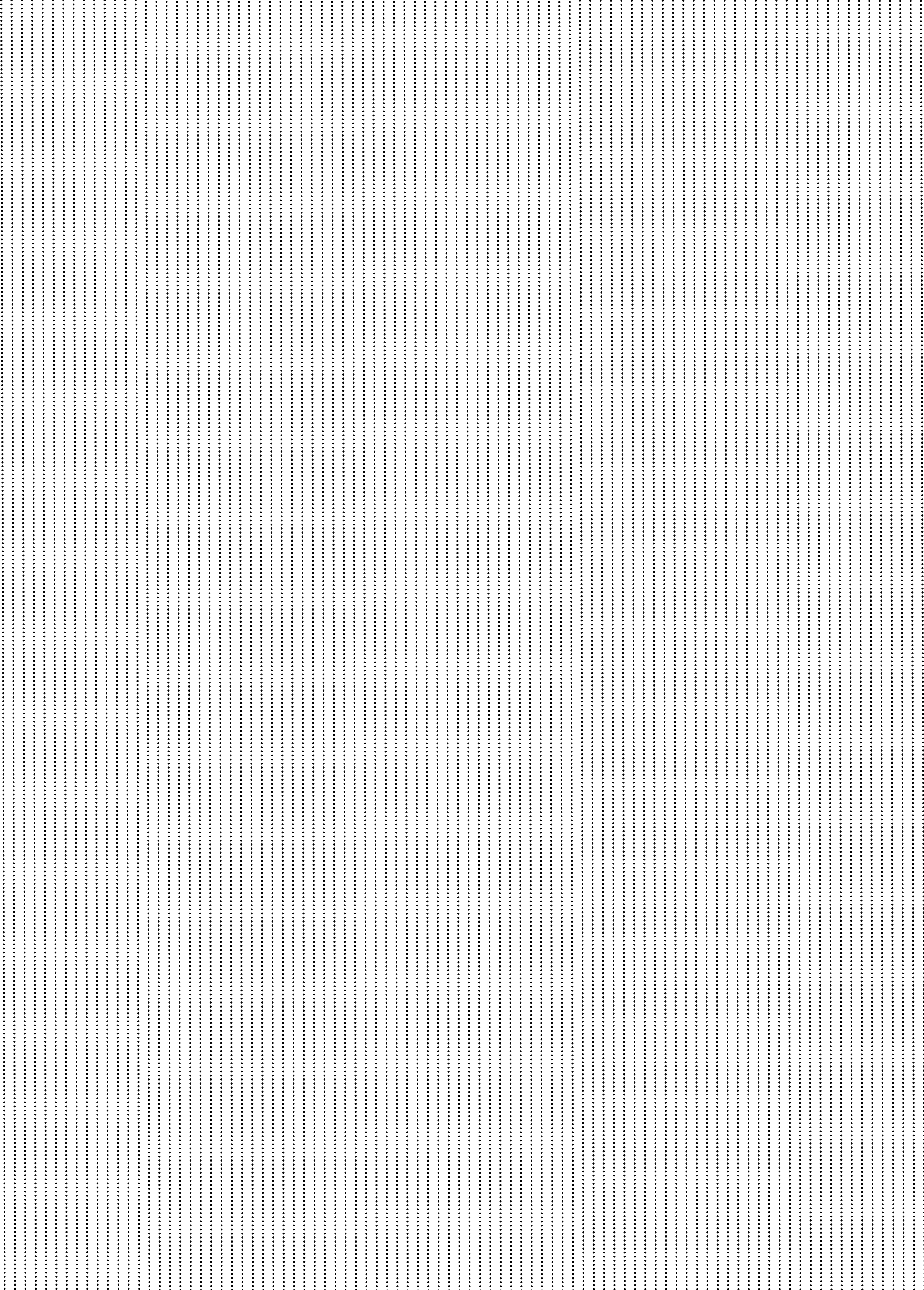
Таких знаний и инструментов для эффективной деятельности и сотрудничества не хватает и самим беларусам, поэтому данный отчет издается на трех языках: польском, английском и русском (некоторые материалы доступны также на беларусском языке). Все языковые версии доступны на сайте люблинского ежемесячного журнала «*Kultura Enter*» (www.kulturaenter.pl, закладка archiwum). Кроме того, отдельными изданиями вышли польская и английская версии.

«Отчет о состоянии независимой культуры и неправительственных организаций в Беларуси» – это первый из семи отчетов, которые будут сделаны в рамках проекта «Отчет о состоянии независимой культуры и неправительственных организаций в странах Восточного партнёрства и России». Посредством этого масштабного проекта мы хотим обозначить те моменты, на которые сейчас, обращаясь к постсоветским странам, мы должны обратить особое внимание. На расцвет партнерского сосуществования людей, которых объединяет будущее и которые это будущее осознают.

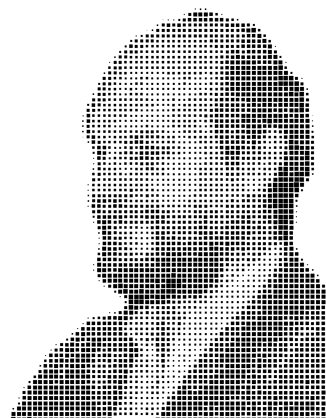
ПАВЭЛ ЛЯУФЭР [PAWEŁ LAUFER]

Мы хотим поблагодарить всех тех, кто своими ценными советами и поддержкой способствовал созданию этого отчета. Мы выражаем благодарность Мартину Романовски, Катажине Плебаньчик, Эльяне Киселевска, Анне Каминек, Петру Зенюку, Агнешке Цабан, Гжегожу Кондрасюку, Себастьяну Мацу, Павлу Казанецки, Малгожате Бухалик, Марьюшу Машкевичу, Андрэю Дурэйка, Таццяне Нядбай, Агнешке Войтеховска, Сяргею Кавалёву, Конраду Шульга.

ГОРИЗОНТ

Беларусскоязычный деятель культуры теперь не имеет шансов стать политическим лидером. Несет ли беларусская оппозиция ответственность за позицию значительной части своих соотечественников? Естественно. И другая позиция беларусского общества была бы невозможна.

ЛЯВОН БАРШЧЭЎСКІ

ПОЧЕМУ БЕЛАРУС НЕ СЛЫШИТ ГОЛОСА КУЛЬТУРЫ?

19 декабря 2010 года в Беларуси прошли президентские выборы. В очередной раз «победу одержал» *Аляксандр Лукашэнка*. Беру это выражение в кавычки, поскольку, как и во время предыдущих выборов, голосование шло пять дней, а сама эта процедура опять напоминала спецоперацию (каждый студент, военный, милиционер, чиновник, учитель или преподаватель, да практически любой работающий в госсекторе, был обязан проголосовать до 19 декабря). Представителей оппозиции допустили к наблюдению за подсчетом голосов только в последний день голосования и то лишь в нескольких из 6 тысяч избирательных участках, что тогда работали по всей стране. Вот итоги, полученные кандидатами на частично охваченных наблюдением участках в Минске, а также в Витебской, Гродненской, Гомельской областях: *Аляксандр Лукашэнка* получил от 35% до 52% голосов, его оппоненты – бывший заместитель министра иностранных дел и один из координаторов кампании «Европейская Беларусь» *Андрэй Саннікаў* – от 16% до 23% голосов, знаменитый беларусский поэт и лидер кампании «Говори правду!» *Уладзімір Някляеў* – от 5% до 11% голосов.

Следует добавить, что *Уладзімір Някляеў* стартовал в качестве политика только в начале 2010 года, возглавив кампанию «Говори правду!», которая проходила в стране весь прошедший год. Однако и до этого он долгие годы был очень известным в Беларуси человеком. Во-первых, еще в 1980-х *Някляеў* прославился как автор слов к музыкальным хитам, популярность которых перешагнула границы БССР. Во времена перестройки его активно поддерживала реформаторская фракция комсомола – официального беларусского союза молодежи; в 1988 году он возглавил новый журнал *«Крыніца»*, выдававшийся на беларусском и русском языках тиражом более чем в полмиллиона экземпляров – достаточно серьезное достижение, если принять во внимание количество беларусов (около 10 млн). С 1994 года *Уладзімір Някляеў* был главным редактором совсем другой *«Крыніцы»* – исключительно беларусскоязычного журнала интеллектуалов и писателей Беларуси. Сразу после прихода к власти *Аляксандра Лукашэнка Уладзіміру Някляеў* ничего не угрожало, т.к. часть его сторонников – бывшие деятели комсомола (деятельность которого была приостановлена в 1991-1993 гг. – благодаря Беларусскому Народному Фронту) и другие влиятельные люди – перед выборами 1994 года поддержала *Лукашэнка*, увидев в нем шанс для собственной политической карьеры.

Надо отметить, что даже несмотря на то, что *Уладзіміра Някляеў* поддержали комсомольцы (в том числе и последний руководитель этой организации в коммунистические времена, а после 2000 года корреспондент польского ежедневника «*Газета выборча*» *Аляксандр Фядута*), от него не отвернулись выдающиеся беларусские интеллектуалы, негативно настроенные по отношению к коммунистическим властям (например, *Рыгор Барадулін*, *Уладзімір Арлоў*, *Валянцін Акудовіч* и даже легендарный *Васіль Быкаў*), – они воспринимали его не человеком власти, а защитником беларусскости. Во второй половине 1990-х *Някляеў* пробовал повлиять на окружение *Лукашэнка* уже как руководитель беларусского Союза писателей и главный редактор государственного литературно-художественного еженедельника «*Літаратура і мастацтва*» («Литература и искусство»). Это сотрудничество быстро закончилось, потому что режим не ставил своей целью продвижение беларусской демократической культуры. В 1999 году *Някляеў* вынудили эмигрировать. Он выехал в Польшу, затем жил в Финляндии, однако в

2004 году решил вернуться в Беларусь. Его произведения, естественно, исключили из школьной программы, так как он не занял угодливого положения по отношению к режиму.

В 2011 году *Уладзімір Някляеў* вел наиболее агрессивную и технологически современную избирательную кампанию. Более того, согласно оценке независимых экспертов, у него была наиболее сильная финансовая поддержка среди всех оппозиционных кандидатов. Харизматический *Някляеў* блестяще декламировал свои стихотворения: строка *«Я прыйшоў, каб вы перамаглі»* («Я пришел, чтобы вы победили») стала эффектным девизом всей кампании. В последний день голосования, за 50 минут до закрытия избирательных участков *Някляеў* был жестоко избит милицией. За несколько минут информация об этом долетела до сотен тысяч беларусов, что, по мнению наблюдателей, стало одной из причин мобилизации сторонников оппозиции в центре Минска. Именно тогда демонстрантов жестоко разогнали, были арестованы по крайней мере 750 человек, в том числе семь оппозиционных кандидатов в президенты. Самого *Някляеў* в ту ночь спецслужбы похитили из больницы и вывезли в неизвестном направлении (позже оказалось, что его посадили в так называемую «американку» – тюрьму КГБ, мрачно известную еще со сталинских времен).

Весь мир охватила кампания протеста против похищения и лишения свободы беларусского поэта и политика: по этому поводу высказались, в частности, Вацлав Гавел, Вислава Шимборска, Том Стоппард, Евгений Евтушенко, Джордж Буш-младший, ПЕН-центры многих стран и континентов. Однако в Беларуси господствовала тишина. Кроме сообщества интеллектуалов и правозащитников, никто не протестовал. Почему? Возможно, потому что у поэта или какого-то другого культурного деятеля, пользующегося беларусским языком, в современной Беларуси нет шансов стать народным пророком или популярным политическим лидером.

В этом месте необходимо обратиться к беларусской истории – как немного отдаленной, так и новейшей. Помню, как в 1980-х, в бытность аспирантом Минского лингвистического университета, я был ошеломлен разговором с одной важной персоной – беларусом, доктором филологии. Он сказал мне, что не желает и слышать про *Янку Купалу* (знаменитого беларусского поэта, одного из создателей современного

беларусского языка и литературы), ведь «*Купала* что-то там напакостил с женщинами…». Я осторожно ответил ему, что если сравнивать его в этом деле с российским классиком Александром Пушкиным, то выйдет, что *Купала* был самым девственным и честным человеком под солнцем. В ответ мой оппонент начал кричать: «Я не позволю тебе оскорблять великого Пушкина, ведь вся эта беларусская литература и *Янка Купала* вместе с ней ни на что не годны, уже через несколько лет о них забудут! Настоящая литература – русская литература». Если такие взгляды у университетского преподавателя, то что говорить про обычного беларуса, у которого знакомство с беларусской литературой ограничивается считанными произведениями школьной программы, одобренной Министерством образования под давлением политической цензуры. У сегодняшних учеников, как и в советские времена, нет доступа к большинству лучших произведений беларусской национальной литературы, а творчество беларусскоязычной эмиграции полностью запрещено. Естественно, сегодня печать и распространение этой литературы – не проблема. Но если в абсолютном большинстве школ в Беларуси на беларусский язык выделяют один-два академических часа в неделю (на которых изучают главным образом теорию языка), то абсолютное большинство моих соотечественников не в состоянии даже понять произведения самых одаренных беларусских писателей или философов. Нужны особые усилия, чтобы преодолеть последствия обычной нехватки времени – а часто и банальную лень – и самостоятельно изучить язык своих предков.

Опять возвращаюсь в памяти в 1980-е. Где-то в 1984 году в местной газете под нелитературным названием «*Хімік*» (ее издавали в Новополоцке, «городе большой химии»), появились мои первые переводы нескольких стихотворений Генриха Гейне, *Адама Міцкевіча* и Владимира Маяковского на беларусский язык. Через несколько недель меня вызвали в отдел кадров Новополоцкой политехники, где я тогда работал ассистентом преподавателя. Там меня ожидал какой-то господин (фамилию теперь уже и не вспомню), представившийся подполковником КГБ Витебской области, ответственным за «борьбу с проявлениями национализма». Очевидно, он посчитал таким проявлением публикацию моих переводов в газете «*Хімік*». «Леонид Петрович, – сказал он мне (конечно, по-русски), – вы должны понять, что у беларусского

языка нет никаких шансов на выживание. Это архаичный язык, и на нем невозможно передать какое-то серьезное содержание». Товарищу подполковнику прежде всего мешало то, что я перевел на беларусский язык Маяковского («нашего пролетарского поэта»). Я ему ответил, что, будучи профессиональным лингвистом, считаю, что один язык не может быть хуже другого. Я был осторожен и делал вид, что просто чего-то не понимаю: еще немного верил, что подполковник примет мои аргументы и оставит меня в покое. Естественно, для него этот разговор был только формальностью: он исполнял приказ. Немного позже, во времена перестройки, я понял, что политику ассимиляции в Советском Союзе запланировали в широких масштабах, за ее реализацию платили большие деньги, в особенности, тем представителям «малых народов», которые изменяли своей идентичности и выступали за замену родного языка на русский (общепонятный язык) в учреждениях, системе образования, в учреждениях культуры. Те, кто пробовали сопротивляться русификаторам, даже если только высказывали другую мысль по этому поводу, в сталинские времена чаще всего оказывались в Гулаге или в Курапатах, а в более поздние времена попадали в психиатрические больницы; в других же обстоятельствах их «всего-навсего» преследовали и высмеивали.

Шансы на какие-то перемены появились на переломе 1980-90-х. Именно тогда отечественная культурная элита, в основном беларускоязычная, стала во главе антикоммунистического движения, главной целью которого было возвращение Беларуси независимости и демократии. С самого начала эти группы интеллигенции активно поддерживали круги беларусскоязычной молодежи разной ориентированности – они появились в 1990-х в Минске и в других городах Беларуси: в Витебске, Гродно, Бресте, Могилеве, Новополоцке, Орше, Барановичах. Проведенные весной 1990 года частично демократические выборы в Верховный Совет БССР принесли этому движению, во главе которого стоял Беларусский Народный Фронт (БНФ) с лидером *Зяноном Пазьняком* (по профессии историком искусства и археологом), сравнительный успех. В результате сложной конкуренции депутатами стали два самых известных беларусских писателя, *Ніл Гілевіч* и *Анатоль Вярцінскі*, а также несколько менее известных деятелей культуры, архитекторов, художников, историков и т.д. Фальсификации, которые и тогда были

при подсчете голосов, не позволили победить нескольким известным писателям (в частности, *Рыгору Барадуліну*, *Генадзю Бураўкіну*, *Сяргею Законнікаў*, *Артуру Вольскі*, *Адаму Мальдзісу*), а также художникам (*Аляксею Марачкіну*, *Міколе Купаве*, *Сымону Свістуновічу*). Несмотря на это, небольшая фракция БНФ при поддержке немногочисленных депутатов и формально не входящих в нее интеллигентов и рабочих сумела убедить Верховный Совет, который на 80% состоял из коммунистическо-хозяйственной номенклатуры, что провозглашение независимости страны необходимо для спасения беларусского народа от внешних и внутренних угроз (в первую очередь от последствий аварии на Чернобыльской АЭС). Тогда началось и возрождение беларусской школы. В 1994-95 учебном году более 75% учеников первых классов Беларуси пошли в школы с беларусским языком обучения (в Минской области эта цифра достигала почти 90%!). Родители изредка протестовали, но в масштабе страны это были единичные случаи (следует помнить о том, что в Беларуси жила наибольшая в процентном отношении в СССР группа военных и кгбистов небеларусского происхождения, включая военных пенсионеров и их семьи). Однако уже тогда, особенно после прихода к власти *Аляксандра Лукашэнка*, беларусскую интеллигенцию активно обвиняли в… экономическом кризисе, который продолжается в стране под коммунистическим и лукашенковским управлением с момента приобретения независимости беларусским государством в 1991 году. К сожалению, эта пропаганда имела и имеет свои последствия. Раздраженные беларусы старшего и среднего поколения связывают ухудшение своей жизни именно с новыми фигурами, появившимися на беларусской политической сцене в начале 1990-х, ведь это были харизматические личности, чьи фамилии легко запоминались, благодаря ежедневной прямой трансляции заседаний Верховного Совета.

Эти драматические обстоятельства в значительной степени позволили *Аляксандру Лукашэнка* с помощью монополизированного им беларусского телевидения сформировать в глазах большой части населения Беларуси представление о беларусскоязычной интеллигенции как о бездельниках, которые за воображаемые деньги с Запада (а теперь и из России) сидят на шее беларусского народа.

Свою роль сыграли и репрессии со стороны режима. Правозащитники утверждают, что в 1995-2011 годах практически каждый

демократически настроенный писатель, музыкант, художник, кинематографист, театральный деятель или журналист сидел в тюрьме хотя бы несколько дней или был наказан огромным (по сравнению с доходами) и чаще всего безосновательным штрафом за участие в разных акциях протеста. К сожалению, обычный беларус знает про это немного, а если и знает, то чаще всего говорит: «И зачем им все это? Пусть бы сидели тихо, как я». Собственная трусость воспринимается как рациональное действие: такой человек скорее скажет, что поддерживает политику *Лукашэнка* (хотя часто, на самом деле, не отождествляет себя с ней), но никогда не поддержит людей, публично демонстрирующих свое несогласие. Также часто встречается отношение к деятелям культуры как к дармоедам, на которых «я работаю».

Каким же будет ответ на вопрос: несет ли беларусская интеллигенция ответственность за позицию большой части беларусского общества? Естественно. И другая позиция беларусского общества невозможна. Интеллигенция ответственна за то, что долгие годы не занималась поисками контактов с разными слоями беларусского общества, была слишком индивидуалистичной, более того – самовлюбленной. Часть писателей и художников занималась исключительно творчеством, даже имея дипломы преподавателей, никогда не работала с молодежью, обучая ее хотя бы беларусскому языку.

Сегодня мы переживаем последствия этого. В сегодняшней Беларуси *Уладзімір Някляеў* имел бы только теоретические шансы стать следующим президентом. Другой вывод из вышесказанного – беларусская интеллигенция сегодня должна одновременно бороться и работать, а это чрезвычайно сложная задача. Однако впредь разрешимая. По крайней мере, я хочу в это верить.

ЛЯВОН БАРШЧЭЎСКІ

Политизация активности – это то, с чем в беларусской культурной среде связана основная проблема. Порой силой и вопреки им самим.

ЕВРОПЕЙСКАЯ АНГЕЛОЛОГИЯ – БЕЛАРУССКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

МАРЪЮШ МАШКЕВИЧ – ИНТЕРВЬЮ

Павэл Ляуфэр: Вы много лет работали в Беларуси в качестве дипломата. Что по-вашему, определяет сущность беларусской культуры и третьего сектора?

Маръюш Машкевич: Самым важным фактором является политическая ситуация в Беларуси. Важен также комплекс явлений, влияющих на развитие беларусской культуры – в том числе, тех субъектов, которые создают эту культуру. В общем, за время правления президента *Лукашэнка* возникли два течения в сфере культуры – официальное, государственное, которое чрезвычайно осторожно задает наиболее важные для государства и беларусского народа вопросы, и независимое течение. Появляется соблазн сравнить такое положение вещей с ситуацией в Польше в восьмидесятых годах, с ее независимой культурой, художниками, бойкотирующими официальные СМИ. Но эта аналогия неправильна.

Конечно, многие уважаемые создатели культуры живут вне официальной сферы. О них не слышно в СМИ, о них не говорят в официальной прессе, их не видно по телевидению. Это касается прежде всего

художников, независимой музыки, в том числе ее самой младшей, роковой генерации. Благодаря международным организациям и поддержке беларусских НПО, многие годы им удавалось держаться и создавать достаточно серьезные вещи, как во внутреннем беларусском масштабе, так и во внешнем измерении.

П.Л.: В чем же специфика беларусской ситуации, не позволяющая сравнить ее с ситуацией Польши в восьмидесятые годы?

М.М.: Прежде всего, это другие переживания. В постсоветском пространстве у нас не было опыта с движением независимой культуры, с диссидентским движением. Это было второстепенное явление, знакомое только в нескольких крупных городах. Культура находилась на пограничье политической активности, направленной на распространение гражданских свобод. В Советском Союзе были и независимые творческие люди. Мы ведь знаем несколько имен, например, чрезвычайно популярных, считающихся независимыми певцов, которые редко появлялись в государственных СМИ: Высоцкий, Окуджава.

Однако в Беларуси мы имели дело с формированием «советского человека». Люди, которых массово перевезли из маленьких городков в большие промышленные центры, кормились общей советской культурой. Кино, музыка, театры из Москвы и Ленинграда ценились и в Минске. Даже чувствовалось, что беларусы стыдятся своей деревенской, народной культуры и считают, что то, что они хотели бы сказать, не имеет никакой ценности. Несмотря на то, что официальные власти поддерживали творчество народных коллективов.

После 1990 года для многих молодых людей это стало тем моментом и исходной точкой, от которой они пробовали оттолкнуться, чтобы искать вдохновение и найти его в более широком – европейском или мировом – контексте. Это удалось немногим. Та культура, с которой мы сейчас имеем дело, это, скорее, региональная культура, известная в Беларуси и других постсоветских странах, на пограничье. Однако у нее нет широко известного достояния. Нет беларусского писателя, который бы получил Нобелевскую премию. Зато есть примеры людей, которые достаточно известны: *Святлана Алексіевіч*, *Васіль Быкаў* или *Уладзімір Арлоў*. Благодаря польско-беларусскому сотрудничеству,

могло проявить себя целое поколение молодых авторов. Наверное, лучший пример – *Андрэй Хадановіч*.

Вопросы искусства тесно связаны с политикой. Процесс формирования нации в Беларуси, ее самосознания – это очень сложное дело. Главная причина этих сложностей – советизация, как в ежедневной жизни, так и в высокой культуре. Доминирует русский язык. Это банально, но об этом нельзя забывать, если речь идет о специфике беларусской культуры. Люди, разговаривающие на беларусском языке, автоматически причисляются к оппозиции. Это те, кто своим языком декларирует взгляды. Язык там имеет своеобразную функцию автопрезентации.

П.Л.: Как сегодня Вы оцениваете ситуацию по сравнению с той, которую застали, когда пришли в дипломатическое представительство? Тогда ведь начиналось польско-беларусское сотрудничество на культурном, институциональном и неправительственном уровне. Как на данный момент Вы оцениваете это сотрудничество и возможности – тогда и теперь?

М.М.: Здесь появляется проблема некоторых исторических событий, существующих в польско-беларусских отношениях. Польша для большой части беларусов – особенно из западной части страны – была государством с высокой культурой, которая навязывалась беларусам, проживающим на территории бывшей Речи Посполитой. На территории Беларуси столкнулись два мира культуры – польской и русской, создавая некоторого рода конкуренцию. Известно, что театр *Дуніна-Марцінкевіча* был в определенном смысле политической идеей борьбы с царизмом, показывая меньшинство и отличия, говоря о том, что беларусы отличаются от москалей, что они не хотят поддаваться попыткам введения последними новых порядков, что у них есть свой язык, традиции и достижения.

Для того, чтобы преодолеть исторические схемы польско-беларусских отношений после возрождения независимости, после установления официальных и неофициальных контактов, Польша работала через общественные организации, органы самоуправления, Польский институт, консульские представительства, посольства. Мне кажется, что это делается хотя и с переменным успехом, но достаточно эффективно.

Сотрудничество заключается, прежде всего, в попытках показать современную польскую культуру, а также культуру польско-беларусского пограничья для того, чтобы вдохновлять и искать точки соприкосновения.

С того времени появилось несколько интересных начинаний. Примером может послужить рок-фестиваль «*Басовішча*» или Фестиваль беларусской культуры в Белостоке, где представлена беларусская и местная, белостокская, культура. Эти два мероприятия, проходящие на польско-беларусском пограничье, с польской стороны, в некотором смысле конкурировали между собой. С одной стороны, официальное мероприятие государственного характера, спонсором которого было Беларусское общественно-культурное общество в Польше, а с другой – студенческая молодежь беларусского происхождения с независимым фестивалем «*Басовішча*». С беларусской стороны также удалось организовать ряд мероприятий – театр, музыка, сми, литература – существуют такие островки польского присутствия, которые вдохновляют беларусских авторов. Поэтому и есть у нас сегодня такие журналы, как «*Arche*», «*PARTizan*» и ряд других, которые выросли из потребности вписать беларусскую идентичность в европейскую культуру. Я думаю, что это характеристичная черта польско-беларусского сотрудничества, развивающегося на протяжении двух последних декад, несмотря на препятствия и проблемы.

Тем не менее, процесс дебеларусизации школы и государственных культурных учреждений ведет ко все большему росту неудовлетворенности среди создателей культуры. Мы имеем дело с большой волной эмиграции. Неслучайно *Васіль Быкаў* последние годы жизни прожил на Западе. *Святлана Алексіевіч* также живет вне Беларуси, лишь изредка приезжая. Многие писатели ищут проекты, благодаря которым могли бы творить, и находят такую возможность в Польше, Литве и в Западной Европе.

П.Л.: Если идет речь об эмиграции беларусской интеллигенции, то не считаете ли Вы, что нет сходства с явлением, которое в настоящее время есть в контексте Украины? Украинская эмиграция поддерживает и инициирует процессы, влияющие на страну на расстоянии. Среда интеллектуалов в Торонто в некотором смысле является для

Украины тем, чем была, например, парижская «Культура» для Польши. Как Вы думаете, есть ли у Беларуси такая выразительная среда?

М.М.: Украинские центры были очень сильны еще с послевоенного времени. Огромное количество украинцев, живущих в Германии или Америке, создавало украинские островки. В сороковые, пятидесятые годы был создан университет в Мюнхене, затем следующие – в США, Канаде. Эти группы оказывали сильное влияние, что сегодня заметно, например, в украинской историографии. Это прекрасно иллюстрирует творчество Рябчука или Грицака.

В свою очередь, беларусская эмиграция была относительно слабой. У беларусской диаспоры в Литве или Польше не было сильной творческой элиты. Я думаю, что сравнение с Гедройцем не совсем удачное. В этом случае мы имеем дело с явлением мирового масштаба. Редко случается, чтобы идеи, созданные на эмиграции небольшой группой интеллектуалов и авторов, прижились в конкретной стране. Это исключение, подтверждающее правило, которое не имеет аналогов в других эмиграционных центрах в Центральной и Восточной Европе.

Если говорить о каком-то достаточно сильном культурном воздействии на Беларусь извне, то здесь, наверное, главную роль играет Польша. Я имею в виду белостокскую среду. Их детище, например, «*Czasopis*», издательские серии или научные журналы.

Гедройц при помощи польских профессоров пробовал создать сильный университетский центр в Белостоке, однако это не до конца удалось. Оказалось, что это не так просто, и такой процесс занимает долгие годы.

Белосток влияет на Беларусь сильнее, чем Люблин, но оба эти центры очень важны. Это видно по проектам на польско-беларусском или польско-украинском пограничье.

П.Л.: Что, по-вашему мнению, являлось раньше и теперь является препятствием в сотрудничестве между Беларусью и странами Евросоюза, в том числе Польшей? Конечно, мы знаем о политическом контексте – это очевидно. Но, как Вы думаете, есть ли у беларусов уровень доверия, позволяющий хорошо сотрудничать? Чувствуют ли беларусы себя связанными с Европой?

М.М.: Несомненно, беларусы чувствуют себя европейцами. В течение последних двадцати лет они упорядочили свое историко-культурное наследие, которое об этом свидетельствуют.

Я всегда говорю о трех основных столпах беларусской идентичности, европейского исторического самосознания. Первый связан с государственностью, с правом. Это, например, Статут Великого княжества Литовского, который является частью беларусского исторического наследия, несмотря на спор об этом документе с литовцами.

Второй столп – это сфера глубокой религиозной культуры, то есть все то, что связано с достоянием *Франциска Скарыны*: «Библия» на беларусском языке и развитие трех главных христианских церквей на территории Беларуси: грекокатолической, католической и православной. Этот процесс даже сегодня заметен в православии. Это беларусизация, проходящая очень медленно, снизу, но она есть, она видна, и ее заметили даже в московском патриархате. Такова политика теперешнего митрополита. Отчетливо видно и влияние недавно умершего кардинала *Свёнтэка*, призывавшего к беларусизации католического костела. Это большое достижение католического костела, которое удалось достичь, благодаря великому польскому патриоту, которым был кардинал *Свёнтэк*.

Третий столп беларусской культуры связан со светской литературой. Приведу пример: я недавно опубликовал на сайте *«Камуніката»* (проект Интернет-библиотеки, создаваемой в Белостоке группой местных культурных деятелей) «Беларусского Тристана», беларусский перевод старой легенды о Тристане. Есть такая рукопись, датированная концом XVII века, сделанная, скорее всего, в какой-нибудь канцелярии. Это показывает сознание беларусской культуры, ее глубокие европейские культурные корни.

Беларусы не должны доказывать, что они европейцы. Однако для них это чрезвычайно важная точка отсчета.

Политизация активности – это то, с чем в беларусской культурной среде связана основная проблема. Порой силой и вопреки им самим. Преобладающее большинство из них не хотело быть политическими. Они не хотели вдаваться в политические споры и дебаты, но процесс русификации или даже повторной советизации на протяжении последних пятнадцати лет привел к тому, что порыв сопротивления как бы

поместил этих создателей в зону сопротивления, независимой активности по отношению к официальной идеологии и властям.

Польша и западные страны поддерживают такую активность. Значительная часть средств идет как из разных внешних источников, так и из самой Беларуси. Они идут на деятельность НПО, независимых организаций, неправительственного сектора. Артистов как бы автоматически заставляли функционировать без государственной поддержки. Это и есть проблема политизации артистов из круга независимой культуры, которые охотно и с удовольствием воспользовались бы государственным меценатством, но, к сожалению, официальная система их отвергает из-за беларусского языка и ценностей, присутствующих в их искусстве и противоречащих государственной идеологии.

П.Л.: Давайте поговорим о последних событиях, связанных с тем предоставлением польской системой правосудия информации о банковских счетах независимых беларусских деятелей. Вы считаете, что это верхушка айсберга?[1]

М.М.: Да. Прежде всего, потому, что этот процесс, к возмущению многих беларусских кругов в Польше и Беларуси, происходил на протяжении многих лет. Мы наблюдаем действия судов и следственных органов по отношению к лицам, которым власти инкриминируют уголовные деяния. А эти люди, в подавляющем большинстве, – независимые активисты или лица, поддерживающие независимые организации и политические партии. Они преследовались международными ордерами на розыск и сажались в тюрьмы уже в девяностые годы, и их судьба зависела только от конкретных судей и прокуроров. Я не могу сейчас перечислить имен всех тех, кого преследовали. Наверняка многие провели целые недели или месяцы в польских тюрьмах в ожидании оправдательных решений. Не раз удавалось доказать, что присланные из Беларуси документы были сфабрикованы. Таким образом, история *Алеся Бяляцкі* – это верхушка айсберга. Это не злая воля польской стороны, а, скорее, инертность

1 В августе 2011 г. польская прокуратура передала беларусским следователям данные о банковских счетах беларусских оппозиционеров, что вызвало очередную волну репрессий.

учреждений. Польша, подписывая договор о правовой помощи и пользуясь помощью беларусских государственных учреждений, стремилась улучшить работу судебного аппарата. Я помню, что еще несколько лет назад мы называли юридическое сотрудничество обеих сторон образцовым. В большинстве случаев оно касалось сферы безопасности государства, то есть преследования уголовных преступлений. Можно сказать, что беларусские власти использовали эту ситуацию и что сегодня такое преследование касается людей, у которых никогда не должно было быть таких обвинений. Я не знаю, как конкретно это выглядело в случае с *Алесем Бяляцкі*. Была ли это злая воля или незнание либо за этим скрывается еще что-нибудь?

П.Л.: Министр Сикорски говорил об отставке прокурора, ответственного за передачу информации, об изменении закона так, чтобы только Генеральная прокуратура могла предоставлять такого рода данные. Как Вы оцениваете поведение польской стороны? Что может сделать польская сторона для того, чтобы улучшить эту ситуацию?

М.М.: Проект сотрудничества с официальными государственными учреждениями в польско-беларусских или литовско-беларусских реалиях возник где-то в конце девяностых. Он предусматривал сотрудничество до определенного политического уровня, стараясь одновременно не наносить вреда определенной системе ценностей и формированию хороших отношений с обществом. Шла речь о поддержке независимой культуры, популяризации демократии и близких нам ценностей. Казалось, что такая игра на двух фортепиано возможна. Однако в последнее время разные ситуации показали, что эти сферы во многих случаях пересекаются, и такая игра становится все сложнее. Польские власти должны будут пересмотреть эти принципы. Я надеюсь, что это будет сделано с пользой для сотрудничества с независимой средой и что поток помощи для независимых организаций в Беларуси не остановится. Я имею в виду не только организации, создающие культуру в широком понимании этого слова, но и те, которые занимаются созданием гражданской и демократической Беларуси. Это очень важно. Здесь же скрывается и важная геополитическая проблема. Для многих независимых беларусских политиков прекращение сотрудничества

между Беларусью и Западом действует в пользу России. Необходимость прекращения официальных отношений на линии Варшава – Минск, Вильно – Минск или Брюссель – Минск вызывает у них беспокойство. Освободившееся место займет кто-то другой. Они боятся русификации, подчинения Беларуси Москве и считают, что российская стратегия предполагает создание ситуаций, в которых западные партнеры Беларуси отказываются от нее. Как эти проблемы решат польский министр или премьер-министр – хороший вопрос. Я думаю, что это, скорее, длительный процесс, в котором важно умение лавировать между рифами.

П.Л.: Как Вы оцениваете возможности развития независимой культуры и НПО в Беларуси?

М.М.: К счастью, создатели культуры, кроме финансовой поддержки и участия в международных проектах, не требуют сильного меценатства и государственной опеки. Автор, который рисует, сочиняет музыку или пишет, делает это дома в рамках тех средств, которые у него под рукой. Ему не нужен министр, или директор, или апартаменты для того, чтобы создавать. Я думаю, здесь есть целый ряд инструментов, которые может использовать Запад независимо от политическо-правовой ситуации. Я говорю о финансовой поддержке, об участии артистов в общих проектах ЕС.

Так, в частности, должен был работать проект Восточного партнерства. С сожалением, однако, признаю, что он не функционирует так, как планировалось в начале. Участвуя в подготовке этого проекта, мы рассчитывали, что сможем использовать опыт работы с Украиной. Нам казалось, что мы привлечем наши государственные и европейские средства, вовлечем неправительственные и культурные организации и спокойно начнем работать в разных сферах. С Украиной так получалось на протяжении многих лет, и события 2004 года были отчасти результатом активности польских НПО, работавших тогда еще без финансовой поддержки со стороны польского государства.

П.Л.: Какие, в таком случае, были предпосылки и цели по отношению к Беларуси на этапе планирования Восточного партнерства?

М.М.: Это проблематичный вопрос. Разные лица и организации видели это по-разному. Я сам помню идеи в министерстве, связанные с созданием рамок, которые ЕС должен был как бы сам наполнить. Имелось в виду создание общего документа и введение его в институциональную махину Евросоюза. Оказалось, что это не срабатывает, и что для этого все-таки нужны сильные модераторы. Мне казалось, что эту роль возьмут на себя неправительственные организации – не только польские, но и чешские, литовские. И те из Восточной Европы, у которых есть опыт сотрудничества с Украиной, Беларусью или странами Кавказа. Я разочарован, потому что не хватило импульса, идей и смелости отдать Восточное партнерство в руки таких модераторов, которые могли бы взвалить это на свои плечи и работать вместо государственных или европейских учреждений. Тем временем, они сталкиваются с отсутствием конкретной информации, государственные учреждения не дают им никаких инструментов.

П.Л.: Какими Вы видите дальнейшие шаги со стороны Польши и Европейского союза, которые могли бы улучшить сложившуюся ситуацию?

М.М.: Я думаю, что давление со стороны НПО на польские государственные учреждения должно быть сильнее. Организации, ответственные за Восточное партнерство, должны указать инструменты и методы, которые помогут реализовать общие цели Партнерства, создать механизмы, благодаря которым беларусы смогут воспользоваться внешними средствами. Пока что мы имеем дело с ангелологией – мы разговариваем о небесных сферах.

Если речь идет о польских учреждениях, то я имею в виду прежде всего Министерство культуры, органы самоуправления и негосударственные учреждения. То, что может помочь извне беларусским артистам, – это совместное участие в разного рода проектах с Польшей, Литвой или другими странами Европейского союза. Мы, по возможности, должны сами генерировать эти события и приглашать поучаствовать в них беларусских деятелей. Для них это очень много значит, это попытка выйти за пределы своей среды и сопоставить то, что они сами делают, с тем, что происходит в Европе.

Для Европейского союза это немного б**о**льшая проблема. У Евросоюза есть проблема с самим собой – в основном со своим развитием. Если посмотреть на Брюссель, то все чаще видно, что он начинает концентрироваться только на себе. Он говорит о необходимости решения внутренних проблем ЕС и о том, что все меньше средств для выхода наружу. Мы, поляки, смотрим на Беларусь, Украину или Молдову, как на потенциальных членов ЕС, как на страны с окраины, которые все сильнее будут притягиваться в объединенную Европу. Однако для немцев, французов, испанцев или итальянцев это что-то абстрактное, скорее нагрузка, чем положительное явление. Я столкнулся с этим во время поисков денег для проекта телевидения «Белсат». Я ходил от двери к двери по разным европейским учреждениям, выступал на встречах, во время которых принимались решения о поддержке свободных СМИ в Беларуси. Там часто возникали вопросы, на которые мы не знали, как отвечать: «А зачем это вообще? Да пусть они себе там живут, как хотят. Это их дело, будут ли они в России или нет, сожрет ли их мафия или нет, будут ли они иметь европейское сознание или нет. Это неважно». Это окраины богатого ЕС, борющегося с массой собственных проблем. ЕС смотрит на Беларусь так, как на Марокко, Алжир или Ливию. С польской перспективы мы говорим: «Нет, это страны с европейским наследием, связанные с нашим контекстом. Это не соседи Европы, а европейские государства, и поэтому с ними надо сотрудничать». Для них это, к сожалению, не так очевидно, как для нас.

БЕЛАРУССКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ КУЛЬТУРА – ПОПЫТКА ДИФДИАГНОЗА

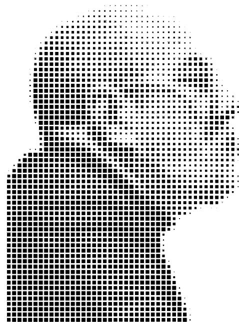
Беларусское культурное пространство настолько дифференцировано и настолько внутренне противоречиво, что, кажется, нет и не может быть единственно возможной его трактовки и оценки. Для многих беларусской культуры вообще не существует, и вопрос заключается в том, это проблема исключительно самой культуры или проблема наблюдателя, не видящего ее, потому что она по каким-то причинам не попадает в общий тренд и, соответственно, эфир?

«Вы видите беларусскую культуру?» – так и хочется спросить у первого попавшегося прохожего. И даже если его ответ будет отрицательным, с уверенностью можно парировать фразой из анекдота: «Не видите? А она есть».

О том, почему сложилась ситуация «невидимости» и что с этим всем делать, рассуждают наши эксперты. Они пробуют поставить беларусской независимой культуре дифференциальный диагноз, определить, какие прививки и порошки ей надо прописать и каков прогноз – благоприятный или нет, наконец – пациент скорее жив или скорее мёртв?

Эксперты – демиурги современной беларусской культуры, которые, однако, смотрят на нее и оценивают ее с разных перспектив и позиций, что позволяет нам получить наиболее полную клиническую картину.

ТАЦЯНА НЯДБАЙ

ВАЛЯНЦІН АКУДОВІЧ

ФИЛОСОФ, ЭССЕИСТ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК. В ШИРОКИХ КРУГАХ ИЗВЕСТЕН ТЕМ, ЧТО ЕГО «НЯМА».

ЧТО ДЛЯ ВАС ОЗНАЧАЕТ ПОНЯТИЕ «НЕЗАВИСИМАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ»?

В.А.: Прежде всего, для меня это понятие означает культуру деятельную, что проявляется как творческая активность в ситуации сопротивления формальной культуре, легализованной политическим дискурсом власти. Исходя из этого, по большому счету, только *независимая* культура и является собственно культурой в современной Беларуси. Хотя очевидно, что мой тезис чересчур радикален, чтобы быть объективным относительно всех остальных контекстов культуры, иногда и присвоенных государством. А во многих сферах разграничение культуры на «зависимую» и «независимую» вообще практически невозможно, как, скажем, в дизайне или симфонической музыке.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СЕГОДНЯШНЕЕ СОСТОЯНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ? ЧТО МЕШАЕТ ИЛИ СПОСОБСТВУЕТ ЕЕ РАЗВИТИЮ?

В.А.: Не уверен, что здесь может быть какой-то универсальный ответ. *Независимая* культура проявляется в самых разных видах, жанрах, формах и т.д. Поэтому, как говорится, в одном месте густо, а в другом – пусто. К примеру, чрезвычайно богато и динамично презентует себя поэзия. Кажется, ей никак не мешает ни репрессивное внимание к ней власти, ни еще более репрессивное безразличие общества. А вот театр (за исключением «Свободного театра») в *независимой* культуре так и не сформировался, по крайней мере – как явление.

Исходя из этого, о проблемах и перспективах можно рассуждать только относительно какого-то конкретного события, а не всего дискурса

независимой культуры. А что касается этого дискурса как целого, так у него одна проблема – собственная *независимость*, и одна перспектива – когда-то потерять свою *независимость* и стать просто культурой.

КАКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫМИ И ПЕРСПЕКТИВНЫМИ? ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МОГЛО БЫ ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ К ЛУЧШЕМУ? ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ?

В.А.: *Независимая* культура Беларуси – уникальный феномен. За время своего существования она создала многочисленные образовательные, научные, аналитические и другие институты, которые плодотворно работают уже много лет. Сюда же добавим множество газет, журналов, альманахов, издательств, просветительских, литературных, интеллектуальных и других сообществ, одно перечисление которых займет неизвестно сколько места.

В дискурсе *независимой* культуры впервые появилось и достаточно ярко себя проявило беларусское национальное мышление, уже именно как мышление. Еще более важным событием стало дооформление (переоформление) национальной историографии, которая концептуально видоизменила представление беларусов об их собственном прошлом.

Здесь (и только здесь) сформировалась новая беларусская литература, решительно отличающаяся – и по сути, и по качеству – от той, что была раньше. Одним из (возможно, и неожиданных) итогов этой перемены стал – без преувеличения – взрыв переводческой литературы.

Отдельно надо сказать о рок-музыке, которая в девяностые годы для пробуждения национального сознания беларусов сыграла не меньшую роль, чем в свое время оперы Вагнера для национального сознания немцев…

На этом пока и остановлюсь, чтобы успеть заметить, что *независимая* культура реабилитировала всю беларусскую культуру за все время ее суверенного существования. И еще. Не за горами то время, когда достояние *независимой* культуры ляжет в основу всей национальной культуры. Но пока это время не настало, ей, естественно, необходима поддержка, поскольку это не коммерческая массовая культура, которая сама на себя

зарабатывает. Где искать эту поддержку в ситуации, если государство враждует с собственной культурой? Везде, где можно. Хотя конкретный ответ на этот вопрос, как говорят ученые, не в моей компетенции.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПЕРЕМЕНЫ В НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ? КАКОЕ СОБЫТИЕ, СИТУАЦИЯ ИЛИ ЛИЧНОСТЬ ВАС НАИБОЛЕЕ ВПЕЧАТЛИЛИ ИЛИ УДИВИЛИ?

В.А.: Разумеется, за столько лет многое должно было измениться. Уже давным-давно нет той романтической эйфории, которой наполнялся каждый, кто начинал возрождать национальную культуру. Да и само понятие «национального» утратило ту императивность, которую имело вначале. Здесь я имею в виду знаменитую триаду: язык, отдельная культура, героизированная история. Постепенно крутой национализм оказался на периферии, уступив место беларусоцентризму, который определяют всего две и, к тому же, довольно абстрактные константы: свобода и нежность к своей стране. После этого дискурс «независимой беларусской культуры» потерял свою строгость и целостность, но приобрел поддержку той части общества (прежде всего русскоязычной), которую пугал национальный радикализм. Поэтому сегодня *независимая* культура существует как бы в двух форматах: «беларусском» и «русском». Но вот что интересно – в отличие от прежних времен, когда русскоязычные пассионарии в Беларуси чувствовали свою принадлежность к русской культуре, сейчас они в подавляющем большинстве также считают себя презентантами дискурса *независимой* беларусской культуры (пусть и русскоязычной ее версии). И это очень важная, концептуальная перемена.

А что касается второй части вопроса, то, прежде всего, меня восхищает наша способность уже два десятилетия вести (пусть и не без потерь) дискурс *независимой* беларусской культуры в условиях тотальных репрессий, которые день за днем обрушивает на нас диктатура. Кстати, от этого восхищения я даже тост придумал – *За защитников дискурса!* На День Воли мы с друзьями его обязательно произносим, ведь достойна же наша живучесть крепкой чарки?

МІКАЛАЙ ХАЛЕЗІН

ДРАМАТУРГ, ЖУРНАЛІСТ, РЭЖЫСЁР, МАСТАК. АДЗІН ДРАМАТУРГ, ЖУРНАЛИСТ, РЕЖИССЁР, ХУДОЖНИК, ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ И РУКОВОДИТЕЛЬ «СВОБОДНОГО ТЕАТРА».

ЧТО ДЛЯ ВАС ОЗНАЧАЕТ ПОНЯТИЕ «НЕЗАВИСИМАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ»?

М.Х.: В большинстве цивилизованных стран понятие «независимая культура» отсутствует[1]. «Зависимость» в нашем контексте – это элементарная несамостоятельность и, как следствие, полное или частичное подчинение государству. А учитывая тот факт, что наше государство – это диктатура, зависимость становится жестким идеологическим барьером, преодоление которого карается отказом в финансировании, лишением возможности легально работать, если не банальным силовым прессингом, выраженным в разной форме.

В цивилизованных странах, даже выделяя полное финансирование творческим коллективам, государство не имеет права вмешиваться в творческий процесс, а, следовательно, неуместен разговор о «зависимости» или «независимости». К примеру, в Швеции есть два типа театров – государственные и независимые. Государственную финансовую поддержку получают и те, и другие, но «независимые» не получают государственного заказа на постановки. Очевидно, что сегодня мы находимся в терминологическом разрыве с демократическими странами и пользуемся терминологией несвободного общества. Сегодня, говоря о Беларуси, этим термином я объединяю некое сообщество

1 Ответы даны на русском языке (прим. перев.).

творческих единиц, которые могут творить, игнорируя идеологические установки власти.

Вынужден оговориться: я не очень понимаю термин «культура» и чаще в дискуссии использую термин «искусство». Понятие «культура» кажется мне слишком всеобъемлющим и потому не совсем понятным для меня.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СЕГОДНЯШНЕЕ СОСТОЯНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ? ЧТО МЕШАЕТ ИЛИ СПОСОБСТВУЕТ ЕЕ РАЗВИТИЮ? ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАМИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ?

М.Х.: На мой взгляд, существует единственная проблема, которая тормозит развитие процесса, – это проблема образования в сфере искусства. Искусство не может развиваться в замкнутом пространстве – творцы обязаны знать, что было сделано до них, что происходит в мире сейчас, в эту минуту. Любое опоздание в образовании в этой сфере отбрасывает целые поколения на десятилетия назад.

Важны дискуссионные площадки, где обсуждаются современные течения в искусстве. Важны экспериментальные сцены и творческие лаборатории. Важны мастер-классы мировых звезд и ведущих в мире специалистов. Ничего этого нет. Сегодня в программах беларусских творческих вузов история искусств заканчивается в начале второй половины XX века. Все, что произошло позже, либо дается фрагментарно, либо не дается вовсе. Я сталкивался с этой проблемой и в пору, когда возглавлял Центр современного искусства, и сейчас, когда занимаюсь театром.

Пытаясь расширить труппу, мы пытались работать с разными беларусскими актерами, но столкнулись с тотальной проблемой подготовки – и практической, и теоретической. Поэтому три года назад приняли решение о создании собственной творческой лаборатории для подготовки театральных специалистов, которые соответствовали бы не только нашим требованиям, но и требованиям современного театра вообще. В итоге пятеро студентов уже оказались готовы к тому, чтобы

представлять театр на самых престижных мировых площадках. Мне кажется, что это единственный путь развития сегодня – забота творцов о самообразовании, коли государство не берет на себя эту функцию.

КАКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫМИ И ПЕРСПЕКТИВНЫМИ? ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МОГЛО БЫ ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ К ЛУЧШЕМУ? ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ?

М.Х.: Я повторюсь – изменение отношения к образованию. Только это сегодня может способствовать изменению ситуации. Даже проблема с финансированием проектов вторична. Беларусское искусство в массе своей не предлагает инновационного продукта. И именно поэтому сегодня говорить о том, что оно вписано в современный контекст, – невозможно. Мы имеем лишь один-два продукта в каждом из видов искусства конкурентоспособных в мире – это мизер для десятимиллионного государства. Это означает, что нашего искусства в мире нет.

Сегодня важно отстроить логистику в сфере искусства. Даже в условиях диктатуры правильно выстроенная логистическая цепочка приводит к положительному результату. Острая проблема менеджмента в сфере искусства также связана с недостатком образования. Беларусские галеристы не понимают закономерностей развития мирового арт-рынка; менеджеры в сфере исполнительских искусств не знают, как промотировать артистов вне Беларуси; продюсеры не отдают отчета в том, в какой продукт вкладываются средства… При этом в среде менеджеров большое количество людей талантливых, которые могли бы освоить все премудрости мирового арт-рынка.

Мы преподаем в разных странах, и я всегда поражался тому, что европейские и американские студенты, не обладая б**о**льшими, чем беларусы талантами, добиваются во много раз большего. Секрета тут нет – они живут в постоянном потоке новинок, происходящих в сфере их интересов; в рамках образовательных программ они общаются со всеми выдающимися людьми той сферы, которой интересуются. И это дает результаты не спустя годы, а практически мгновенно.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПЕРЕМЕНЫ В НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ? КАКОЕ СОБЫТИЕ, СИТУАЦИЯ ИЛИ ЛИЧНОСТЬ ВАС НАИБОЛЕЕ ВПЕЧАТЛИЛИ ИЛИ УДИВИЛИ?

М.Х.: Я вижу ухудшение ситуации почти во всех сферах искусства. Сказались массовые отъезды серьезных талантливых музыкантов, художников, литераторов. Размылся критерий качества, деформировалась система ценностей. При этом есть те люди, которые вытаскивают ситуацию, сохраняя высокий класс даже на международном уровне.

Я не скажу, что появился в Беларуси кто-то, кто меня поразил. Скорее, это были люди, которые представляют другие страны. Но есть те люди, которые не снижают планку, оставаясь законодателями в своих сферах. Меня очень радуют *Сяргей Міхалок* и *Жэня Калмыкоў*, которые ведут «Ляпис Трубецкой» очень правильным курсом, не сдерживая эмоций, но, при этом, не теряя контроля над собой. Несколько лет внимательно слежу за *Іваном Кірчуком* и его «Троицей», которые неизменно выдерживают очень высокий уровень, оставаясь в элите европейской фолк-музыки. Трудоспособность *Валодзи Цэслера* и его уровень креативности – это образец для художников: не только для беларусов, но и для дизайнеров и графиков Европы. В литературе наиболее интересны для меня в последнее время были *Андрэй Хадановіч* и *Альгерд Бахарэвіч*.

Есть целый ряд молодых музыкантов, литераторов, художников, которые уже заявили о себе, но пока остаются в тени, не сумев проявить себя в международном контексте. Это сегодня очень важно не только для самоудовлетворения, но больше для того, чтобы кардинально изменилась ситуация внутри страны.

УЛАДЗІМІР МАЦКЕВІЧ

МЕТОДОЛОГ, ФИЛОСОФ. СОЗДАТЕЛЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ АГЕНТСТВА ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ. СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА.

ЧТО ДЛЯ ВАС ОЗНАЧАЕТ ПОНЯТИЕ «НЕЗАВИСИМАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ»?

У.М.: Я не пользуюсь таким понятием. Оно не кажется мне осмысленным. Ведь культура состоит из норм, прототипов, образцов, эталонов, стандартов. То есть культура – это комплекс связанных друг с другом вещей: реальных и воображаемых, идеальных и реализованных. Каждая реализация зависит от идеального образца, от идеала. Каждое произведение сколько угодно может приближаться к идеалу, но никогда не будет идеалом, идеальное мы можем или представлять, или мечтать о нем. Другое дело – творец, автор, актер, все те, кто «делают культуру», либо создают явления или события культуры. Вот творцы должны не зависеть ни от кого и ни от чего, кроме идеалов и ценностей, которые они себе представляют или о которых мечтают.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СЕГОДНЯШНЕЕ СОСТОЯНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ? ЧТО МЕШАЕТ ИЛИ СПОСОБСТВУЕТ ЕЕ РАЗВИТИЮ? ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАМИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ?

У.М.: Во времена глобализации все локальные, местные, национальные культуры находятся под сильным влиянием массовой культуры, которая

преподносится как общая, какая-то универсальная, якобы для всех, а на самом деле – ни для кого. В этом смысле беларусская культура является зависимой, но этим она не выделяется из всех других – не хуже, но и не лучше. Есть второй аспект зависимости, от которого страдает беларусская культура: нормы, образцы, идеалы и т.д. беларусские творцы берут извне, а не в самой современной Беларуси и беларусской культуре. Извне – как в пространственном измерении (из России, из Америки, из Европы), так и во временном (из прошлого, из традиции). Такая зависимость творцов от внешних образцов, от чужой моды (даже своей родной, но архаической) делает самих творцов эпигонами, неинтересными своим современникам и даже самим себе. Таким образом, развитие культуры или останавливается, или происходит не здесь, а где-то; до нас же доходят только вторичные остатки этого развития.

Утешает, что ситуация понемногу меняется, но мы еще не привыкли ценить и дорожить своим больше чужого. Современное уважать больше, чем прошлое, или на одном уровне с прошлым.

Мы пока развлекаемся вторичной культурой и наследием, только начиная создавать аутентичную – свою, родную и современную.

КАКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫМИ И ПЕРСПЕКТИВНЫМИ? ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МОГЛО БЫ ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ К ЛУЧШЕМУ? ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ?

У.М.: Главная положительная тенденция состоит в том, что современные творцы все больше обращаются к аутентичным (своим, беларусским и современным) нормам, образцам, идеалам, придавая им статус эталонов и прототипов. Именно своим, а не «чтобы не хуже, чем у соседа» или «чтобы, как у предков было спокон веков». Пока эта тенденция свойственна только части беларусских творцов и очень мало выявлена у потребителей культуры и искусства. К сожалению, потребители по-прежнему пользуются критериями «чтобы не хуже, чем у соседа», поэтому выбирают кто российское, кто европейское, мало обращая внимания на собственно беларусское, а если обращают внимание, то

только чтобы сравнить – «не хуже ли, чем там? на уровне ли?».

Беларусской культуре очень не хватает квалифицированного потребителя и пользователя: читателя, зрителя, слушателя. Причем не хватает и массового потребителя, и элитарного – из богемы или бомонда.

Ситуация может измениться к лучшему только тогда, когда творцы культуры и потребители обратят внимание друг на друга и вместе сосредоточат это внимание на самых острых, актуальных темах, сюжетах, героях. Актуальных для современной Беларуси.

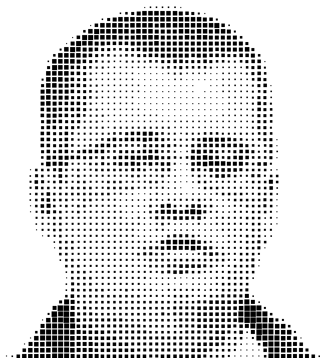
КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПЕРЕМЕНЫ В НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ? КАКОЕ СОБЫТИЕ, СИТУАЦИЯ ИЛИ ЛИЧНОСТЬ ВАС НАИБОЛЕЕ ВПЕЧАТЛИЛИ ИЛИ УДИВИЛИ?

У.М.: Не стану перечислять события, произведения или личности, попробую сформулировать так:

– в начале 1990-х аутентичной культуры (вещей, произведений, личностей, событий) было так мало, что их приходилось целенаправленно искать и не всегда можно было найти;
– потом всего этого стало не просто больше, а это стало заметным, видимым. И можно было посмотреть, прочесть почти все, побывать повсюду;
– потом всего стало еще больше. Количественно беларусская аутентичная культура увеличилась настолько, что приходилось жалеть, что не успеваешь все посмотреть, почитать, послушать, не можешь повсюду успеть;
– и, наконец, стали заметными качественные перемены. Не успевая следить за всем, что появляется нового в беларусской культуре, начинаешь понимать, что в ней уже много того, что не достойно внимания. Раньше мы ценили и уважали все, лишь бы оно было беларусским, сейчас мы можем выбирать из лучшего, отворачиваясь от попсового, некачественного, просто неинтересного.
– в беларусской культуре появились уровни, ниши, сегменты – на разные требования и вкусы.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

У.М.: Только одна: следует понимать, что в беларусской культуре уже много всего, а потому не надо делать свой личный вкус единственным критерием культуры и культурности.

СЕВЯРЫН КВЯТКОЎСКІ

ЛИТЕРАТОР, ЖУРНАЛИСТ, БЛОГЕР, МЕНЕДЖЕР КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ. КООРДИНАТОР РЕСУРСА BUDZMA.ORG

ЧТО ДЛЯ ВАС ОЗНАЧАЕТ ПОНЯТИЕ «НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ»?

С.К.: В свободной стране культура может быть независимой только от денег. В несвободной стране культура, прежде всего, свободна от диктата и запретов. В Беларуси для свободной культуры есть свои небольшие ниши, которые оставила власть: пара книжных магазинов, пара галерей, несколько клубов и, конечно, Интернет. Пока неподцензурное искусство существует в небольшом полузакрытом кругу – оно безопасно для идеологических отделов диктатуры.

Из последних примеров – ситуация с группой «Ляпис Трубецкой». Группу знает вся Беларусь по безобидным иронично-лирично-стёбным песням про любовь. Как только «ляписы» начали в своих песнях напрямую или аллюзиями говорить о свободе личности и целого общества, а лидер группы *Сяргей Міхалок* в интервью разоблачать угнетательскую суть современного беларусского режима, «Ляпису Трубецкому» запретили гастрольную деятельность и трансляцию в масс-медиа.

С другой стороны, лично для меня понятие независимой культуры Беларуси имеет и другие факторы. До сих пор мне немного досадно, что во время подготовки анимационного фильма *«Будзьма беларусамі. Шалёны народ»*, я так и не смог доказать некоторым своим коллегам, что среди персонажей присутствие *Пятра Машэраў* (один из руководителей КПБ в 1970–1980 гг.) необязательно. Но без *Уладзіміра Караткевіча* и *Васіля Быкаў* историю позднесоветского времени невозможно представить. Для независимой беларусской культуры очень важна десоветизация. Сколько бы утончённый эстет ни восхищался лирикой *Максіма Танка*, надо помнить об этом выдающемся поэте и как о партийном функционере. И преподносить историю беларусской литературы (изобразительного искусства, музыки) в контексте эпохи.

Таким образом, современная независимая культура для меня прежде всего избавлена от связи с советской идеологией (продолжением которой является и лукашенковская, хотя и в виде фарса, идеология). Далее можно смотреть: это произведение беларусоцентричное, космополитичное или оно целиком абстрагировано от реалий.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СЕГОДНЯШНЕЕ СОСТОЯНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ? ЧТО МЕШАЕТ ИЛИ СПОСОБСТВУЕТ ЕЕ РАЗВИТИЮ? ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАМИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ?

С.К.: Диагноз: творцы ищут варианты для того, чтобы заработать на жизнь. Для большинства творчество остается хобби. Стипендии и гранты заграничных фондов позволяют ряду авторов реализоваться творчески и одновременно заработать на жизнь. Кто-то продает свои работы за границу на коммерческой основе. В любом случае, все независимые творцы лишены возможности через масс-медиа выходить к широкой аудитории потенциальных потребителей. Культурная перспектива неотъемлема от перспективы всего общества. Можно создавать шедевры не только в замкнутом пространстве, но даже на необитаемом острове. Только некоторые деятели культуры Беларуси иногда больше известны за границей, чем у себя на родине. Прежде всего это касается художников,

режиссеров и композиторов – тех, чье творчество не зависит от языка.

Независимая культура, как и сторонники независимого общества, очень сильно нуждается во внешней поддержке, без которой – либо эмиграция, либо работа «в стол».

КАКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫМИ И ПЕРСПЕКТИВНЫМИ? ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МОГЛО БЫ ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ К ЛУЧШЕМУ? ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ?

С.К.: Можно сказать, что не хватает виз и денег на путешествия. Очень важно, чтобы беларусские творцы существовали в общеевропейском контексте. Если уважаемый польский литературовед только в 2005 году узнаёт, что в Беларуси существует современная литература, – это неправильно. Тем не менее, беларусам негде себя заявить, ведь даже выезд в соседнюю Польшу требует больших усилий. К лучшему могло бы измениться само общество, где культура как таковая была бы востребована. Из Беларуси ежегодно выезжают десятки тысяч активных в социальном и креативном плане людей. С другой стороны, никто не мешает беларусскому писателю *Альгерду Бахарэвічу* жить в Германии, писать по-беларусски и переводить свои произведения на немецкий язык.

Еще одно отличие. Когда-то в Беларуси не хватало менеджеров культуры. На сегодня многие деятели культуры сами превратились в менеджеров. Но усиление диктатуры и политический и экономический регресс ставят всех на границу выживания.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПЕРЕМЕНЫ В НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ? КАКОЕ СОБЫТИЕ, СИТУАЦИЯ ИЛИ ЛИЧНОСТЬ ВАС НАИБОЛЕЕ ВПЕЧАТЛИЛИ ИЛИ УДИВИЛИ?

С.К.: 20 лет назад независимая культура Беларуси легализовалась. :) И было этой культуры очень мало: три группы, пять литераторов, дюжина

художников… За 20 лет появилось такое количество интересных деятелей, что отследить всех просто физически невозможно. А удивляет то, что до сих пор, как и более 20 лет назад, они существуют на периферии относительно тех, кто держит власть. Из-за блокады информационных (не только медийных, но во всех смыслах) каналов нет преемственности между деятелями культуры. Каждое поколение изобретает для себя колесо заново.

МАРЫЯ МАРТЫСЕВІЧ

ПОЭТЕССА, ПЕРЕВОДЧИЦА, ЖУРНАЛИСТКА. ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПЕН–ЦЕНТРА.

ЧТО ДЛЯ ВАС ОЗНАЧАЕТ ПОНЯТИЕ «НЕЗАВИСИМАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ»?

М.М.: Я использую это выражение как антоним понятию «официальная, прогосударственная культура». Это свободная альтернативная сцена, негосударственные (частные) издательства, общественные организации, которые заботятся о литературе, – Союз писателей *Пашкевіча*, ПЕН-центр. В сфере образования – Беларусский коллегиум. Это художники, которые экспонируются в галерее «*Ў*». Если говорить о фото – галерея «Снято», например. Это в определенном смысле негосударственные СМИ культурной направленности: «*Новы час*», «34 маг», «*Наша ніва*». Это самые разные творческие инициативы: журнал «*Партызан*», онлайн-журнал «*ПрайдзіСвет*» и т.д.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ СЕГОДНЯШНЕЕ СОСТОЯНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ? ЧТО МЕШАЕТ ИЛИ СПОСОБСТВУЕТ ЕЕ РАЗВИТИЮ? ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАМИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ?

М.М.: Творец в широком смысле – это по определению независимый субъект. Но для организации творческого процесса творцу в любом случае нужен определенный институт – галерея, издательство и т.д. Выше я перечислила определенные точки, которые, на мой взгляд, создавались для реализации определенных творческих проблем. Это та самоорганизация, которая чрезвычайно естественна для творчества как такового. Только в Беларуси комплекс этих институтов создает своеобразное гетто, которое, на первый взгляд, будто игнорируется государством, но, если разобраться, причина его существования – именно государственная политика в сфере культуры: всех построить, пересчитать, отделить правильных от неправильных и вести в одном направлении. В то же время, ведение творческих личностей в одном направлении – это именно то, что убивает любое творчество, как нам ярко продемонстрировала эпоха соцреализма в СССР. Т.е. внутри этого гетто ты можешь быть абсолютно свободным, но тебе не разрешается выходить за его границы. В итоге психология беларусского творца – это психология узника гетто. Я думаю, эта геттоизация и является основной проблемой независимой культуры Беларуси. Вариантов развития событий два: или каким-то образом разрушить здание культурного гетто – или нас ждет культурный Освенцим.

КАКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫМИ И ПЕРСПЕКТИВНЫМИ? ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МОГЛО БЫ ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ К ЛУЧШЕМУ? ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ?

М.М.: Изменить ситуацию к лучшему может только ШОС: очередная смена культурной парадигмы, подобная той, которая имела место в

начале 1990-х. Это изменение напрямую зависело от смены политического строя. «Независимая культура» – это оксюморон: то, что «культивируется», по определению зависит от чего-то, если не культивировать – все чахнет и зарастает. Государство не поддерживает беларусских творцов «безвозмездно», оно создает такие условия, когда меценатство в Беларуси не просто невозможно, а – незаконно.

Еще одна важная вещь – образование. В ситуации, когда школы сокращают программу по гуманитарным предметам, следует стремиться компенсировать это для детей и подростков альтернативными путями, чтобы хоть как-то «перезимовать». Потому что если с творчеством в Беларуси все пока более-менее в порядке, то с контекстом этого творчества – нет. С каждым годом творцы говорят все больше в пустоту.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПЕРЕМЕНЫ В НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ? КАКОЕ СОБЫТИЕ, СИТУАЦИЯ ИЛИ ЛИЧНОСТЬ ВАС НАИБОЛЕЕ ВПЕЧАТЛИЛИ ИЛИ УДИВИЛИ?

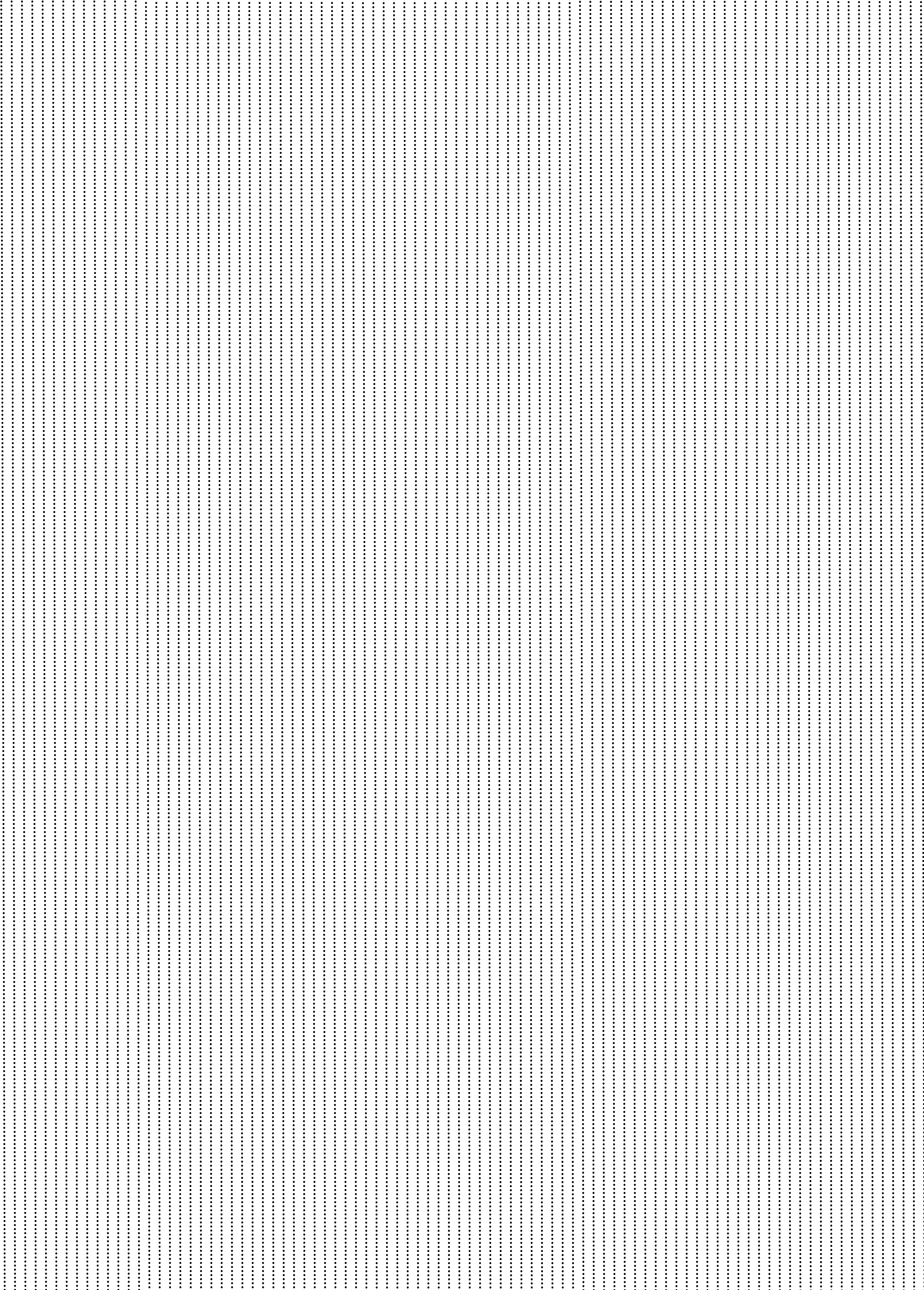
М.М.: Я думаю, последние 20 лет создали почву для следующего становления полнокровной беларусской культуры как части культуры европейской. Это становление, однако, только-только началось. Важнейшими событиями культурной жизни Беларуси на протяжении последних 20 лет я считаю *«Альтэрнатыўны тэатр»*, *«Народны альбом»*, журнал *«Arche»*, книги *Валянціна Акудовіча* и *Ігара Бабкоў*, «Бум бам лит», Беларусский коллегиум, *«Нашу ніву» Сяргея Дубаўца*, газету *«Навінкі»*, Европейский гуманитарный университет, деятельность галереи *«Ў»* (ранее – «Подземка»), становление альтернативной музыкальной сцены, отличной от эстрадной попсы и от беларусского рока формата *«Крамы»* и *«Улисса»*, – создание клуба «Граффити». В поэзии важнейшим стало творчество *Разанаў*, *Арлоў*, *Хадановіча*. Важным событием стало возрождение тарашкевицы. Существенным было то, что после 1991 года открыли границы и беларусы получили стимул учить иностранные языки: улучшился уровень английского и польского среди интеллектуалов, выросла целая школа переводчиков с самых разных языков. Одна из самых важных и интересных тенденций – оформление такого явления,

как русскоязычная культура Беларуси: это касается, в первую очередь, литературы, театра, музыки. Группа «Серебряная свадьба» – яркий тому пример. Другая тенденция – выразительное деление искусства на «старое» и «новое». Причем под «старым» я понимаю уже совсем не советское наследие – это актуально, скорее, для того сегмента культуры, который мы определяем, как «прогосударственный», «официальный». После «старой» эпохи национального возрождения 1990-х, базовыми ценностями которой были «язык», «нация» и, собственно, «независимость», пришло «новое» время. Независимая культура Беларуси 2000-х отражает мучительный процесс рождения гражданского общества. И мне кажется, жизненная потребность этой новой культуры – включенность в мировой (читай – европейский) контекст, «западный канон».

ТАЦЯНА НЯДБАЙ

'SOLIDARITY WITH BELARUS' INFORMATION OFFICE (WWW.SOLIDARITYBY.EU)

КУЛЬТУРА АНАЛИЗЫ

Беларусское современное искусство сегодня представляет собой сообщество *авторов*, для которых за 20 лет после распада Советского Союза так и не возникло «арт-сцены» (полноценной арт-инфраструктуры). Поэтому для выживания на территории, которая не нуждающется в художнике, *автор* вынужден выбирать «партизанскую» стратегию существования

АРТУР КЛІНАЎ

БЕЛАРУССКОЕ АРТ-«ПОДПОЛЬЕ», ИЛИ СТРАНА БЕЗ ГАЛЕРЕЙ

Одной из важнейших составляющих культурного пространства в цивилизованной стране является наличие полноценной арт-инфраструктуры: галерей, центров, журналов, института кураторов, – которая не только способствует формированию арт-рынка, но главное – стимулирует полноценный художественный процесс. Такой инфраструктуры в Беларуси никогда не существовало. Не существует ее и сегодня.

Отсутствие института современного искусства наблюдается во всех областях беларусской культуры и искусства: в кино, литературе, contemporary art, театре. С одной стороны, причину сложившейся ситуации, безусловно, следует искать в определенной идеологической установке беларусского государства, которое продолжает работать по советской модели. С другой стороны, причина также кроется в самом беларусском обществе (имеется в виду основная масса населения), которое постепенно продолжает превращаться – процесс последних десятилетий – из *сельского* в *городское*. Соответственно, в обществе начинает меняться представление о культуре, возникают потребности в *другом* искусстве, люди начинают материально поддерживать эту область и вкладываться в нее.

«ОФИЦИАЛЬНАЯ» КУЛЬТУРА И «ПАРТИЗАНСКАЯ» СТРАТЕГИЯ

Беларусское современное искусство сегодня представляет собой сообщество *авторов*, для которых за 20 лет после распада Советского Союза так и не возникло «арт-сцены». Поэтому для выживания на территории, которая не нуждается в художнике, автор вынужден выбирать «партизанскую» стратегию существования: несмотря на «враждебные», неблагоприятные условия для своей деятельности выживать всеми возможными способами. То есть быть самому себе «галереей»: выставочным пространством, куратором, менеджером, грузчиком, продавцом.

Ситуация «страны без галерей», с одной стороны, выгодна государству: стагнация в культуре стимулирует стагнацию в обществе. Долгие годы государство спонсировало именно советскую модель культуры, тем самым пресекая любую попытку движения и инициативы. Естественно, отсутствие галерей спровоцировало отсутствие всех остальных элементов инфраструктуры: кураторов, которым негде работать; выставок, потому что нет кураторов; критиков, которым, соответственно, не о чем писать.

Как и в советский период, культура в Беларуси делится на «официальную» и «неофициальную». С одной стороны, беларусское государство говорит о поддержке «искусства во всех формах». С другой, те, кто работает в культуре, на практике сталкиваются с системой «двойных стандартов». Отсутствие четкого определения того, что государственный аппарат подразумевает под «искусством во всех формах», позволяет людям, занимающим руководящие должности в сфере культуры, трактовать эту формулировку, исходя из собственных предпочтений и вкусов, а также из *принятого* идеологического курса («В стране осуществляется последовательный курс по формированию идеологии беларусского государства, кристаллизации беларусской национальной идеи. Наиболее емко и лаконично национальная идея воплощается в лозунге Президента Республики Беларусь: "За сильную и процветающую Беларусь!"». Цитата взята с официального интернет-портала Президента Республики Беларусь).

Но, в отличие от «официальной» культуры во времена Советского Союза, беларусское идеологически правильное искусство сегодня значимой роли в стране не играет. При советской власти люди культуры

были нужны системе, так как создавали декорацию к спектаклю об «обществе всеобщего счастья и справедливости». За верную службу художники получали квартиры, премии, путевки в санатории и т.д. В 1990-е новая система перестала нуждаться в этих авторах, поэтому фактически «официальная» культура, как и независимая, оказалась в беспризорном состоянии. С той только разницей, что в силу существующей традиции и инерции она продолжает получать дотации от государства (организовываются выставки, пленэры, существуют программы поддержки талантов, назначающие стипендии, которых едва хватает на холст и краски).

Несмотря на такие «враждебные» условия, беларусский *contemporary art*, благодаря энтузиазму авторов и отдельных частных инициатив, продолжает активно жить и развиваться. Только, как и в советский период, этот процесс происходит в художественном «подполье» Беларуси.

Именно благодаря таким инициативам в 1990-е в Беларуси появлялись небольшие негосударственные центры и галереи («Шестая линия» в Минске, «Соляные склады» в Витебске), организовывались крупные арт-фестивали и выставки беларусских «подпольных» художников (так, в 1994 году в Витебске группой художников во главе с *Мікалаем Прусаковым* и *Васілём Васільевым* был инициирован независимый выставочный проект «In-formation»). Но в основном в силу материальных причин такие «инициативы» долго просуществовать не смогли. Во многих странах государство является главным меценатом культуры, поддерживающим частные инициативы в этой области, например, предоставляет в аренду площадки на льготных условиях (или совсем бесплатно). В Беларуси негосударственные арт-центры существовали (и существуют) на тех же условиях, что и бизнес-структуры. Поэтому через 2–3 года в силу экономических причин, естественно, эти «инициативы» умирают.

Конечно, были исключения, когда каким-то площадкам давались определенные преференции. Например, ту же «Шестую линию» в те годы поддержал директор одного госучреждения, отдав под выставочное пространство одно из помещений своего предприятия. Потом пришел новый директор, которому галерея была не нужна, и она исчезла. То есть поддержка таких «инициатив» была не официальной политикой государства, а делом случая и вкуса отдельного руководителя.

Помимо определенной государственной политики в области культуры (или отсутствия четкого ее курса), причину ситуации «страна без галерей» следует искать, как говорилось в самом начале, и в менталитете беларусов, которые в силу исторических условий оставались очень долгое время в основном сельской нацией. В 1990-е годы начался процесс трансформации нации из сельской в городскую. Но без поддержки и стимуляции этого процесса со стороны государства такая трансформация, естественно, будет происходить медленно. Так, вместо того, чтобы развивать гуманитарное образование в Беларуси, государство наоборот сокращает его объем в школах и университетах. Например, вместо предмета «Мировая художественная культура» в средних образовательных учреждениях ввели одноименный факультатив, т.е. дополнительное занятие по желанию и выбору учеников один раз в неделю.

Но надежда на преломление ситуации в культурной политике Беларуси, безусловно, существует. Сегодня активно происходит процесс смены генераций в государственном аппарате, когда на смену «советским» чиновникам приходит поколение с прогрессивными взглядами на искусство и с пониманием роли культуры в государственной политике. Власть, задумываясь о национальной самоидентификации, начинает понимать, что национальный проект не будет успешным, если не инвестировать в культуру, модель которой, соответственно, начинает меняться.

Показателем определенного «сдвига» в области культурной политики государства стало участие Беларуси в 2011 году в Венецианской биеннале (кураторский проект *Міхала Баразны* «Kodex»). Таким образом государство признало современное искусство и необходимость его поддержки и развития. Но чаще всего такие «признания» остаются формальной декларацией. Как в случае с Венецианской биеннале, когда

организация павильона проходила под четким идеологическим руководством государства, в результате чего беларусский проект, несмотря на потенциал и наличие прогрессивных тенденций в художественной среде Беларуси, не был реализован полноценно и, соответственно, не прозвучал.

БЕЛАРУССКИЕ «ПАРТИЗАНЫ» ЗА РУБЕЖОМ

Ситуация «страны без галерей» стала одной из причин сильной волны миграции беларусских художников, которые были вынуждены многие свои проекты реализовывать за границей: в Польше, Германии, России, Швеции (например, «Современные художники Беларуси» в галерее Большого театра в Дармштадте, Германия, 1990; «Беларусский Авангард» в галерее «Норблин» и «Это МЫ» в музее «Захэнта» в Варшаве, Польша, 1991).

Отдельные авторы уехали навсегда, образовав целые колонии беларусских художников за рубежом. Так, например, в «нулевые» в Берлине обосновался беларусский художник *Алесь Родзін*, чья мастерская в Тахелесе – на свободной арт-площадке в центре города – со временем стала одним из центров «партизанского» беларусского искусства. Работают в Дюссельдорфе *Андрэй Дурэйка*, *Жанна Грак*, в Амстердаме – *Ігар Цішын*, *Наталля Залозная*, *Максім Тымінька*, в Берлине – *Алена Давідовіч*, *Ігар Кашкурэвіч*, *Ганна Школьнікава*, *Марына Напрушкіна* и другие.

Сегодня процесс миграции беларусских художников остановился. В беларусский art приходит уже следующее поколение «партизан», которое остается жить в стране, выезжая в Европу для участия в отдельных проектах.

Одним из самых ярких и значимых проектов для беларусского современного искусства в 2010 году стал проект литовского куратора Кястутиса Куйзинаса «*Opening the Door? Belarusian Art Today*», обсуждение которого в беларусской художественной среде не прекращается до сих пор. Особенность этой выставки заключалась в том, что впервые

за долгое время в одном художественном пространстве были собраны работы беларусских художников, живущих как в Беларуси (*Руслан Вашкевіч*, *Аляксей Лунёў*, *Артур Клінаў*, *Ігар Пешахонаў*, арт-группа «Позитивные действия», *Ігар Саўчанка*, *Сяргей Шабохін*, *Аляксей Шынкарэнка*, *Філіп Чмыр* и арт-группа «Беларусский климат», *Уладзімір Цэслер* и *Сяргей Войчанка*), так и за рубежом (*Марына Напрушкіна*, *Алена Давідовіч*, *Аляксандр Камароў*, *Максім Тымінька*, *Ганна Школьнікава*, *Аксана Гурыновіч*, *Аляксандр Караблёў*, *Алег Юшко*). Важно, что, задумывая проект, куратор сделал ставку в первую очередь на актуальные в контексте беларусской политической ситуации работы. В результате многие художники (особенно те, кто живет в Беларуси) получили возможность свободно высказаться на волнующие их темы актуальной беларусской действительности. Очевидно, что осуществить проект подобного рода на территории Беларуси пока не представляется возможным.

«ОФИЦИАЛЬНАЯ» БЕЛАРУССКАЯ АРТ-ИНФРАСТРУКТУРА, КОТОРОЙ *НЕТ*

На сегодняшний день в Беларуси существует определенное количество различных музеев, небольших галерейных пространств, издается журнал «*Мастацтва*». Но никакого отношения к арт-инфраструктуре, к тому пониманию, которое вкладывается в это определение в большинстве цивилизованных стран, все эти «образования» не имеют.

Музеи работают либо по прямому своему назначению, сохраняя, минимально пополняя свою постоянную коллекцию, чтобы затем на ее основе формировать выставки (как, например, Национальный художественный музей), либо являются просто выставочными залами, «ангарами», которые художник, если у него есть средства, может арендовать и выставить в них свой проект. Если средств нет, существует вероятность случайно попасть под коллективный проект, приуроченный к какой-нибудь дате, или получить возможность персональной выставки в связи со своим юбилеем.

Помимо арт-проектов очень часто на этих площадках проходят акции, никакого отношения к искусству в принципе не имеющие. Например, сегодня в этом помещении организуется Биеннале современного

беларусского искусства, завтра проходит ярмарка меда, а послезавтра собрались любители кошек и провели выставку своих питомцев. Именно так, например, функционирует Дворец искусств – площадка, которая находится под официальным ведомством Союза художников Беларуси. Такое существование Дворца объясняется в первую очередь условиями выживания, в которых он находится.

Существует в Беларуси и Музей современного искусства, но пока современное искусство присутствует там только в названии. Небольшие частные галереи работают в основном как салоны живописи, которые обслуживают вкусы любителей «фотографического», «красивого», реалистического искусства. Стоит отметить – за очень небольшие деньги, потому что больше не дадут.

Отсутствует в полноценном понимании и роль куратора, особенно это касается государственных структур. Слово «куратор» быстро вошло в лексикон беларусских музейщиков. Все выставки, которые презентуются в выставочных пространствах, помимо фамилий авторов имеют подпись куратора. Но его роль чаще всего ограничивается написанием сопроводительного / объяснительного текста к выставке. Исключения, безусловно, есть, и они в основном связаны с деятельностью независимой Галереи современного искусства «Ў», о феномене которой речь пойдет ниже.

Журнал «*Мастацтва*», о котором уже упоминалось, на сегодняшний день является единственным в Беларуси официальным печатным изданием, пытающимся анализировать и архивировать события беларусской культуры и искусства. Но, очевидно, одно издание не в состоянии справиться и охватить все сегменты искусства: кино, театр, арт, музыку. Поэтому, с одной стороны, это слишком небольшое пространство для полноценной критики. С другой, так или иначе, журнал продолжает существовать в «постсоветской» традиции, поддерживая «своих» художников и игнорируя «чужих».

БЕЛАРУССКОЕ АРТ-«ПОДПОЛЬЕ» СЕГОДНЯ

В 2002 году художник *Артур Клінаў* начинает издавать Альманах беларусского современного искусства «pARTisan», который на протяжении

многих лет оставался единственной «трибуной», площадкой, представляющей интересы в первую очередь «партизанского» беларусского искусства. В первом номере *Клінаў* публикует манифест «Партизан и антипартизан», где формулирует основную концепцию «партизана»: «Концепция партизана – это концепция борьбы, борьбы личности за право личной культурной автономии, но только когда это право признается и за другой личностью». Благодаря деятельности журнала «pARTisan» остались заархивированы многие значимые события беларусского арт-«подполья», например, деятельность «Шестой линии», проект «In-formation» в Витебске, творчество *Ігара Цішына*, *Уладзіміра Лапо* и многих других.

Конечно, с развитием интернет-ресурса в Беларуси появились сайты и порталы: another.by, mart.by, kyky.org, urban.by, 34mag.net и другие, где уже в более широком формате и для более многочисленной аудитории стали появляться критические статьи, рецензии, интервью с художниками. В основном это разрозненные инициативы, авторы которых в большинстве случаев не обладают профессиональной квалификацией в области искусства и делают ставку, скорее, на зрелищную сторону культуры, нежели на аналитику или профессиональное осмысление беларусского арт-процесса. Но пока именно эти инициативы исполняют роль независимого института арт-критики в Беларуси.

Стоит отдельно отметить появившийся совсем недавно портал Art Aktivist, с деятельностью которого связываются определенные надежды в области формирования профессионального арт-критического пространства в Беларуси. Созданный молодым художником *Сяргеем Шабохіным* портал планирует стать не только информационным ресурсом в области современного беларусского искусства, но также начать архивацию событий и авторов 1990–2010 годов, составить список музеев и галерей, собрать видеоархив выставок и интервью. То есть заняться тем, чем, по сути, должен заниматься, например, Музей современного искусства, который в силу инертности и неадекватного понимания руководством функции Музея этого не делает.

Знаковым для культурного беларусского «поля» стало появление в Минске Галереи современного искусства «Ў», которая на сегодняшний день является фактически единственной площадкой, выполняющей

роль центра беларусского современного искусства. Это абсолютно приватная инициатива, существующая главным образом на спонсорские деньги. Ее возникновение – следствие того, что в Беларуси появился тот средний класс, который готов поддерживать современное искусство.

Появилась площадка, а следовательно, стали возникать интересные профессиональные кураторские проекты, например, «Философия масс. Беларусский нео-поп-арт» (куратор *Сяргей Шабохін*), проект *Андрэя Бусла* «Aetemus et momentum» (куратор *Аксана Жгіроўская*), совместный беларусско-шведский проект «Visual Arts. New Practices» (кураторы Мартин Шибли и *Ганна Чыстасердава*). Также «Ў» является инициатором специальных проектов, цель которых – дать возможность реализоваться молодым авторам (проект «Картина маслом», конкурс для молодых художников «Smart Art»). Галерея является партнером таких «инициатив», как Конкурс арт-критиков «На пути к современному музею» (руководитель Алла Вайсбанд), исследовательский проект «Радиус нуля. Антология арт-нулевых» (организаторы *Аксана Жгіроўская*, *Вольга Шпарага*, *Руслан Вашкевіч*), в пространстве Галереи постоянно проходят круглые столы, публичные дискуссии и обсуждения событий и выставок.

Внедрение практики «открытого» обсуждения проектов, встречи с художниками – всё это, безусловно, положительно влияет на процессы, происходящие в беларусской арт-среде. Немаловажную роль сыграло то, что в художественном сообществе стали появляться философы и социологи из Европейского гуманитарного университета и Центра европейских исследований в Минске. Таким образом, сообщество художников становится все более открытым, критика начинает восприниматься не только с позиции ее «деструктивной» функции, но как один из «стимуляторов» творческого процесса.

Помимо «Ў» с недавнего времени возобновила свою деятельность галерея визуальных искусств «Nova». На базе минского Центра фотографии «Nova» не только презентует фотопроекты, но и организует встречи с фотографами, показы фильмов о фотографии. *Уладзімір Парфянок*, фотограф, куратор, директор галереи «Nova», является также и редактором одного из крупнейших беларусских интернет-порталов о фотографии «Photoscope».

То есть, несмотря на доминирование феномена «отсутствие» во всех элементах беларусской арт-инфраструктуры, на констатацию проблем

во многих ее областях, можно сказать, что «партизанская» стратегия для художников оправдала свое появление. Беларусские авторы выжили, продолжают выживать, но главное – начинают активно, пусть и «подпольно», участвовать в художественном процессе уже в самой Беларуси.

АРТУР КЛІНАЎ

Собираясь за круглыми столами, беларусские критики, режиссеры, директора театров апеллируют к понятиям «современные тенденции», «современный герой», «актуальная тематика». На практике же государственные беларусские театры предпочитают «удобно» обходить современность стороной.

ТАЦЦЯНА АРЦІМОВІЧ

БЕЛАРУССКИЙ СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР: В БОРЬБЕ ЗА *МНОГООБРАЗИЕ*

На сегодняшний день такого явления, как «беларусский театр», в контексте мирового театрального пространства не существует. На зарубежных фестивалях интерес вызывают отдельные постановки беларусов, например, спектакли *building theatre Аляксея Ляляўскі*, пластического театра *Вячаслава Іназемцаў*, российско-беларусский проект «Свадьба» по Антону Чехову Национального академического театра имени Янки Купалы. Но это, скорее, исключения, которые только подчеркивают отсутствие явления как такового (в отличие от феноменов «литовского» или «польского» театров).

Несмотря на определенное количество официальных театральных площадок (около 30), каждая из которых имеет свою репертуарную политику, в целом беларусский театр представляет собой достаточно *однородное* явление, основной эстетической характеристикой которого является «традиционность», или «академичность». Такая однородность сегодня стала уже не просто темой для дискуссий, но реальной проблемой, связанной не только и не столько с проблемой «отсутствия индивидуальностей», как ее определили беларусские театральные критики.

Существование четкой идеологической установки, определенная культурная политика, незаинтересованность государства в развитии

альтернативных, нетрадиционных форм театра — все это стало причиной того, что с середины 1990-х беларусский театр не только остановился в своем развитии, но *вдруг* вернулся к эстетике официального советского искусства 1970-х.

БЕЛАРУССКИЙ ТЕАТР: ПОПЫТКА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НА РУБЕЖЕ 1980–90-Х

С распадом Советского Союза в беларусском театре, как и в других областях культуры, происходит активный процесс освобождения от эстетики советского искусства. Ставятся пьесы ранее запрещенных авторов, например, репрессированного в 1930-е *Францішка Аляхновіч*. Создаются спектакли, которые получают резонанс не только в Беларуси, но и за рубежом. Так, ярким событием в театральной жизни Беларуси стала постановка режиссером *Мікалаем Пінігіным* ранее запрещенной пьесы Янки Купалы «*Тутэйшыя*».

На период 1980–90-х приходится мощный всплеск экспериментального театрального студийного движения, в рамках которого существует несколько абсолютно разных по форме и содержанию проектов. Появляются пластический театр *Вячаслава Іназемцаў*, интеллектуальный театр *Рыда Талінаў*, работает в постмодернистском направлении *Віталь Баркоўскі*.

Именно в 1990-е начинает активно осваиваться западноевропейская интеллектуальная драматургия. На литературу такого рода делает ставку, например, главный режиссер возникшего в те годы Молодежного театра *Віталь Катавіцкі*. В репертуарную афишу входят пьесы Ж.П. Сартра, С. Мрожека, Э. Ионеско и др. Параллельно на других площадках идут поиски в области создания национального театра, задача которого видится в «пробуждении нации средствами театра». С большим успехом идут спектакли *Мікалая Пінігіна* и *Міколы Трухана*, основной темой которых становится национальная самоидентификация.

То есть в конце тысячелетия беларусский театр имел определенный потенциал и представлял собой многоуровневое явление (начиная от зрелищности и развлекательности до интеллектуальности и экспериментальности), ориентированное на разные целевые аудитории.

С середины 1990-х экспериментальное театральное движение идет на спад, а с 2000-х – и это отмечают многие специалисты – беларусский театр «возвращается» к «проверенной» эстетике советского театра 1970-х. С репертуарных афиш фактически исчезает интеллектуальная драматургия, а главная ставка делается на легкие жанры: комедию, мелодраму, водевиль. В первую очередь это связано с определенным идеологическим курсом государства, для которого именно такая форма оказывается *удобной* и понятной.

С другой стороны, поставленное государством на грань выживания руководство театров (независимо от статуса – академический или национальный – театры обязаны выполнять финансовые обязательства перед государством) вынуждено делать ставку на *легкие*, коммерчески успешные, *безопасные* с точки зрения идеологии театральные постановки.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ «НУЛЕВЫЕ»: НАСТУПЛЕНИЕ МОЛОДЫХ

На начало тысячелетия приходится появление беларусской *новой драмы*. Это форма, посредством которой молодые авторы заново начинают определять границы правды и театральности. Первые тексты *Паўла Пражко*, *Мікалая Рудкоўскі*, *Паўла Расолька*, *Канстанціна Сцешыка* явились своеобразным вызовом «удобному» беларусскому театру, который, в отличие от российского театрального пространства, старался «не слышать» голосов молодых. Одобрение со стороны российских и западных театралов делает наших авторов смелее. Они продолжают писать и попадать в зарубежные сборники и театры.

Так, например, крупными российскими театрами широко востребованы пьесы беларусского драматурга *Паўла Пражко*. Его творчество изучается российскими критиками и литературоведами, которые уже говорят о таком феномене, как «театр Пражко». Ни один из *нашумевших* текстов *Паўла* не получил полноценной сценической жизни в беларусском театре.

Такая же судьба и у пьес других признанных мировым театральным сообществом беларусских авторов. Театром «проигнорировано» творчество *Мікалая Халезіна* (пьеса «Я пришел» получила спецприз

российской премии «Евразия», диплом жюри конкурса «Действующие лица» и спецприз канала «Культура»), *Канстанціна Сцешыка* (пьеса «Мужчина, женщина, пистолет» заняла 2-е место в номинации «Пьеса на свободную тему» конкурса «Евразия»). «Не находят» площадки отдельные пьесы *Мікалая Рудкоўскі* («Вторжение» – спецприз российских журналистов издания «Новая газета» на 1-м международном фестивале драматургии «Свободный театр», «Бог щекотки» – шорт-лист «Премьера. txt» конкурса «Евразия»).

Такое невнимание к беларусским молодым талантам удивительно. Потому что, собираясь за круглыми столами, беларусские критики, режиссеры, директора театров апеллируют к понятиям «современные тенденции», «современный герой», «актуальная тематика». На практике же беларусские театры предпочитают «удобно» обходить современность стороной.

Вопрос *многообразия* театра постоянно поднимается на публичных обсуждениях. Говорится о том, что помимо академических театров должны существовать отдельные площадки для *провокационных* текстов и экспериментальных практик, у которых, безусловно, есть свой зритель. К сожалению, сегодня даже минский Молодежный театр не только не работает с молодежной тематикой, но в принципе ставит пьесы, далекие от своей целевой аудитории (как пошутил актер театра, «для тех, кому за 50»).

Республиканский Театр Беларусской Драматургии в Минске, который позиционирует себя как театр для экспериментов и поиска новых драматургов, также очень *внимательно* подходит к отбору авторов и текстов. Даже *неполитическая* новая драма для РТБД оказывается слишком провокационной. «У нас запрещают не только тех, кто говорит о политике, но и тех, кто в принципе затрагивает табуированные идеологией

темы», – отмечает молодой режиссер *Мікіта Валадзько*. Негласно (в том числе и из-за «внутренней» цензуры) существует деление на «дозволенных» и «недозволенных» драматургов. Поэтому репертуар театра составляют в основном пьесы *проверенных* молодых авторов.

«Дефицит» актуальности на беларусской сцене стал причиной того, что молодой зритель сегодня не воспринимает театр как место, где могут затрагиваться важные для него темы и проблемы. Для него театр — это, скорее, своего рода учебник истории мировой культуры «оф-лайн» или музей, где «чудо-люстра» и актеры говорят *непривычным* языком. То есть посещение театра превратилось в забавное проведение времени или принуждение в рамках образовательной программы (широко практикуются обязательные «культпоходы» школьников или солдат).

Единственным на сегодняшний день «мостом» между новыми пьесами и зрителем являются сценические чтения, которые периодически случаются в рамках официальных театральных фестивалей или отдельных разовых лабораторий, организованных независимыми инициативными группами. Несмотря на очевидный зрительский интерес к такого рода мероприятиям, на бурные дискуссии и обсуждения после «читок», ни одна из публично презентованных пьес не получила полноценной сценической жизни. Не проводятся исследования новой беларусской драматургии, не издаются книги (в последний сборник «Современная беларусская драматургия» входят тексты, датированные 1980–1990 годами).

Исключением в этом ряду является проект молодого режиссера *Кацярыны Аверкавой*, которая недавно возглавила Могилевский драматический театр. Несмотря на непонимание со стороны директора и коллег, она организовала на малой сцене театра годичный проект «Сценические чтения». Один раз в месяц организуется чтение пьесы молодого беларусского автора с последующим открытым обсуждением. Итогом проекта должны стать два полноценных спектакля по двум из презентованных за год пьес. Именно в рамках этого проекта уже прозвучали «Бог щекотки» *Мікалая Рудкоўскі* и «Запертая дверь» *Паўла Пражко*, ставшие яркими событиями в неофициальной театральной жизни Беларуси.

Также уникальным опытом для беларусского театрального сообщества стала немецко-беларусская Драматургическая лаборатория «МидОст», которая состоялась в феврале этого года в Минске. На протяжении четырех дней шесть молодых авторов под руководством приглашенного немецкого режиссера Ларса Фогеля создавали новые тексты, главным требованием к которым была актуальность. Итог Лаборатории, озвученный в виде сценических чтений, показал, что наши авторы готовы смело смотреть в «лицо» сегодняшнему дню. В созданных текстах прозвучала тема трагедии, произошедшей в Японии, а также были затронуты события последних президентских выборов в Беларуси. Несмотря на всеобщее воодушевление, к сожалению, было очевидно, что своего продолжения Лаборатория иметь не будет.

В первую очередь это связано с тем, что в Беларуси не существует ни одного независимого театрального центра или лаборатории, деятельность которых была бы направлена на исследование и перманентную практику новых театральных форм. Свободная экспериментальная театральная площадка отсутствует в принципе.

Независимые инициативные группы для воплощения и представления своих проектов вынуждены на общих условиях арендовать различные муниципальные площадки. Это реально для коммерческого театрального продукта (антрепризы). Но альтернативным, экспериментальным театрам приходится в таких условиях выживать, лавируя между коммерческим и некоммерческим искусством.

Яркий пример — театр «Компания» под руководством режиссера *Андрэя Саўчанка*, который вот уже несколько лет на абсолютном энтузиазме и безо всякой поддержки со стороны театрального сообщества ставит и играет спектакли на арендованных площадках города.

«ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ» БЕЛАРУССКОГО ТЕАТРА

Несмотря на общую *однообразную* обстановку в государственных театрах, полную их незаинтересованность в молодых специалистах (случай с *Кацярынай Аверкавой* – исключение) новое театральное поколение очевидно не желает сегодня мириться с заданным «однородным» направлением. Благодаря доступности информации, свободе географического передвижения молодое поколение драматургов, режиссеров, актеров не только ставит вопрос о необходимости обновления беларусского театра, но и предпринимает конкретные действия.

Так, одним из ярких независимых театральных проектов последнего времени является «*Тэатр Яўгена Карняга*», который, отталкиваясь от формы, заданной немецким хореографом Пиной Бауш, предлагает свое уникальное видение пластическо-драматического театра. Несмотря на немалую цену билетов, обусловленную в первую очередь стоимостью аренды помещения, «Cafe "Поглощение"», «Не танцы» *Карняга* собирают полные залы. Такой же популярностью пользуется и независимый Театр современной хореографии D.O.Z.SK.I *Змітра Залескі* и *Вольгі Скварцовой*.

Определенным прорывом для беларусской сцены стала постановка пьес уже признанного мировым сообществом скандального ирландского драматурга М. Макдонаха – сначала в Новом театре, а затем на малой сцене Национального театра имени Янки Купалы. К сожалению, эти опыты не только не получили должной поддержки со стороны профессиональных критиков, но даже наоборот – журналисты отдельных государственных изданий обвинили режиссеров и руководителей театров в том, что они не понимают, «о чем хотят сказать», а драматург – «бледный». Конечно, после такой рецензии попадание современных пьес в репертуар ставится под вопрос.

На общем фоне особо выделяется деятельность режиссера Беларусского театра кукол *Аляксея Ляляўскі*, который, помимо плановых постановок спектаклей для детей, работает в области экспериментального *building theatre* (синтез форм драматического, кукольного, пластического театров). Интересными в этом плане являются его спектакли по пьесам

А. Чехова «Чайка», «Вишневый сад», «Драй швестерн» («Три сестры»), в которых он, используя опыт современного европейского театра, смело интерпретирует русского классика.

Успешно и эстетически полноценно продолжает существовать ставший легендой еще со времен экспериментального студийного движения 1980-х пластический театр *Вячаслава Іназемцаў* «ИнЖест». В непростых материальных условиях, до сих пор не имея собственной площадки, «ИнЖест» не только играет спектакли, экспериментируя с различными формами (пластика, танец буто, игровой театр, видео), но и содержит собственную студию, которая обеспечивает театру обновление актерских кадров.

Уникальным в своем роде для беларусского театрального пространства остается «Свободный театр». На сегодняшний день это единственный в Беларуси перманентный театральный проект, который максимально правдиво (некоторые называют это политической спекуляцией) пытается отражать самое актуальное беларусское (как политическое, так и социальное) «здесь и теперь».

«Свободный театр» не только разрешил себе говорить обо всем, что его волнует. Он сделал это основным принципом своей деятельности. То что табуировано официально, в жесткой бескомпромиссной форме воплощается на подмостках «Свободного театра». К сожалению, после последних президентских выборов труппа театра попала в список «запрещенных» на территории Беларуси, поэтому вынуждена существовать за пределами родины.

Продолжателями деятельности «Свободного театра» стали студенты созданной несколько лет назад при театре студии «Фортинбрасс». В полуподпольных условиях, не имея специального театрального образования, ребята пишут пьесы (пьеса *Рымы Ушкевіч* «Безупречный» вошла в шорт-лист конкурса современной драматургии HotInk в Нью-Йорке), публично читают их, дебютируют как режиссеры.

Еще одним значимым событием в беларусском театральном пространстве стал международный фестиваль альтернативных театров «Тот Самый Фестиваль», организованный группой энтузиастов театра-студии «Рондо» при поддержке немецкого культурного центра в Бонне. На протяжении шести дней минский зритель смог познакомиться с уличными, драматическими, пластическими театрами из США, Чехии, Словакии,

Словении, Польши, России и Беларуси. Зрительский интерес, с которым был воспринят этот фестиваль, еще раз подтвердил «дефицит» в Беларуси альтернативных театров, развитие и движение которых абсолютно не поддерживаются государственными программами.

Конечно, «Не танцы» *Яўгена Карняга*, «Быть Гарольдом Пинтером» *Уладзіміра Шчэрбаня* или «Доступ к телу» *Вячаслава Іназемцаў* в контексте европейского театра, т.е. с точки зрения их формы, не являются новаторством. Но для Беларуси каждый из этих проектов становится победой, шагом на пути к появлению театральной *множественности*. В царящей «монотонности» важным становится не то, как это сделано, но сам факт произнесения и воплощения другого материала другими средствами.

К сожалению, многие из этих проектов не имеют достаточной информационной поддержки, проходят в полуподпольных условиях либо показываются один раз в виде сценического чтения. Такая «элитарность» негативно сказывается на формировании разнообразного театрального поля, поддерживая миф о беларусской театральной беспомощности.

Важно отметить, что авторы этих проектов новую для беларусского театра форму вынуждены «изобретать». На сегодняшний день в Беларуси не существует театрального образования, альтернативного академическому. В Беларусской Академии Искусств готовят специалистов, способных работать прежде всего в традиционном театре. В программе обучения абсолютно отсутствуют курсы по современным практикам и направлениям. Студентам приходится постигать *другой* театр самостоятельно – через книги, увиденные спектакли, мастер-классы зарубежных специалистов.

Однообразие, устаревшие учебные программы, фактическое отсутствие высококвалифицированных педагогов стали причинами того, что уже много лет молодые люди уезжают учиться за границу. Чаще всего, закончив обучение, они там остаются, потому что, как показывает практика, в Беларуси они становятся невостребованными.

Так, например, осталась в Москве молодой режиссер *Вольга Саратокіна*. Ее дипломная работа – «Столица Эраунд» по пьесе молодого беларусского автора *Сяргея Гіргеля* – была сразу замечена не только в Беларуси. Спектакль представлял Беларусь на старейшем европейском фестивале «Новые пьесы из Европы» в Висбадене. После этого

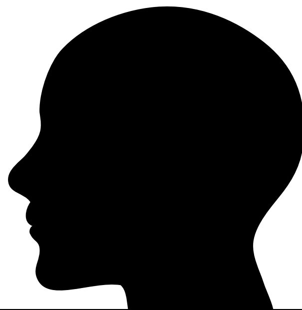
Вольгу пригласили работать в Республиканский Театр Беларусской Драматургии и за год не дали осуществить ни одной постановки. *Вольга* поступила в аспирантуру Центра имени Мейерхольда в Москве, а закончив ее, там и осталась, понимая, что на родине ей придется набивать много «шишек», отстаивая свои индивидуальные творческие замыслы.

От существующего сценического однообразия страдает в первую очередь публика, которой в результате приходится выбирать между театром развлекательного характера и «беларусским» театром. Такая ситуация как нельзя лучше характеризует направленность идеологии в Беларуси, где для думающего, интеллектуального, провокационного театра места не находится.

Конечно, с одной стороны, существующие обстоятельства затормаживают развитие беларусского театра. С другой – являются мощным стимулом для нового поколения театралов, которые, не надеясь на поддержку со стороны государства, пытаются существовать автономно. Это позволяет надеяться, что в ближайшем будущем беларусский театр все-таки выйдет на новый этап своего развития.

ТАЦЦЯНА АРЦІМОВІЧ

Среда независимого театра в Беларуси сегодня разрозненная и беспорядочная; в основном это отдельные проекты, нерегулярные фестивали, разовые спектакли.

K.S.

НЕЗАВИСИМЫЙ БЕЛАРУССКИЙ ТЕАТР: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вопрос «Существует ли в Беларуси независимый театр?» звучит почти риторически для страны, в которой все принадлежит государству. Двадцать семь государственных драматических театров существуют благодаря государственному финансированию и исполняют репертуарные планы, заранее согласованные с Министерством культуры. Это означает необходимость вернуть инвестированные государством деньги. Надо обязательно получить согласие Министерства культуры на постановку той или иной пьесы, а также разрешение и средства, чтобы принять участие в международном фестивале.

СЕРАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Территория культуры в Беларуси воспринимается государством как приложение, на которое, к сожалению, надо тратиться, и то, что оно само себя не окупает, не приносит стабильного и большого дохода, обычно вызывает удивление.

Фондов по поддержке культурных проектов в Беларуси нет, система меценатства не функционирует, потому что бизнесмены просто не понимают значения дотаций в сферы культуры. Кроме этого, государство

вместо того, чтобы снизить меценатам налоги, как это происходит, например, в США, сразу же поинтересуется об источнике происхождения денег, предназначенных для культуры.

Нужен ли Беларуси независимый театр? Вообще – существует ли он сегодня?

Консервативность, закрытость беларусской культуры и напряжение в обществе из-за сложной политической ситуации в стране не способствуют появлению новых театральных проектов. Те, что уже существуют, – существуют вопреки всему. Наиболее известным является *«Свабодны тэатр»* Мікалая Халезіна, который в своем творчестве открыто высказывается про беларусскую политическую ситуацию. Сегодня независимый театр в Беларуси существует в виде разрозненных и хаотических инициатив, это, в основном, отдельные проекты, нерегулярные фестивали, разовые спектакли.

Творческие лаборатории, которые иногда проводят иностранные коллеги, являются «разовой инъекцией». Во время работы, конечно, возникают новые планы, проекты, даже спектакли, но, когда гости уезжают, беларусские создатели не знают, что делать дальше, где ставить эти спектакли и как реализовывать новые идеи.

Кроме этого, создатели не находят достаточной мотивации реализовывать проекты, которые могут просто не состояться из-за бюрократических помех и которые не в состоянии окупить себя, потому что публика привыкла к тому, что театр – это что-то серьезное, реалистически-пафосное, место, куда надо приходить вечером и нарядно одетым. Менеджеров культуры в государственных учреждениях, конечно, не учат тому, как создать независимый театр или реализовывать проект при поддержке международных культурных фондов. Именно поэтому и нет профессиональных менеджеров.

Замешательство и растерянность, господствующие сегодня в обществе, не способствуют появлению интересных творческих инициатив. Молодежь, которая начинает активно и успешно реализовывать себя на беларусской сцене, быстро понимает, что здесь, в Беларуси, «королевство маленькое» и «разгуляться негде», а к тому же, «правила игры четко определены», поэтому большое количество способных и талантливых просто-напросто уезжает за границу. Энтузиазма тех, кто остается бороться с серой действительностью, хватает ненадолго: такие

качества, как индивидуальность, лидерство и непохожесть на других приравниваются к опасным для общества и вытесняются. Много интересных идей и проектов так и остаются нереализованными, планы – неосуществленными.

Независимый беларусский театр на сегодня – маленький остров в беларусской театральной культуре, который, тем не менее, не дает реке застояться. Именно такую цель и ставят перед собой театр «ИнЖест» *Вячаслава Іназемцаў*, театр «D.O.Z.SK.I» *Вольгі Скварцовой* и *Змітра Залескі*, проект «КарнягТЭАТР» *Яўгена Карняга* – эти проекты способствуют развитию и модернизации художественных идей.

ОСТРОВ НЕЗАВИСИМОСТИ

Режиссер *Яўген Карняг* начинал в Минске: он закончил Беларусскую государственную академию искусств по специальности «Актер театра кукол», реализовал ряд ярких проектов и перебрался в Москву – поступил на режиссерскую магистратуру Центра имени Мейерхольда. Однако он продолжает ставить спектакли и в Беларуси. Кстати, в его «КарнягТЭАТР» нет сценической площадки и постоянной труппы. Молодые актеры и художники, работающие в разных государственных театрах, объединяются для реализации проектов и постановок.

Спектакль «Café “Поглощение”» (бел. «*Café “Паглынанне”*») несколько лет назад стал молодежным манифестом в области экспериментов и поиска новых средств. Используя лозунг «С театром покончено», создатели постановки сменили традиционную сцену на простор ночного клуба, а зрителей сделали участниками спектакля. Действие состоит из фрагментов: танцевальные номера, монологи персонажей и пластические сцены. *Яўген Карняг* смешивает разные области общественной жизни, иронизирует и бросает публике в лицо неприятную правду. Он выворачивает наизнанку то, что так кропотливо прячется, затрагивает табуированные для беларусского театра темы: аборт, наркотики и «теснота» провинциального государства.

Персонажи «Café “Поглощение”» – клубные девушки, занятые своими эмоциональными переживаниями, фобиями, комплексами. Героиня *Кацярыны Аверкавой* – модель, больная анорексией, она меняет платья

и позирует перед камерами, страдая от того, что считает себя толстой, со временем она уже не может ничего есть. Беременная героиня *Юліі Міхневіч* пробует танцевать в клубе даже с большим пузом, которое ей, безусловно, мешает. В какой-то момент она начинает лупцевать себя кулаками по животу, агрессивно кричать, что этот ребенок ей опротивел. Сцену аборта *Карняг* показывает исключительно метафизическими средствами: посреди площадки, в огромном целлофановом мешке, который постепенно наполняется дымом, находится героиня *Валянціны Гарцуевой*. Она пробует выбраться оттуда, задыхается, кричит и, в последний раз глотнув воздух, падает. Тогда ее, как ненужную уже деталь декораций, схватив за руки, тянут по полу, пока тело совсем не исчезнет из поля зрения зрителей. *Show must go on*. Героиня *Міхневіч* выскакивает на сцену уже без выпуклого живота, резвая и совершенно довольная, и снова начинает танцевать, теперь ей уже ничего не мешает наслаждаться жизнью.

Карняг легко смешивает трагическое с ироническим, прошлое с настоящим. Следующая сцена – кульминация иронии по отношению к абсурдной действительности, где рядом сосуществуют советское прошлое и европейское настоящее. В компании клубных накрашенных девиц появляется неприметная героиня в национальном костюме, которая пробует сказать что-то патриотично-пафосное, даже затянуть песню и станцевать «*Лявоніху*», что у нее получается неудачно, неловко и выглядит совсем комично. По небольшому черно-белому телевизору, находящемуся справа от героини, в это время показывают работу комбайнеров, а диктор рассказывает о количестве урожая. Героини в блестящих модных платьях открыто смеются и издеваются над ней, и она, как будто осознав всю дикость и бессмысленность своего присутствия в этом месте, исчезает со сцены. Гротесковая и точная ирония *Я. Карняга* по отношению к так легко узнаваемой действительности попадает в самую суть дела. Точно показан душный воздух и болотистая местность, время в которой как будто остановилось. Именно поэтому героиня *Вольгі Скварцовой* после экспрессивного танца забирается на огромную колонку и истерически кричит: «Я не слышу музыку, сделайте громче!» – хотя динамик разрывается от сильного звука. «Я уже видела все в этой стране, везде была, мне здесь тесно, я хочу в новый клуб в Нью-Йорке», – кричит она.

Этот спектакль, как и другие («*Не танцы*», «*Бясконца*», «*Birthday party*», «*C'est la vie. Exercices pres du baton*»), не был поставлен по какому-то драматургическому произведению. Свои спектакли *Карняг* придумывает сам, отводя доминирующую роль пластике актера. Если в «Café "Поглощение"» был лозунг «С театром покончено», то спектакль, посвященный проблеме насилия, называется «Не танцы».

Карняг говорит о том, о чем обычно молчат, вытаскивает на поверхность человеческую боль и экзистенцию, показывает это не жалея зрителя, чтобы тот пробудился от летаргического сна, начал задумываться и анализировать.

Театр «ИнЖест» стал в Беларуси начинателем профессионального пластично-экспериментального театра. На сегодня «ИнЖест» – это известный театральный бренд, существующий с 1980 г., который представляет широкий спектр театрального вербального поиска: клоунада, хепенинги на улицах, танец Буто. География гастролей театра «ИнЖест» широкая: Россия, Германия, Польша, Украина, Нидерланды, Швеция и т.д. Труппа реализует совместные проекты с польским *«Teatrem Formy»* Юзефа Маркоцки и японским *«Ten pen chii»*.

Вячаслава Іназемцаў волнует человеческая экзистенция и связанные с ней муки. Он играет со смыслами и многозначными ассоциациями. Его известный спектакль «ДКДанс» показывал человека, с которого содрали оболочку, кожу, все привнесенное и внешнее, демонстрировал человеческую сущность вне формы, в чистом виде. Полностью оголенное человеческое тело символизировало возвращение к корням, природной органике, катарсис и перерождение. Физиологичность стала манифестацией актера, в которой он был лишен личности, психики, пола. Кстати, «ИнЖест», наверное, впервые в беларусском театре обратился к физиологичности. «Мне тяжело вместить мир в рамки», – говорит *Іназемцаў*, и поэтому создает открытое для восприятия ассоциативное пространство. В спектаклях, поставленных на сцене, «ИнЖест» использует элементы уличного театра. В «ДКДансе» актер появлялся на больших ходулях, от которых постепенно избавлялся: бензопила в руках другого персонажа делала своё дело – подпиливала его ходули, пока он совсем не падал на краю сцены. Но поднимался: финальная сцена, в которой *Іназемцаў* пробует встать и будто учится ходить заново, воспевает силу человеческого духа.

Театр «D.O.Z.SK.I» *Вольгі Скварцовой* и *Змітра Залескі* был основан в 2005 г. Создатели определяют свой жанр как *«contemporary dance»*, они используют синтез хореографического и драматического мышления. Их *«Дах»*[1] пару лет назад вызвал бурную реакцию публики, на спектакль было очень сложно достать билеты. Экспрессивная пластика актеров, динамичное построение пространства, музыка и свет, ставшие полноценными участниками спектаклей, создавали действо с сильной энергетикой и живым нервом. *«Дах»* рассказывал о состоянии человеческой души и психики, которое вышло из-под контроля. Актеры при помощи пластики показывали взаимоотношения персонажей, которые запутались в чувствах, действиях и оказались в хаосе. Горячая и натянутая как струна атмосфера спектакля прерывается резким криком актрисы: «Я ничего уже не понимаю!»; затем – тишина и остановка действия, во время которой актеры внимательно всматриваются в лица зрителей. Но если у Яна Фабра неожиданные перерывы, во время которых актеры курят сигареты и наблюдают за публикой, могут продолжаться 10–30 минут, то в театре «D.O.Z.SK.I» это лишь минутная пауза, после которой действие набирает новые обороты, пока все участники постановки не окажутся на крыше. Стоят и смотрят вниз. Пауза. Если у Сары Кейн героиня не находила выхода и принимала большую дозу лекарств, то в постановке «Дах» момент выбора переходит в момент катарсиса. Внизу, куда смотрят персонажи, загорается свет, и герои, взявшись за руки, просто подпрыгивают на месте, превращая действие в шутку.

В июне 2009 г. в Варшаве состоялась премьера спектакля «Мухи на солнце, или бессонница», в октябре того же года театр участвовал в московском фестивале «Этника» с работами «Зрелость» и «В долине доли», а в ноябре они получил Гран-при на Международном фестивале современной хореографии в Витебске за одноактовые спектакли *«Homo sapiens»* и «Камень, ножницы, бумага».

Первый независимый Международный театральный фестиваль экспериментальных театров «Тот самый фестиваль» прошел совсем недавно – 21–26 апреля 2011 г. Организаторами фестиваля стали театр-студия «РОНД», театр-студия им. Евстигнея Мировича, соорганизаторы – Беларусская государственная академия искусств, Центр

1 *Дах* (бел.) – крыша (прим. перев.).

беларусской драматургии и режиссуры, концертно-продюсерское агентство «Бопромо» и Муниципальное учреждение по делам культуры г. Бонна (Германия). Целью фестиваля было основание в Беларуси платформы для межкультурных диалогов в сфере современного театра. На протяжении шести дней 18 театральных трупп и более 280 участников и специальных гостей реализовывали разнообразную программу. В ее основу легли уличные и пластические спектакли экспериментальных коллективов Германии, США, Словакии, Словении, Польши, России и Беларуси, а также работы юношеских театров Молодежной программы фестиваля, в число которых вошли два благотворительных показа: мультфильмы студии детской анимации «Мы есть!» (научно-практический центр, пос. Боровляны) и спектакль кукольной студии «Тихий Океан» (дом-интернат для детей-инвалидов). Важной частью фестиваля были бесплатные мастер-классы: мастер-класс по контактной импровизации провел Карел Ванег (Германия), «Танец Буто» провела Лили Эмерсон (США), «Уличный театр», в который входило также участие во флеш-мобах, организовал Куд Люд (Словения), мастер-класс по работе с молодежными театрами –Тина Юккер (Германия), мастер-класс по драматургии импровизации провела Вероника Носальская (Казахстан). Программа разделялась на пластическую и драматическую части. Пластическую часть составляли спектакли театров «ИнЖест», «Карняг-ТЭАТР», «D.O.Z.SK.I», «EYE», театр-студии «РОНД», театр-студии «Бармаглот» (Беларусь), «Театр Карла Ванега» (Германия), *«Debris Company»* (Чехия), *«Lucid Street Theatre»* (США), *«Kud Ljud»* (Словения). Драматическая часть была представлена следующими театрами: *«Studium Teatralne»* (Польша), «Волоколамский народный театр» (Россия), «Марабу» (Германия), «Д.Е.М.И.» (Россия).

МОЛОДЫЕ ГНЕВНЫЕ

Отдельной территорией независимого беларусского театра является новая беларусская драматургия, возникшая в начале двухтысячных годов, для постановок которой в Беларуси пока нет подходящих условий. Молодые гневные вслед за англичанами Сарой Кейн и Марком Равенхиллом, россиянами Василием Сигаревым и Максимом Курочкиным,

поляками Михалом Волчаком, Мареком Прухневски создают произведения, которые касаются человека, действующего здесь и сейчас. Тематикой новейшей драматургии становятся полное коммуникационное разобщение, чувство отчуждения, закрытость личности, нестабильность эмоционального состояния, депрессия, потребительство, кризис семьи, аборт, насилие, неспособность самоидентификации.

Павел Пражко – один из самых ярких представителей альтернативной драмы. Он смело затрагивает абсолютно новые для Беларуси темы. Его пьесы с успехом идут за границей. «Жизнь удалась», например, была одновременно поставлена в двух известных московских театрах: Михаилом Угаровым в «Театр.doc» (спектакль, кстати, получил главную российскую театральную премию «Золотая Москва» в 2009 г.) и Эдуардом Бояковым в театре «Практика».

Герои этого произведения – подростки. История четырех молодых людей – братьев, преподавателей физкультуры, и девушек-школьниц – представляет собой срез жизни, в которой у персонажей нет ни мыслей, ни желаний, а есть только физиологические потребности, которые они пытаются удовлетворить, думая, что именно этого им не хватает для счастья. Они твердо уверены в том, что их жизнь удалась, но счастья нет, и любви нет, и физиология радости не приносит. Свадьба *Аляксея* и *Алены* – очевидный трагифарс, похожий на *reality show* в СМИ: жених напивается и засыпает в туалете, а невеста приходит к выводу, что любит брата жениха. *Пражко* показывает жизнь одноклеточных организмов, у которых нет воли и рефлексий. Бесконечные самоповторы и паузы подчеркивают неспособность персонажей выразить то, что они чувствуют. Герои, кстати, не убийцы, не воры, они просто – «планктон». Ремарка «и ни о чем не думает» (из пьесы «Закрытые двери») продолжает тему зомбированного планктона. Применяя ее практически ко всем героям, *Пражко* настаивает на неумении героев думать и рассуждать. Персонажи имитируют жизнь, не находя мотивации для ее полноценного проживания. Герой *Валера* имитирует наличие частной жизни перед родителями: абсолютно чужая девушка играет роль его любимой, а он сам, как говорится в ремарке, «ничем не заинтересован». Отсутствие чувств, индифферентность, неспособность жить полноценной жизнью, тотальная усталость и безразличие ко внешнему миру заставляют персонажей не проживать жизнь, а имитировать ее.

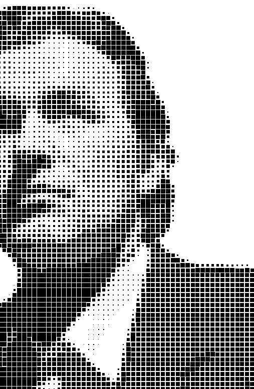
Кроме творчества *Паўла Пражко*, за границами Беларуси известно и творчество *Мікалая Рудкоўскі*. Автор иронично и точно передает интонацию изменившегося времени и констатирует проблемы современных реалий. Комедия «Дожить до премьеры» – абсолютная ирония над широко распространенными памятными военными датами, которые сегодня «пользуются большим успехом» в беларусском театре в виде пафосно-костюмированных постановок. Актриса Вера готовится к военной премьере в своем театре и хочет в полной мере почувствовать и прожить испытания своей героини-партизанки. Она отдаёт дорогие костюмы своего мужа-бизнесмена какой-то бабушке за две краюхи хлеба, которые и подает мужу на ужин. Свою боевую подругу она заставляет отказаться от солярия и салонов красоты. Та, конечно, сначала отказывается, но потом и сама проникается этими «жертвенными идеями». Кульминацией курьеза становится сцена, где Веру по ее просьбе насилуют на глазах у мужа, который падает в обморок от увиденного. Парадоксальность ситуации здесь доведена до абсурда. Феерическая ирония драматурга по отношению к зомбированному сознанию снимает налет серьезности, но и не уменьшает глубины проблем.

Пока в Беларуси нет условий для постановки таких пьес. Молодые режиссеры, заинтересованные такими произведениями, утверждают, что у них нет площадки для их реализации, театральные менеджеры не знают, как совместить юридическо-финансовые нюансы с потребностями авторов и зрителей. Критики утверждают, что художественный результат таких спектаклей будет повтором и бледной копией российских или польских коллег. И, в некоторой степени, они правы: сильная режиссура в Беларуси в таких законсервированных условиях просто не может сформироваться и свободно реализовываться. Эту ситуацию усложняет и другой вопрос – возможен ли полноценный, оригинальный и новаторский театр в условиях тотальной нестабильности в стране? И может ли создатель думать о высокой и духовной материи, если сейчас при средней зарплате в размере 250$ килограмм гречки стоит 4$?

Абсолютно очевидно, что независимый театр не родится сам по себе. Беларусам на сегодняшний день нужна большая доза иностранных инъекций и помощи ноу-хау в виде лабораторной работы, взаимных проектов и элементарных мастер-классов для режиссеров и менеджеров на тему осуществления проекта или организации фестиваля. Государственные институты могут научить, к сожалению, только консервативной теории, а не тому, как применить инициативу наравне с юридически-организационными знаниями.

К.С.

Беларусь до сих пор остается «белым пятном» на музыкальной карте Европы. Возможно, такая «изолированность» стала причиной того, что для беларусского музыкального андеграунда характерны оригинальный стиль и авторская интонация.

СЯРГЕЙ ПУКСТ

БЕЛАРУСЬ: БЕЛОЕ ПЯТНО НА МУЗЫКАЛЬНОЙ КАРТЕ ЕВРОПЫ

Одной из причин *отсутствия* беларусской музыки в мировом музыкальном пространстве является то, что за 20 лет после распада Советского Союза в нашей стране так и не был сформирован музыкальный рынок, который способствовал бы продвижению отечественного музыкального «продукта» на Запад и Восток.

Шоу-бизнес прежде всего предполагает некую конкуренцию. Тогда возникает противостояние артистов, подключается «желтая» пресса, провоцируя «скандалы» и поддерживая интерес слушателя. В Беларуси конкуренция проходит «келейно», потому что большинство эстрадных артистов работает в довольно замкнутых государственных структурах, например, в Театре эстрады *Васіля Раінчыка* или в оркестре *Міхаіла Фінберга*. Соответственно, те и другие, конкурируя внутри этих организаций, стараются не выносить «сор из избы».

Рок-звезды также пьют и ругаются, как правило, в своем кругу, стараясь жить дружно, но в плане творчества двигаться строго параллельно. При этом ни поп-, ни рок- звезды, если понимать определение «шоу-бизнес» буквально, не заинтересованы в демонстрации своей «личной

драмы». Поэтому беларусский шоу-бизнес ограничивается «колодой» видеоклипов, которые являются своего рода визитками на случай возможных корпоративных мероприятий.

Как и в советские времена, беларусская музыка четко разделяется на «официальную» и «неофициальную». «Официальные» группы имеют всё: зарплату, концертные залы, аппаратуру, гарантированное количество концертов и, как следствие, условную, статистическую популярность. На «неофициальные» группы государство не тратит ни копейки. В принципе, оно и не обязано на них тратиться. Проблема заключается в другом: в условиях жесткого государственного регулирования практически отсутствуют источники существования для музыкантов, которые не вписываются в государственную структуру. Эти музыканты существуют сами по себе, и, соответственно, финансовый успех «Ляписа Трубецкого», «Серебряной свадьбы», «Троицы» и «N.R.M.» является реальным показателем их истинной конкурентоспособности и зрительской любви. Но нужно отметить, что, даже имея большую зрительскую аудиторию в Беларуси, эти группы зарабатывают, как правило, за пределами страны.

Таким образом, можно сказать, что на сегодняшний день в Беларуси профессионального музыкального сообщества все-таки нет. Музыканты существуют как «люди-острова», в основном прислушиваясь к звукам внутри себя. То есть коллегиальное общение, конечно, происходит, но не носит уродливых открыто тусовочных форм. Как ни парадоксально, это идет на пользу: такая внешняя и внутренняя (само) изоляция способствует существенному своеобразию беларусской музыки. Ощущение собственной адекватности не является результатом усилий продюсера – это нечто интуитивно нащупываемое самим музыкантом. Процесс совсем не простой, но куда более честный, чем механическое повторение нескольких внутрижанровых аккордов, чтобы работать манекеном подростковой самоидентификации. *Это если говорить о немногих «плюсах» сложившейся ситуации*.

Теперь о «минусах» для музыкантов. Беларусскую «звезду» вчерашнего концерта можно запросто встретить утром в метро: музыкант едет на свою «мирскую» работу. Очень немногим удается зарабатывать своим творчеством. Помимо «официальных» исполнителей, работающих в государственных музыкальных организациях (что, нужно отметить,

значительно ограничивает их творческий рост), стабильно может существовать только ресторанный музыкант (что, с другой стороны, также не способствует его развитию).

В любом случае, даже в такой, казалось бы, неблагоприятной ситуации в Беларуси появляются исполнители и группы, которые находят своего зрителя на родине и за рубежом. Это, как правило, те музыканты, которые попадают в сектор «неофициальной» музыки и которым удается существовать «вопреки».

«ГРУППЫ-С-ХАРИЗМАТИЧНЫМИ-ЛИДЕРАМИ»

«Группы-с-харизматичными-лидерами», как правило, существуют на постсоветской сцене уже больше 20–30 лет. В конце 80-х, в переломный момент советской истории, именно музыканты-«трибуны» оказались особенно востребованными. Музыкальная революция, которая на Западе произошла в конце 60-х годов, в Беларуси свершилась в конце 80-х.

Именно с этим обнадеживающим временем у меня связана личная эстетическая «травма»: действительно новой, интересной музыки так и не появилось. Беда заключалась в том, что на Западе сексуальная революция и ЛСД создали и оформили новую музыкальную эстетику. Беларусская революция произошла прежде всего на политическом уровне. Музыкальных идей, как оказалось впоследствии, было совсем немного. Главным оружием для музыкантов стало слово.

Самыми яркими в этом смысле оказались две группы: «Ляпис Трубецкой» и «Мроя», позже «N.R.M.».

«Ляпис Трубецкой» сегодня, очевидно, является группой номер один. Надо сказать, что еще в конце 80-х в разваливавшемся Советском Союзе стали популярными запрещенные прежде авторы — писатели-абсурдисты Даниил Хармс, Александр Введенский и др., которые задали невиданный прежде уровень самоиронии. Солист группы *Сяргей Міхалок* чрезвычайно точно эту тенденцию ощутил. Сквозь его скоморошьи стихи поблескивала некая амбивалентная истина, которая тут же торопилась превратиться в шутку. *Сяргей* работал в образе провинциала и, в частности, идеально передавал бездну девственного сознания, которое самым диким образом встраивалось в урбанистическое окружение.

Этот образ эксплуатировался им чрезвычайно долго и разнообразно до начала «нулевых».

В 2000-х произошла освежающая смена имиджа. Сергей стал подтянутым, бодрым, татуированным. Стал высказываться в актуальном антиглобалистском ключе. Всё это, правда, воспринималось пока как очередной «прикол». В контексте творчества «ЛТ» в искренность ее лидера сложно было поверить. Обострение интереса к группе подсказало, что «прикол» срабатывает. Сегодня, однако, музыканты звучат все более серьезно. Именно сейчас лидеру группы удалось наиболее отчетливо, почти без иронии высказаться по поводу того, что его по-настоящему волнует.

Вторым безусловным лидером музыкальных 1990-х в Беларуси были «N.R.M.». Будучи первокурсником Минского художественного училища, зайдя в кабинет химии, я увидел длинноволосого старшекурсника *Лявона Вольскі*, который доказывал нашей учительнице химии элементарное: если мы живем в стране под названием Беларусь, то разговаривать надо, соответственно, на беларусском языке. Это были прекрасные, вдохновенные слова.

«N.R.M.» для меня так и осталась группой этой светлой идеи, хотя музыкальную эстетику коллектива я разделял далеко не всегда. Помимо напористой «N.R.M.», уже позже *Лявон* основал группу «Крамбамбуля», где он в полной мере показал себя как лирический автор. Необходимо отметить, что уровень его текстов в обоих проектах был очень высок.

«ФОЛК-ГРУППЫ»

Безусловно, первая величина фолк-направления в Беларуси – это группа «Троица» с ее лидером, обладателем уникального голоса, *Іваном Кірчуком*. Именно «Троица» впервые после «Песняров» представила полноценное и своеобразное прочтение беларусского фольклора. Правда, это уже не рок-музыка, а, скорее, world-music. За каждой нотой стоит кропотливая работа: *Кірчук*, профессиональный этнограф, до сих пор ездит в экспедиции по беларусской глубинке. Аутентичность материала подчеркивается дотошным сохранением особенностей произношения тех мест, где была записана песня.

Несмотря на обаяние таких замечательных альбомов, как «Сон-трава», «Семь» и «Зимушка», моим любимым диском остается экспериментальная работа «Жар-жар», звучание которой значительно отличалось от того, что зритель мог услышать на концерте. Любопытно, что сам *Кірчук* так до конца, кажется, и не признал эту работу «своей», видя в ней прежде всего «террористический» саунд-дизайн звукорежиссера *Андрэя Жукава*.

Еще один коллектив – «Акана» – состоит из трех поющих девушек, которые синтезируют фолк-музыку с современными музыкальными жанрами – от джаза до «битов» украинских ди-джеев. В последнее время коллектив активно участвует в интернациональных проектах: где еще интересен беларусский фольклор, как не за рубежом. В результате последнего проекта со швейцарскими музыкантами было дано несколько концертов в городах Беларуси. Сейчас руководитель коллектива *Ірэна Катвіцкая* делает новый проект с *Аляксеем Варсобой* из беларусской группы «Порт Моне».

В этом же ряду стоит группа «Стары Ольса», которая специализируется на исполнении средневековой музыки. Музыканты являются постоянными участниками разного рода «ролевых», реставраторских мероприятий. В свое время группа высокопрофессионально и изобретательно аранжировала «Полацкі сшытак» (средневековый нотный сборник, найденный беларусским исследователем *Адамом Мальдзісом*). *Зміцер Сасноўскі*, лидер команды, человек, в принципе, подвижнического склада, является активным пропагандистом средневековой музыки. Он также попробовал себя в качестве продюсера более модернистского проекта «Литвин-тролль», где средневековые и народные инструменты усилены звучанием электрогитар.

«ФРИК-ГРУППЫ»

Понятно, что абсурд, начиная еще с Николая Гоголя, а также классиков жанра Хармса и Беккета, рассматривает, помимо прочего, природу маленького человека, существующего в собственном крошечном мире, полном самых диковинных фантазий. Это если говорить о талантливых «фриках». «Фрики» попроще кривляются, работая в основном на пьяную

аудиторию, не поднимая «низкий жанр» до уровня искусства.

Безусловно, лучшей беларусской фрик-группой сегодня является фрик-кабаре «Серебряная свадьба». Фронтвумен коллектива *Света Бень*, вокруг которой собрался небольшой профессионально звучащий оркестр, раньше писала впечатляющие стихи. Сейчас они получили убедительное сценическое воплощение. Помимо собственно пения от лица простодушной «лисички», внезапность выступлению придает изобретательная работа с обильным реквизитом, в чем сказывается Бенькино (*Бенька* – так ее *нежно* называют в музыкальных кругах) режиссерское образование. Любопытно, что солистка «СС» любит читать «остро теоретическую» литературу, например Михаила Бахтина. А это, на самом деле, говорит о том, что впечатления, возникающие у зрителя в голове, ей во многом известны заранее.

Кабаре-дуэт «Rocker Jocker», состоящий из двух колоритных, условно циничных персонажей *Максіма Сірого* и *Міхея Насарогаў*, напоминает упрощенного Тома Уэйтса. *Насарогаў* аккомпанирует себе на крошечной гитарке-укулеле, а *Максім Сіры* – на стандартном баяне. Группа бравирует своей грубоватой эстетикой и колоритным внешним видом.

Еще один «фрик» со знаком «плюс» – это группа «Кассиопея», исполняющая так называемый «спец-поп», который можно одним словом определить как ретро-футуризм. «Щупальца с планеты X» благополучно соседствуют с ностальгическим советским мироощущением. Такой стиль прекрасно воспринимается в России, разрываемой между надеждой на цивилизованное будущее и воспоминаниями, как хорошо было в СССР. Иногда это похоже на электро-поп, иногда — на жесткий электро-панк.

«РОК-ГРУППЫ»

Из всего огромного списка беларусских рок-групп особо хотелось бы отметить две: «Петлю Пристрастия» и «Красные звезды».

Многое кажется интересным и спорным в «Петле Пристрастия»: «графоманское название», цепкие тексты, уместно неформальная музыка и видимая простота и легкость. Ілля Чарапко-Самахвалаў – солист коллектива – всем своим видом опровергает стереотип-представление о лидере рок-группы. Постоянное сомнение в себе выводит его из

категории рок-героев в категорию живых людей. Складывается ощущение, что он находит неисчерпаемый источник вдохновения в собственной неуверенности. В результате рождаются исчерпывающе язвительные тексты.

Группа «Красные звезды» как будто должна играть ностальгически грязный среднерусский панк в духе «Гражданской обороны» (к сопоставлению с которой лидер группы *Уладзімір Селіванаў* сам время от времени с видимым удовольствием подталкивает). К счастью, «Красные звезды» исполняют нечто намного более абсурдное и изощренное по музыке. Просто ломают еще один устойчивый стереотип, отказываясь от классического приема классической панк-группы: они не делают вид, что не умеют играть, лишая себя всяких видимых ограничений, которые могли бы навсегда пригвоздить группу к какому-то стилистическому направлению. Именно поэтому их можно и нужно слушать.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

В этом «сегменте» можно выделить группы «Гурзуф» и «Порт Моне». На самых первый взгляд, кажется, что группы идентичны: оба бэнд-лидера играют на баяне. Но на этом сходство коллективов заканчивается.

Ягор Забелаў («Гурзуф») – одаренный композитор, который внятно строит музыкальную фразу, работает мелодически остро, умеет резко менять фактуру и обладает редким даром сохранять в своей музыке интригу. В последнее время он работает с различными электронными гаджетами. Необходимо также отметить и другого участника коллектива – барабанщика *Арцёма Залескі*. *Арцём* – один из самых нестандартных беларусских музыкантов, который не аккомпанирует, а выстраивает барабанную линию. К моей искренней радости, кажется, у них получается больше нигде не работать и заниматься исключительно музыкой.

Группа «Порт Моне» существует с 2005 года. Но *Аляксей Варсоба* начал исполнять музыку намного раньше. Задолго до этого он был лидером инструментального «Коллектива им. Хорошего Человека» (его так и называли – «Леша – хороший человек»). Музыка «Порт Моне» создана по законам ландшафтного дизайна, когда все выпуклости, пригорки и впадины обозначены музыкальными утолщениями и утончениями,

замираниями и взрывами. И в этом, конечно, тоже есть своя структура, логика и отчетливая закономерность.

ГРУППЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ МУЗЫКУ

Есть в Беларуси как минимум две группы, исполняющие, с точки зрения нормального потребителя «музпродукта», *непонятно что*. Это группа «ВОМ», название которой, собственно, и есть аббревиатура стиля «волшебная одноклеточная музыка», и группа «Князь Мышкин», которая исполняет интуитивный джаз.

Антон Крывуля, он же Бэтман Большой Украины, он же Стереочувак, он же Жан-Дирижабль, основал несколько отделений «ВОМ» в России и Беларуси. Родился стиль благодаря счастливому наблюдению: *Антон* заметил, что звук, помимо вертикального, имеет еще и горизонтальное измерение. То есть музыка может возникать не благодаря звуковысотным изменениям, а благодаря разным обертонам, которые приобретает один и тот же звук в ходе постоянного повторения одной ноты. С этим связаны забавные временные сдвиги в сознании слушателя (например, когда я слушал «ВОМ», мне казалось, что они играют около часа, а программа длилась всего 20 минут).

Антон довольно много выступает в России. Вспоминается фрагмент из нашей с ним переписки. *Антон* писал: «Приезжай выступать с нами в Москву. Нас тут хорошо знают. Нас уже все ненавидят».

Главный идеолог «Князя Мышкина» *Леанід Нарушэвіч*, человек умный и бескомпромиссный, был удостоен высочайшего комплимента от музыканта собственной группы: «Леня, а ты, оказывается, умеешь играть на гитаре». Действительно, *Нарушэвіч* достиг такого исполнительского уровня, когда мастерство заметить практически невозможно. На первый взгляд, группа исполняет нечто весьма неконкретное. Но это с точки зрения неподготовленного слушателя. Если же закрыть глаза или слушать CD, то сразу отчетливо проступают «ребра» музыкальной формы. При этом я отнюдь не утверждаю, что музыка «КМ» математически выверена. Я думаю, музыканты просто чувствуют структуру спинным мозгом.

Мне довелось однажды играть с «Князем Мышкиным». Это была в чистом виде не подготовленная с моей стороны интуитивная

импровизация. К стыду должен признать, что это было одно из самых неудачных моих выступлений: я постоянно попадал в ловушки модуляций, провалов в другие тональности и меняющегося размера. При этом музыканты «КМ» не испытывали никаких проблем.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И КОЛЛЕКТИВЫ

«Провинциальное» отношение к музыке, в отличие от так называемого «столичного», как раз отличается бо́льшим вниманием к музыке, то есть более внимательным вслушиванием в музыкальный материал. Попутно замечу, что определение «региональные группы» ни в коем случае не определяет их как коллективы, находящиеся на периферии музыкального процесса.

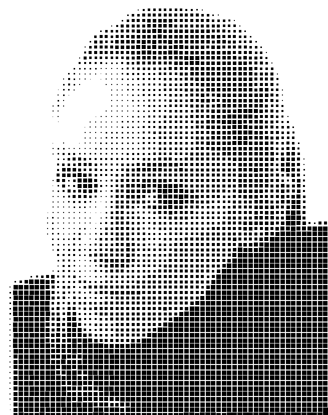
Самым крупным музыкальным центром, помимо столицы, является Могилев. Здесь удалось организовать сообщество «Центр живого рока», которое позволило духовно поддерживать существующие здесь коллективы, играющие так называемый «русский рок». Одна из наиболее важных групп здесь — «Сердце Дурака», где солирует чрезвычайно одаренный поэт *Цімафей Яравікоў*. Также совсем недавно здесь появилась группа «Глюки», музыканты которой сегодня играют любопытную англоязычную музыку в рамках нового проекта «Acute».

Когда я выступал в Могилеве, был поражен, с каким вниманием тамошняя публика слушала даже не нас с Атморави, номинальных минских хэдлайнеров, а местную группу «Калачиком рядом» (отличная, между прочим, группа), игравшую перед нами. Тишину такого качества я слышал только в филармонических залах.

Даже этот, далеко не полный, перечень указывает на то, что в Беларуси на сегодняшний день работают группы, представляющие довольно широкий спектр музыкальных стилей. Одновременно с этим – в силу некоторой изолированности Беларуси – коллективы имеют свою авторскую интонацию, которую сегодня встретишь далеко не везде. Иными словами, в нашей стране идет нормальная андеграундная музыкальная жизнь, которую Европе во многом еще только предстоит открыть.

СЯРГЕЙ ПУКСТ

Современный беларусский литературный процесс напоминает «организм», который состоит из определенного количества «болевых точек». Актуальными остаются проблемы свободного мышления автора, его востребованность властями, издательствами и читателями.

МАРГАРЫТА АЛЯШКЕВІЧ

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ БЕЛАРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Представим себе современный беларусский литературный процесс как организм и нащупаем его болевые точки.

НАЦИЯ ПОЭТОВ (СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ)

Спросите любого беларуса – окажется, что хотя бы раз он / она писали стихи. Многие даже исписали не одну тетрадь. Правда, большинство моих соотечественников считает стихами все, что написано в столбик и имеет рифму. Отсюда целое сплетение проблем для литературного процесса.

Самая очевидная проблема – «квадратность» поэзии. Откроем литературную периодику – там ровненькие катренчики, как будто их кто-то подстриг под одну гребенку: с перекрестными и опоясывающими рифмами, в основном, двухсложные. Ну и пусть *Максім Багдановіч* еще в начале XX века придумал, согласно подсчетам беларусского исследователя, филолога *Вячаслава Рагойшы*, 93 вида строф; пусть в

конце того же столетия *Алесь Разанаў* выгибал форму стихотворения так, как ему вздумалось, – создавал зномы, версеты, вершаказы и другие поэтические формы; пусть *Адам Глобус* и многие другие создавали эрудированные хокку и танка; пусть *Андрэй Хадановіч* шутя написал книгу лимериков, а *Віктар Жыбуль* издал не одну книгу палиндромов; пусть *Віктар Лупасін* посмеялся надо всеми формами твердого стихотворения; пусть *Віталь Рыжкоў* выигрывает поэтические слэмы и у нас, и за границей; пусть *Антон Францішак Брыль*… Можно бесконечно продолжать список тех, кто ставил форму нашего стихотворения во все пристойные и непристойные позы. Но вот мы открываем периодику – и видим «квадратики». Безусловно, периодика бывает разная – я сейчас говорю про (просто-)народное восприятие поэзии, которое лучше всего отражают издательства государственного издательского холдинга. Венок венков сонетов здесь считается подвигом, а к нерифмованным стихотворениям относятся подозрительно: один литературный критик даже заявил, что считает верлибр «болезнью в поэзии, индуцированной нам Западом».

Гений *Якуба Коласа* не в том, что он подробно описал жизнь деревни, – в «Новой земле» он срифмовал и придал ритмичность национальному характеру. Основательность, надежность, неизменность, трудолюбие, верность традициям – все это там, меж строк ямбов, объединенных смежной рифмой, возведенных в абсолют стихотворного романа. Злой гений времени в том, что из *Коласа* сделали гигантский бронзовый памятник, который посадили на центральной площади столицы. А его младшего современника, *Уладзіміра Дубоўка*, искателя новых форм поэзии, изобретателя поэтического «комбайна», который должен был соединять разные метры, виды рифмовки, элементы разных видов литературы и ее разные жанры, того *Дубоўка*, которого сам *Купала* хлопал по плечу: мол, ты – наш Пушкин, – на четверть века выслали в лагеря. *Паўлюка Шукайла*, братьев *Шашалевічей* и многих других вообще выкинули из национальной памяти, так что до сих пор возвращаем…

«Квадратность» касается не только формальной стороны поэзии. Можно говорить об определенной тематической квадриге. Каждый поэт считает, что он обязательно должен высказаться о Родине (вариации: Матери, Языке), Природе, Поэзии, а Любовь остается главным элементом, питающим поэтическое творчество. И пусть все больше творцов превращают стихотворение в разного вида интеллектуальные игры,

как современные молодые поэты: *Віка Трэнас*, *Вольга Гапеева*, *Марыйка Мартысевіч*, *Ігар Кулікоў* и другие, – считается, что они абсолютно традиционно хотят *«у рожкі са старымі»*[1] (выражение связано с 20-ми годами XX в., когда сторонники тогдашней группы *«Маладняк»* спорили со старшими представителями газеты *«Наша ніва»*), а потом переболеют этим своим восхищением собственной умностью и станут воспевать васильки во ржи и кузнечиков в траве.

И еще одно важное обстоятельство. Если человек хочет построить дом – он зовет каменщиков; если у него проблемы со здоровьем – идет к врачу, к специалисту. Беларусы не доверяют специалистам. Мы сами с усами, не святые горшки лепят и все такое. Тем более, словесные конструкции – не небоскребы, а словесность – не болезнь с хитроумным названием. Безусловно, литературная критика воспринимается не как профессия, а как способ свести счеты с литературой. Сама словесность, скажем, тоже не профессия – шли бы вы, мальчики, на завод или в бизнес, а вы, девочки, – замуж.

Самое плохое в «нации поэтов» – это отсутствие читателей. Все пишут, но мало кто умеет *читать* поэзию. Самое хорошее – это потенциал: ждем превращения количества в качество.

ТРЕЩИНА (ПРОМЕЖНОСТЬ)

Говорят, где два беларуса – там три политические партии. Зато сколько разнообразия!

Поэты и графоманы – ну, пусть себе: так, наверное, везде (другое дело, что у «нации поэтов» графомания – форма эндемического заболевания). А вот государственные и негосударственные издания? От такой терминологии профессура журфака БГУ когда-то отшучивались: мол, все, что печатается в этой стране – государственное. Тогда стали использовать вместо термина «негосударственная пресса» – «независимая», но возникла проблема с антонимом; использовали еще парочку: «официальные / оппозиционные издания», но потом с оппозицией все стало так непросто, что ее уже без кавычек и оскорбительных эпитетов никак не вспоминали в «официальной» печати. Тогда (в разговоре) периодику

1 *«У рожкі са старымі»* (бел.) – пободаться со старыми (прим. переводчика).

стали делить на «правильную» и «неправильную», но быстро запутались, что для кого правильное, где наши, а где уже «не наши»…

В литературном процессе все эти разделения очень заметны. Государственная литературная периодика – *«Полымя», «Нёман», «ЛіМ», «Маладосць»* – получили богатое советское наследство: систему распространения по всей стране, подписку госорганов, государственные дотации, какие-никакие бренды. Негосударственные – *«ARCHE-Пачатак», «Дзеяслоў», «Літаратурная Беларусь», «Верасень»* – получили неформатных авторов, которые не хотели или не могли писать квадратные стишки, и требовательного, обычно столичного, начитанного, испорченного Интернетом читателя. В государственных изданиях есть негласное правило не вспоминать про «неправильных» авторов; негосударственные выкладываются по максимуму, чтобы выпустить в свет этих замалчиваемых творцов, так что сил на других «неправильных» авторов иногда просто не хватает.

Между теми и другими авторами существует невидимая, но хорошо заметная пропасть: нарушителей порядка с «официальной» стороны увольняют с работы. Казалось бы, ну как нормальное развитие творчества может проходить в таких условиях, когда редкий исследователь литературы удержится *над* достаточно долго, чтобы увидеть целостность. Такие, к счастью, есть: это и критики – *Леанід Галубовіч*, *Ірына Шаўлякова*, *Ціхан Чарнякевіч* и др., и те литературоведы, которые рискуют, анализируя текущий литпроцесс, – *Пятро Васючэнка*, *Міхась Скобла*, например. Но живется им непросто: того и гляди с двух сторон полетят камни.

Настоящая беда с двух сторон – это культивирование отдельных тем, про которые как ни пиши – захвалят. Плохая литература останется плохой, будь она про Русь-матушку или про борца с режимом.

Но никто не может запретить любопытному читателю читать (тьфу-тьфу, как говорится, если на улице уже нельзя аплодировать, так, может, скоро и за неправильный журнал в руках будут забирать?). А значит, чем больше создается изданий, тем лучше, тем разнообразнее, тем интереснее. Если же какой-то автор признается двумя сторонами, можно смело записывать его либо ее в классики. Здесь могут оказаться вместе такие разные и по мировоззрению, и по творческой манере авторы, как *Альгерд Бахарэвіч* (грубо говоря: чрезвычайно густое, усложненное, эрудированное письмо; углубление в человека, исследование его отношений с абсурдным обществом) и *Людміла Рублеўская* (опять же, грубо говоря: создание и популяризация национального мифа при

помощи исторически-приключенческого жанра, простое, доходчивое написание).

Раскол между государственными и негосударственными изданиями – только один из тех, куда может провалиться литпроцесс. Вспомним еще разделение на беларусов нормальных и беларусскоязычных, да и устаревшие недоразумения между *нормальными людьми* и творческими никуда не делись. Одной из магистральных тем нашей литературы последних 20 лет критики называют одиночество. Беларусскоязычный независимый писатель в одиночестве – как летучая рыба в воде.

ЯЗЫК И «*МОВА*» (ЯЗЫК, ГУБЫ)

Раньше считалось, что жгутиковые русскоязычные хламидии передаются исключительно половым путем, но последние исследования подтвердили, что эту мерзость можно подцепить и через средства гигиены, и путем общения, а еще болезнь передается по наследству. Так что для того, чтобы остаться здоровым беларусскоязычным беларусом, надо носить скафандр, внимательно выбирать партнеров и всегда помнить, *где находится твое полотенце*.

Русскоязычный хламидиоз – это такое хроническое заболевание общественного сознания, про которое как-то неловко говорить, с ним можно жить (некоторым вообще ничего не болит), лечить нудно, поэтому почти никто не лечится и продолжает заражать других и окружающую среду. Языковой хламидиоз так же, как и обычный, приводит к бесплодности. Я бы прописала нам насильственную беларусизацию: более высокие зарплаты и лучшие должности давать беларусскоязычным, штрафы и всеобщее презрение – за русскоязычное делопроизводство, обязательный экзамен на беларусском при трудоустройстве для чиновников и журналистов, русскоязычным политикам – анафема, ну и один государственный язык, само собой разумеется. Но, видимо, момент безвозвратно упущен, и не приходится надеяться на продуманную и целенаправленную беларусизацию, равную по времени русификации (70 лет плюс-минус два столетия). Поэтому светлые головы нации, литераторы, борются с болезнью как могут.

Здесь видны несколько стратегий: одна, начатая представителем газеты *«Наша ніва» Вацлавом Ластоўскі* и удачно развитая во второй

половине XX века *Уладзімером Караткевічем* – сделать из сюжета такую конфетку, чтобы вместе с ней больной проглотил и язык – основное лекарственное средство. Некоторые даже сегодня уменьшают концентрацию беларусского языка, как будто специально разбавляя его русизмами (как, например, *Юры Станкевіч*, *Алёна Беланожка*). Вторая стратегия, корни которой в языковом пуризме 1920-х годов (яркий пример – прозаик *Лукаш Калюга*), – взять жемчужины безэквивалентной, архаической и диалектной лексики, разбавить их в уксусе аутентичного синтаксиса, загустить всю эту смесь беларусского языка до состояния эмульсии, налить в кружку подзабытого правописания – тарашкевицы, латинки или еще какой-нибудь ковки – и подавать больным внутривенно. Причем здесь с прозаиками (*Сяргей Балаханаў*) и поэтами (*Міхась Баярын*, *Юрась Пацюпа*) поборются переводчики (*Васіль Сёмуха*, *Марына Шода*, *Алесь Разанаў* и многие другие). Есть и стратегии языковой игры: одни играют в паронимическую атаракцию (*Зміцер Вішнёў*, *Арцём Кавалеўскі*), другие – в интертекстуальность (поэт *Андрэй Хадановіч*, прозаики *Уладзіслаў Ахроменка* и *Максім Клімковіч*, критик *Ірына Шаўлякова*) и т.д.

У некоторых авторов, очевидно, есть стойкий языковой иммунитет – они пишут как дышат (приходят в голову следующие имена: *Рыгор Барадулін*, *Наталля Кучмель*, *Пятро Васючэнка*, *Барыс Пятровіч*).

Все эти усилия в масштабах нации тщетны, потому что у нас нет литературных агентов, которые бегали бы за беларусами с беларусской книгой, как санитарки за больными. Светлые головы могут сколько угодно спорить в Интернете про всевозможные языковые тонкости, например, как правильно послать – *«у дупу»* или *«ў сраку»*, – в то время как темные головы, которых большинство, будут называть титульный язык нации *«мовай»* – кавычки нагло суют свои лапки в разговор. Беларусскоязычного человека в нашем обществе поджидает опасность выслушивать от каждого небеларусскоязычного мнение о беларусском языке. Когда беларусы слышат беларусский язык, возможны следующие реакции: *«Вой, як вы хораша па-беларуску гаворыця! А дзе эта вы так навучылiся?»*[2] Или: *«Я счытаю, што вы правільна робіце, нада, нада свой язык знаць»*[3]. Или: *«Ты чо, эты, как ыво, апазыцыянэр вашывы?»*

2 *«Ой, как вы хорошо говорите по-беларусски! А где это вы так научились»?* (бел.)

3 *«Я считаю, что вы правильно делаете, надо, надо свой язык знать».* (трасянка)

Чем меньше беларусскоязычных писателей, тем больше опасность: каждый, кто пишет по-беларусски, получает себе на голову нимбик, своеобразную индульгенцию, выданную национально сознательной критикой. Вот, скажем, русскоязычный прозаик написал беларусскоязычную книжку – как же раскритикуешь ту книгу, если надо поддержать человека, похвалить, привлечь в беларусскоязычную среду! Или, скажем, написал какой-то автор хрень нечитабельную, а ты, критик, снова его не трогай, потому что он осваивает новый жанр, или новое художественное направление, или еще что-нибудь такое, чего у нас в нашем дискретном (или ускоренном, как кому больше нравится) развитии не было, но мы считаем, что должно быть.

КАРТИНКА, КОТОРАЯ УБИВАЕТ (ГЛАЗА)

Согласно статистике Ротмана за 2007 год, которая была напечатана в журнале «*Нёман*», в новом столетии у нас стали меньше читать. Гласность второй половины 1980-х дала сумасшедшие тиражи и небывалый рост чтения, но она же и привела к девальвации печатного слова, с заключительным падением тиражей литературно-художественных изданий во второй половине 1990-х. Билингвизм, закрепленный референдумом 1996 года, когда русскому языку был присвоен статус государственного наряду с беларусским, де-факто стал продолжением русификации: чиновники толкуют закон о двух языках в пользу русского и, услышав беларусский, закатывают скандал: мол, у нас двуязычие (в то время, как попросить у них какой-нибудь бланк на беларусском – как летом снега допроситься).

В результате сегодня нормальный тираж литературного журнала – 1-4 тысячи экземпляров, сборника поэзии – 300-500 экземпляров, книг прозы – может, немного больше. Зато пользователей беларусского сегмента Интернета только в столице – более миллиона. Конечно, не все они читают в сети беларусскую литературу и даже далеко не все вообще там читают по-беларусски, но такая возможность у них хотя бы есть, и беларусскоязычный сегмент сети постоянно расширяется.

Пионером нашего литературного Интернет-пространства является litara.net, которая и сейчас обещает рассказать все про современную

беларусскую литературу. Электронных библиотек много, советую заглянуть на knihi.com – это *«Беларуская палічка»* (Беларусская электронная библиотека) с удобной навигацией, популярная среди студентов. На bellib.net (*BELARUSIAN eBOOKS LIBRARY*) вы найдете беларусскую литературу в переводе на иностранные языки и иностранную литературу в переводе на беларусский язык. Есть и специальный переводческий ресурс prajdzisvet.org – один из наиболее интересных проектов последних лет. В беларусской литературе специализируются книжные Интернет-магазины prastora.by и knihi.by, беларусская книга есть и в других сетевых магазинах, например, oz.by или vilka.by. Если наша классика лучше всего представлена в библиотеках, магазинах и на персональных сайтах писателей, то текущий литературный процесс последних лет отражается в блогах, а теперь наверняка освоится и в социальных сетях.

Наиболее удобно начинать знакомство с беларусской литературой, наверное, от библиотеки kamunikat.org. Это не только собрание отсканированных изданий и самая богатая коллекция нашей периодики среди всего, что попадалось лично мне. Здесь вы найдете ежедневные разговоры о беларусской литературе и культуре из радиоэфира, информацию про новинки беларусского издательского рынка, перечень и биографии беларусских авторов – поэтов, прозаиков, историков, публицистов. Еще одна удобная вещь: на «Коммуникате» начали появляться книги в формате *ePub* – для чтения посредством электронных книг.

Электронные книги – еще одна точка акупунктуры. С одной стороны, издатели – а тех, кто делает бизнес на беларусской литературе, можно пересчитать на пальцах (загибайте: *Ігар Логвінаў*, *Зміцер Колас*, издательство *«Галіяфы»*, издательство *«Медысонт»*, э-э-э… *«Беларускі кнігазбор»*? «Харвест»? *«Мастацкая літаратура»*?..) – жалуются на Интернет, который забирает у них последнюю корку хлеба. С другой стороны, электронную книгу просто опубликовать и распространить, что хорошо в условиях, когда писателям не хватает денег на издание своих диссидентских шедевров, а издание книги за государственные деньги кажется таким же советским мифом, как и стаканы в городских аппаратах для газировки.

Сокращение расстояния между моментом написания и моментом публикации, отсутствие контроля над распространением очень приятны для большинства участников литпроцесса, однако это удовольствие обходится слишком дорого. Если отбросить все сентиментальные

вещи (поры бумаги, запах издательской краски и другое эстетическое удовольствие, которое даёт книга как артефакт), остаются еще такие важные вещи, как корректура, редактура и вёрстка текстов, на чем Интернет-авторы любят экономить. Ко тому же, скорость и простота публикации избаловывает: можно объявить себя великим писателем, создать блог, насобирать туда френдов, выдавать каждое шевеление своей мысли за гениальное открытие и получать положительные комментарии – как репу грызть.

Литературная критика как институт отсутствует, а среди тех, кто все-таки время от времени занимается критической деятельностью, мало любителей разгребать Интернет-мусорку в поисках художественных золотинок (время от времени такое попадается в блогах критиков *Паўла Абрамовіча*, *Ганны Кісліцыной*, писательницы *Марыйки Мартысевіч*). Даже если находятся такие филантропы, мало кто их слушает – можете бить меня головой о стену, где написано количество уникальных посещений блогов упомянутых критиков и неупомянутых литераторов-тысячников, но пока что наши сетевые литературные баталии кажутся мне детскими играми в песочнице. Интернет – потенция, но от потенции до успешного зачатия и счастливого рождения – эх, дорога длинная.

МЫ УМРЕМ ОТ СКРОМНОСТИ (ВМЕСТО ЭПИКРИЗА)

Мне бы захваливать нашу литературу, сыпать именами и названиями книг, радоваться росту произведений, который наблюдается в последние годы, несмотря на абсолютно неблагоприятные политические и языковые условия. Но вот не могу, мешает знаменитое беларусское самоедство. Видимо, правду сказал философ и культуролог *Валянцін Акудовіч* в книге *«Код адсутнасьці»*[4] (которая должна была стать культовой, но – из-за вышеописанных причин – стала широко известной в узких кругах): у беларусов так долго все отбирали, что теперь мы боимся похвастаться – чтобы никто не позарился и не забрал. Так и будем держать горшок золота под гнилыми досками свода.

МАРГАРЫТА АЛЯШКЕВІЧ

4 *«Код отсутствия»*.

Современное беларусское кино представляет собой тайну. Несмотря на то что беларусские режиссеры создают достойные фильмы, в Беларуси многие уверены, что беларусского кино не существует.

АНДРЭЙ РАСІНСКІ

РАССВЕТ НА КОЛОНИАЛЬНЫХ РУИНАХ

Современное беларусское кино представляет собой тайну. Про него мало слышали, еще меньше – его видели. Даже в самой стране многие уверены, что беларусского кино сегодня не существует. Хотя есть достойные беларусские фильмы – в том числе, с неплохим коммерческим потенциалом, – зрителей почти нет.

Ростки независимых студий, появившиеся в начале 1990-х, исчезли; отдельные из них не играют роли. Фильмы выпускает главная киностудия *«Беларусьфільм»*, существующая на государственные дотации. С 1990-х годов работает «Беларусский видеоцентр» – визитка Министерства культуры.

Прокат в стране коммерциализировался и опирается на российские компании, которые привозят последние голливудские новинки. Но беларусская киностудия существует вне границ современной экономики, хотя и сдает в аренду российским сериальщикам свои павильоны. О зрителях не заботится никто, кроме режиссеров, что вызывает подозрение у чиновников. Беларусская киностудия – отражение страны, остановившейся во времени; важны не прокат и художественные достоинства фильмов, а бюрократическое «освоение бюджетных средств» – вместе с контролем за художниками.

Но, несмотря на неблагоприятные условия, кино продолжают снимать. Интересной кажется конфронтация «образцовых», официальных лент с загнанной в подполье беларусской культурой, что полностью проявилось в кино.

ЖЕСТКАЯ БОРЬБА. ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУССКОГО КИНО

Первое направление рассматривает Беларусь как западнорусскую провинцию. Большинство картин приходится на ранние лукашенковские времена. Показательны фильмы одиозного пропагандиста *Юрыя Азаронка:* «Ненависть: дети лжи» (1995); телепрограммы «Тайные пружины политики» (2001), «Конспирология» (2005), «Духовная война» (2006). Но с 2001 года «западнорусская» эстетика мумифицируется. Последним ее проявлением можно считать ленту Союзного государства России и Беларуси «Брестская крепость» (2010), принадлежащую беларусско-российскому кино.

Действия картин второго течения разворачиваются в условном месте. Невозможно понять, какая это страна. Такие «бездомные» истории очень подходят для авангардных экспериментов, анимационных притч, но в авторитарные времена фильмы приобрели бесконфликтность, как когда-то в последние сталинские годы.

Наконец, последнее направление, набирающее силу, – беларусоцентричное.

ЗАПАДНОРУССКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, *WARSPLOITATION*, ТРЭШ-ОФИЦИОЗ

Появление лукашенковской эпохи было отмечено картиной «Сын за отца» 1995 года. Режиссером этой «западнорусской» ленты стал актер *Мікалай Яроменка*-младший. Он сам сыграл в фильме и снял в картине своего отца. *Яроменка*-старший сыграл хирурга, которому всячески досаждают коммерсанты-бандиты. Объединившись с сыном и односельчанами, у которых всегда зарыто оружие, герои вчистую разбили бизнес-шайку, во главе которой – вор, подозрительно похожий на лидера БНФ *Зянона Пазьняка*.

Тему «плохих демократов» продолжает ретроградно-вялая мелодрама «Пока мы живы» (режиссер *Сяргей Сычоў,* 2008). Бывшая комсомолка после «трагического распада Советского Союза» остается «идейной». Она влюблена в сослуживца-перерожденца, который предал принципы, сжигая комсомольский билет. Героиня-девственница охотно и упрямо живет на деньги этого демократа-бизнесмена, но отдается ему только тогда, когда тот окончательно обеднел.

Вершина западнорусского направления – «В августе 44-го» *Міхаіла Пташука* по роману Владимира Богомолова «Момент истины». Картина поставлена в 2001 году с русскими актерами и военным размахом (бюджет студии был высосан). Фильм отличается слаженной игрой отличных артистов и грамотной режиссурой, которая, правда, не выходит за границы 70-х годов XX столетия. Согласно сюжету картины, в августе 1944-го года группа разведчиков-сотрудников НКВД ищет немецких агентов, отправляющих шифровки с освобожденной территории Беларуси. В фильме поляки – подозрительные чужие, беларусы – ни то ни сё и только лубянские агенты из России – свои.

Киностудия упрямо продолжала выпускать милитаристические фильмы. Содержание фильмов – неосталинское: лучшие герои – гэбэшники и безжалостные вояки. Беларусское *warsploitation* – это эксплуатационные фильмы очень сомнительного качества, которые вовсю обсасывают военную тему, не обращая внимания на активное сопротивление зрителей.

Дети-отравители, нанятые гестапо, перевербовываются НКВД. Истеричная чекистка в обтянутой форме – главная героиня («Родина или смерть» (2007) *Алы Крыніцыной*).

Героиня героической обороны Могилева – «Днепровский рубеж» (2009) – героически любит ковыряться в огнестрельных ранах под лирические рассуждения о семейном счастье. А женщины из картины «Еще о войне» (режиссер *Пётр Крывастаненка,* 2004) носят шинель на голое тело.

Трэш-официозные фильмы по сталинским сюжетам невыносимо нудные. Но школьники, загнанные на фильм «Щит отечества» (2007), были благодарны учителям: в картине, где западные шпионы подрывают боеспособность современной Беларуси, есть большая эротическая сцена.

На звание самого скверного военно-эксплуатационного фильма претендует «Глубокое течение» (2005), но ему тяжело переплюнуть картину «Вам задание» (режиссер *Юры Бяржыцкі,* 2004). Фильм о фашистских панах-диверсантах и добрых гэбэшниках получился настолько плохим, что даже графоману *Мікалаю Чаргінцу*, по книге которого была поставлена лента, он не понравился.

Фильм «Свежина с салютом» (режиссер *Іван Паўлаў*) – трэш-официозная кинокомедия. После выхода в 2001 году она вообще рекламировалась как лента на беларусском языке. История о сельчанах, решивших зарезать поросенка, – натужно-неостроумное этнографическое гетто, разрешенное в лукашенковской Беларуси.

КИНО БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ

Комедия «На спине у черного кота» (режиссер *Іван Паўлаў,* 2008) скорее принадлежит ко второму, бесконфликтно-условному направлению. Это маразматично-бодрая витрина лукашенковского гламура. В фильме два хулиганистых деда-сталиниста, выиграв в лотерею, отправились резвиться в Минск под опекой двух ангелов. Особенность фильма – стерильная вылизанность, русский язык в деревнях и намеки на «доброго царя». Молодые завидуют стариковской халяве и поют вместе с ними старые военные песни. Российскому певцу Филиппу Киркорову, сыгравшему в фильме себя самого, лично позвонили из Администрации президента и пригласили сняться в картине. А главную детскую роль исполнила внучка диктатора – *Віка Лукашэнка*.

В мелодраме «Поводырь» (режиссер *Аляксандр Яфрэмаў)* о слепой и влюбленном в нее недотепе отсутствуют хоть какие-то признаки места, где все происходит. Конфликты в фильме, вопреки интенциям сценариста *Аляксандра Качана*, приглушены. Господствует благословенный оптимизм, вдохновленная борьба хорошего с лучшим.

В холодной драме «Инсайт» (режиссер *Рэната Грыцкова,* 2009) конфликты уже показаны, актерская игра – прежде всего благодаря Богдану Ступке – более жестокая и живая. Но это фильм про гламурный инцест. И снова безо всякой географической привязки.

Авангардные эксперименты женщин хорошо чувствуют себя на условной территории. Снятый в 2000 году фильм «Лицевая. Изнаночная» (режиссер *Карына Анціпенка*) – монолог испуганного женского подсознания, построенный на сочно-громких деталях с масками-макияжем; картина колючая, резкая, как любовно заснятые кактусы и нежные котики с львиным рыком. Фильм, исследующий женские страхи, вызвал неадекватную реакцию у некоторых зрителей, которые громко пожелали «видеть картину в гробу вместе с автором». Зато ленту приветливо встретили на международном кинофоруме в Канаде, проходившем под эгидой ООН.

Фантазийные и сказочные сюжеты – это отдельное царство. Фильм «Падение вверх» (режиссер *Алена Трафіменка,* 1998) про больного мальчика, который убегает в собственные мечты, был усложнён авторскими интенциями и довольно невнятным сценарием, хотя нельзя не отметить музыки *Уладзіміра Кандрусевіча*.

Лента «Новогодние приключения в июле» (режиссер *Алена Турава,* 2008) также имела чрезвычайно рыхлый и очень архаичный сценарий. Но приключения детишек в компьютерном пространстве были расцвечены новыми для Беларуси спецэффектами. А новая картина *Туравой* (кстати, ее отец – беларусский классик *Віктар Тураў*) «Рыжик в Зазеркалье», несмотря на сценарные недостатки, – удивительная сказка про страну Недалию, в которую можно попасть из обычной минской библиотеки.

В Недалии злой принц Мортис захватил власть и заколдовал все зеркала так, что люди, посмотревшись в них, превращались в тени. Страну способна спасти наследная принцесса, по совместительству – беларусская школьница-проказница, которая отправляется в опасный путь. Площади Недалии, опустошенные злом и заполненные фантомами, которые приветствуют свою принцессу, рифмуются со стерильными киноулицами авторитарного Минска. Двойники и близнецы, портреты и ожившие тени, странные метаморфозы в королевстве зеркал и отражений обостряют вопрос о беларусской идентичности. Как и герои, страна зависла между мирами.

Современная беларусская анимация – воплощенная метафизика с детскими образами и волшебными красками. Она держится на художниках, которых система не замечает, но и особо не мешает им работать.

Ірына Кадзюкова поставила цикл «Праздничных рассказов». «Рождественский» (1994), «Девочка со спичками» (1996), «Удивительный ужин в сочельник» (1999), «Притча на Рождество» (2000) опираются на сказки и истории Саши Черного, Андерсена и охотно распространяются в православных центрах. Но эти удивительные по ручному мастерству и пропитанные любовью мультфильмы по телевизору практически невозможно увидеть. «Сестра и брат» (2002) – сказка с парадоксальным использованием современных цитат, а «Легенда о леди Годиве» (2004) вызывала восхищение зрителей на кинофестивалях.

Фильмы с большими (для Беларуси) бюджетами наоборот – вызывают пристальную чиновничью цензуру, что приводит к пагубным эстетическим результатам.

Так, ленту «Анастасия Слуцкая» (2003) взял под личный контроль *Аляксандр Лукашэнка*. Фильм о княгине, которая защищала Слуцк от татар, стал неуклюжей идеологической конструкцией с несуразно втиснутыми обнаженными сценами.

Экстатические реакции, борьба хорошего с лучшим, декорации, избавленные от Погони (чиновники следили, чтобы не просочилась историческая символика), переводят картину в ранг условно-бесконфликтной ленты. Конфликты если и разрешены – то только с плохой шляхтой, которая жаждет «вольностей», и с внешними агрессорами (натравленными шляхтой). Но основные герои вместе с народом-массовкой как один объединяются вокруг мудрой монаршей власти. Авторитарное управление знает только согласие.

БЕЛАРУССКИЕ МИСТЕРИИ АТАКУЮТ

Фальшивому трэш-официозу и бесконфликтной «бездомности» дал бой *Андрэй Кудзіненка*.

Андрэй Кудзіненка (его учителем был *Віктар Тураў*) начинал экспериментально-перемонтажными «Снами Валентина Виноградова» (1998), посвященными гонимому в Беларуси киноавангардисту. Но та же перемонтированная «Планета XX», как и «Сны», снятая на «Беларусском видеоцентре» на рубеже 2000-х, уже вызвала резкое раздражение. История о том, что люди играют (и в этих играх XX век),

была обвинена в «пропаганде фашизма и пацифизма» одновременно. Поэтичная «Планета XX» была положена на полку и нигде и никогда не демонстрировалась.

Споря с пафосно-бюджетной лентой *Пташука*, *Кудзіненка* вместе с друзьями поставил первую мистерийную новеллу под названием «Адам и Ева». В ней московский разудалый вояка Штыркин ведет беларусского парня Адама в партизаны, но тот попадает в плен к польской нимфоманке Еве (показательно, что Еву сыграла *Святлана Зелянкоўская*, исполнившая главную роль в «Анастасии Слуцкой»).

В Роттердаме экзистенциально-ироничная новелла понравилась, и *Кудзіненка* дали денег на продолжение. По сценарию *Аляксандра Качана Кудзіненка* на частной студии «Навигатор» снял полнометражный цифровой фильм «Оккупация. Мистерии» (2003), состоящий из трех взаимосвязанных новелл. В новелле «Мать», которая идет сразу после «Адама и Евы», немая беларусская женщина выхаживает раненого немецкого солдата своим молоком. А в рассказе «Отец» мальчик, подумав, что к нему пришел папа, выдает мать и отчима партизанам, которые пришли мстить.

В картине герои говорили о Любови Орловой и Марлен Дитрих, причудливо и иронично сплетались нации и языки, а о беларусском кино рассуждали полицаи. Чтобы поддать жару, в прологе к ленте *Кудзіненка* и *Качан* утверждали, что у беларусов появилось-таки свое государство, но их самих уже нет.

Разразился жуткий скандал. Ленте сначала дали прокатную лицензию, потом сразу же отобрали – за искажение «настоящей правды про войну» и «негативное влияние на подрастающее поколение». А когда фильм поехал на Московский фестиваль, вслед ему понеслись возмущенные письма ветеранов. На цифровых дисках, печатавшихся в Москве, жирным шрифтом было обозначено: «Запрещено в Беларуси». Фильм добрался даже до Тайваня, копии «Оккупации» на беларусском черном рынке расходились как горячие пирожки. Но самому *Кудзіненка* дали понять, что теперь в Беларуси снимать он не сможет.

Режиссер вынужденно работал в Москве, но неожиданно его снова пригласили на «Беларусьфильм» – поставить придуманный им фильм ужасов. Начался самый интересный этап современного беларусского кино.

ТРИ К

С 2008 года на «Беларусьфильм» вернулись заметные игровые режиссеры: *Андрэй Кудзіненка*, *Аляксандр Колбышаў* и *Аляксандр Кананoвіч* запустились со своими проектами.

Как ни парадоксально, но съемкам самых пробеларусских фильмов, поставленных в лукашенковские времена, активно способствовал директор киностудии *Уладзімір Замяталін*, прославившийся организацией позорного референдума 1995 года. Для фильма «Волки» (режиссер *Аляксандр Колбышаў*) он даже написал заключительную молитву, которая звучит за кадром.

Аляксандр Колбышаў больше известен как актёр. «Волки» (2009) – его полнометражный дебют. Это антитоталитарная лента: тюремщик убегает из сибирского поезда в родную деревню, за ним охотятся. Одни земляки хотят его сдать, вторые – помогают. Сюжет напоминает «Облаву» (автор – *В. Быкаў*), но поставлен по рассказу Александра Чекменёва, который 50 лет был запрещён. В фильме «Волки» – отличная работа с актёрами. Лента – холодновато-академичная, в пепельно-серых с краснотой цветах, она продолжает антисталинские традиции 1990-х.

Комедия-киноистерика «Дастиш фантастиш» *Аляксандра Кананoвіча*, ученика *Пташука*, не получилась такой целостной. Это раздолбайская лента в кислотно-глючных красках (на фильме отлаживали поставленную в студии цветную коррекцию) о мальчике с красными волосами, который вырастил денежное дерево. За героем бегают гангстеры с клизмой, директорша тюрьмы и влюбленная в бедолагу девушка.

Хотя картине не хватило режиссерского разума – она показательна как отход от идеологических низкокачественных схем и вольное хулиганство. У *Кананoвіча* очень неплохой потенциал: его дипломная кинокомедия «Цвет любви» о женихе, ставшем зеленым, а потом синим, – блестящий смех городских площадей со сплетницами, воздушными коровами, фольварком и оркестриком еврейского музыканта, которого в фильме играет *Лявон Вольскі*.

Наконец, «Масакра» (режиссер *Андрэй Кудзіненка*) – это придуманный режиссером новый жанр бульба-хоррора, где страх, смех, сексуальность – в беларусском воплощении. Фильм поставлен по отдаленным мотивам «Локиса» Проспера Мериме; сценарий написал *Аляксандр*

Качан. Действие фильма происходит в Беларуси после подавления восстания, предводителем которого был *Кастусь Каліноўскі*. К графу *Пазуркевічу* оценить библиотеку едет авантюрист *Казанцаў*, который вместо дела начинает ухаживать за графской невестой. Но граф – медведь-оборотень, и всем гостям несдобровать.

«Масакра» – антиколониальная лента с фирменной языковой игрой *Кудзіненка*: беларусский, польский, русский. Это декадентские соломенные декорации *Артура Клінаў*; остроумная энциклопедия киноубийств. Это – беларусский еврохоррор.

БРИЛЛИАНТОВЫЕ ВРЕМЕНА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

Современность – бриллиантовые времена беларусского документального кино, которые, возможно, уже на исходе. Широкая публика лучше знает публицистически-остроумного «Обычного президента» (режиссер *Юры Хашчавацкі*) с потешным главным героем, но беларусское документальное кино, как правило, сосредоточивалось не на событиях, а на бытии. На вечности, пойманной сквозь исчезающий быт на рубеже эпох.

Эта вечность – в фильме «Во все дни» (режиссер *Міхаіл Жданоўскі,* 2008) – о художнике, который пишет иконы на камнях и ставит кресты в Курапатах – месте сталинских преступлений. Это экзистенциальный разлом в «Медосмотре» (режиссер *Сяргей Галавецкі,* 1997), который рассказывает о стариках в Чернобыльской зоне.

Лидерами беларусской документалистики сегодня являются *Віктар Аслюк* и *Паліна Адамовіч*.

После фильмов «Мы живём на краю» и «Колесо» *Віктар Аслюк* был принят в Европейскую киноакадемию. На «краю» живут сельчане и их коровы, которых местные каждый раз перегоняют на другой берег. Деревня подмывается Неманом, старая жизнь уходит. Люди из фильма одновременно напоминают ренессансных стариков – по цветной гамме одежды, и персонажей Кустурицы – по поведению. Но картина «Мы живём на краю» – не постановка, а документ. Пронзительно-меланхоличное мгновение (наверное, последнее) деревеньки, которая исчезает.

В трилогии «Боже мой», «Заведёнка», «Мужское дело» *Галіна Адамовіч* исследует духовные аспекты повседневности. Герои – деревенская

художница, которая делает скульптуры Божьей Матери, многодетная семья и музыканты со своей миссией.

БЕЛАРУССКОЕ КИНО НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Из ниоткуда появляются инициативы. Реквизиторы «Беларусьфильма» *Ігар Асмалоўскі* и *Сяргей Сямёнаў* на свои деньги в 2009 году сняли трагикомическую короткометражку «Провинциаль». Главная деревенская красавица, вынужденная растить свинок, мечтает вырваться из провинции и, имея еще двух женихов, переписывается с зажиточным немцем.

Группа анархистов «Новинки» радует зрителей подпольными лентами на актуальные политические темы: «*Случай с пацаном*» (2001), «*Гуд-бай, бацька*» (2006). «Новинки» разрабатывают кинокомиксы.

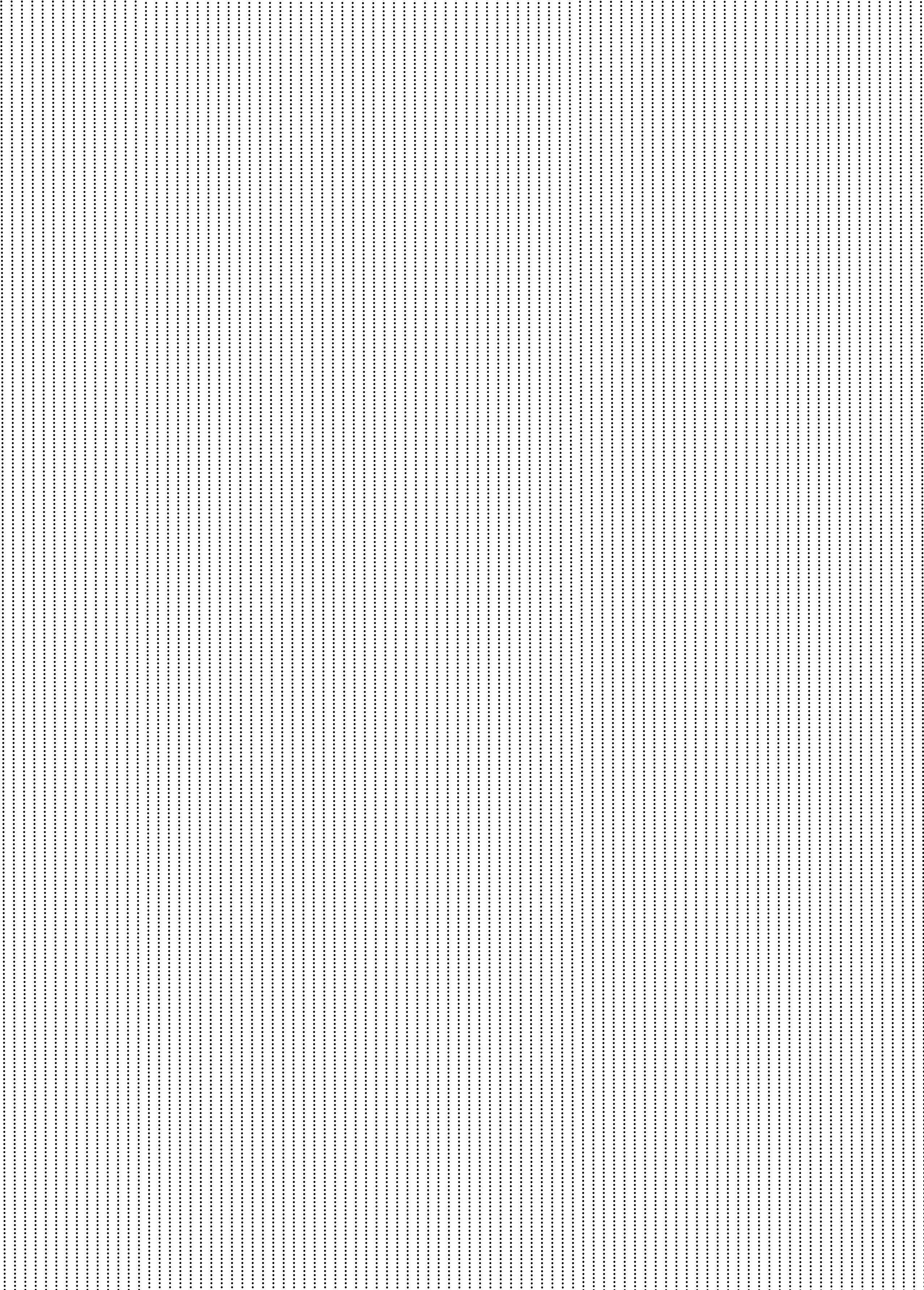
Понемногу расширяет своего влияние «Магнификат» – Международный католический фестиваль христианских фильмов и телепрограмм. Родственник Непоколяновского фестиваля, он пройдет в стране уже седьмой раз. Даже фестиваль «Листопад», который долгое время был вялой тусовкой российских киноотставников, заговорил европейским голосом.

Недавно *Андрэй Кудзіненка* предложил студии экранизировать «Шляхтича Завальню». В сценарии, который составил *Артур Клінаў*, «достоевские» демоны искушают главного героя кошмарами от *Яна Баршчэўскі*. Напоследок ленты герой убивает Александра II – царя. Проект был быстренько заморожен.

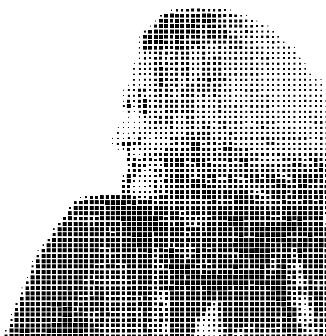
Таким образом, в Беларуси кино и реальность идут рядом.

АНДРЭЙ РАСІНСКІ

КУЛЬТУРА ИНТЕРВЬЮ

Частные культурные инициативы в Беларуси со стороны государства реальной поддержки не получают. Независимые, некоммерческие арт-площадки остаются инициативой групп энтузиастов и частных лиц

МЕСТО, ГДЕ МОЖНО ДЫШАТЬ

ВАЛЯНЦІНА КІСЯЛЁВА – ИНТЕРВЬЮ

Галерея современного искусства «Ў» в Минске — независимый проект, возникший в 2009 году на базе существовавшей до этого арт-галереи «Подземка». Главным приоритетом «Ў» является именно беларусское современное независимое искусство. Здесь проходят концептуальные международные проекты, персональные выставки художников. Помимо этого, галерея является инициатором многих культурных проектов, например, конкурса для молодых концептуальных художников Smart Art, а также партнером таких инициатив, как исследовательский проект «Радиус нуля. Антология арт-нулевых» и конкурс для арт-критиков «На пути к современному музею». В помещении галереи проходят самые значимые для независимой культурной жизни Минска события: дискуссии, лекции, круглые столы, презентации. На Второй международной ярмарке ART VILNIUS`11, участниками которой были около 200 галерей из 18 стран Европы, кураторский проект «Ў» — «Яна не можа сказаць НЕБА» — был признан лучшим. О «буднях и праздниках» Галереи рассказывает ее директор, куратор *Валянціна Кісялёва*.

Таццяна Арцімовіч: Валентина, галерея «Ў» является продолжением проекта «Подземка», с которого вы вместе с Ганной Чыстасердавой (сегодня арт-директором «Ў») начинали свою галерейную и кураторскую деятельность. К этой цели вы шли сознательно?

Валянціна Кісялёва: Когда мы с *Ганной* организовали проект «Подземка», о таком формате, как «галерея», в тот момент мы даже не думали. У *Ганны* возникло предложение открыть магазинчик дизайнерских предметов: игрушек, канцелярии, украшений интерьера и т.д. Мне эта идея понравилась, мы начали обсуждать, как и что сделать, и пришли к выводу, что должны продавать работы именно беларусских авторов. Как только мы обозначили пространство «Подземки» и начали искать художников и дизайнеров, к нам вдруг стали приходить наши друзья из художественной среды и называть то, что мы затеяли, галереей. Мы не были внутренне готовы к этому, поэтому сами смогли так назвать себя только спустя полтора года работы. Но уже тогда понимали, что «Подземка» – это не просто сувенирная лавка. Первые авторы, чьи работы мы выставили на продажу, были художниками с именами. Например, у нас появилась керамика *Тамары Сакаловой*, которая до этого нигде в Минске не выставлялась на продажу. Или серия «Город Солнца» (автор – *Артур Клінаў*).

Нужно также отметить, что в мае мы открылись, а уже через месяц состоялась первая выставка. Это было спонтанное предложение наших друзей – провести фотовыставку их приятельницы, латышского фотографа Виктории Медведевой. Мы подумали: почему нет, – и выставка открылась. Первым выставочным пространством была всего лишь одна стенка 3 на 5 метров, которая разделяла залы, где продавались дизайнерские изделия и авторская одежда. На этой «перегородке» сумели выставиться почти все монументалисты нашего города. Мы всякий раз удивлялись возможностям этой «стенки». Например, когда *Руслан Вашкевіч* принес 12 своих работ, мы подумали, что разместить их здесь невозможно. Но стена оказалась «резиновой»: когда надо, она увеличивалась, или, наоборот, при необходимости уменьшалась. То есть, по сути, мы сначала обозначили место – «Подземка», потом – плоскость как выставочное пространство, и вдруг само собой все начало складываться. Безусловно, здесь сошлось все: наша энергия, энтузиазм,

потребность в таком месте, которая созрела на тот момент в творческой среде Минска. «Подземка» моментально стала популярным местом, хотя специально мы ее никак не рекламировали. Но люди шли, предлагали свою помощь. Иногда мне кажется, что это было какое-то коллективное бессознательное. Работая и находясь в этой среде, мы постоянно ощущали некую коллективную энергию.

Т.А.: Как вы пришли к формату «Ў»? Очевидно, что, в отличие от «Подземки», это уже сознательный шаг в сторону профессиональной галерейной деятельности…

В.К.: В какой-то момент после того, как мы осознали себя галереей и выставочным пространством стала уже не только «стенка», но вся площадь, мы поняли, что этих 25 квадратных метров нам уже не хватает. Начали мечтать о другом, более масштабном пространстве, но, конечно, соотносили все это со своими возможностями. Потому что в Беларуси такого рода деятельность, как «галерея», до сих пор носит сомнительный с точки зрения окупаемости характер. Пока у нас это абсолютно некоммерческий проект. Но мы продолжали думать о перспективах, искать партнеров, даже ходили смотреть заводские цеха на улице Октябрьской (вот где готовый арт-квартал!).

И тут наши знакомые, которые все эти годы наблюдали за нашей деятельностью, ходили на наши мероприятия, вдруг пришли к нам и предложили открыть большую полноценную галерею. Для нас тогда это было действительно чудо. То есть нам помогали открыть, организовать, запустить проект с тем, чтобы в перспективе мы доказали свою состоятельность и вышли на самоокупаемость. Мы искали помещение больше года, но территорию «Подземки» планировали сохранить. Нам было важно иметь такое место в качестве «лаборатории», где молодые художники могли отрабатывать любые свои безумные идеи. А галерея «Ў» должна была стать отдельным пространством для более профессиональных проектов. К сожалению, «Подземку» сохранить не удалось. История простая, в принципе, она могла произойти в любой стране: нас, как коммерчески невыгодный проект, просто удалили из пространства «Подземки». Притом эти люди даже не поняли, что они уничтожили, потому что сейчас «Подземка» (вывеска сохранилась) по сути превратилась в

обычную сувенирную лавку. Но в тот момент уже возникло юридическое лицо «Галерея арт-Подземка», и появилось это помещение в центре города – бывший пункт приема стеклотары, – которое просто идеально подошло под все наши запросы. Сегодня это центр, в котором есть галерея, бар, прекрасный книжный магазин, арт-лавка.

Т.А.: После всего, что вы рассказали, очевидно, что вам пришлось начинать свою деятельность с абсолютного «нуля», обучаясь галерейному делу на практике…

В.К.: Да, и я могу сказать, что процесс обучения происходит до сих пор. Мы начинали с того, что первые выставки в «Подземке» монтировали сами художники. Сегодня мы можем смело заявлять свои проекты как кураторские. Иногда я пытаюсь для себя ответить на вопрос о профессионализме. Мне кажется, есть несколько путей к нему. Первый – когда ты изучил некую систему и уверенно используешь эти знания в работе. А есть другой путь: когда ты работаешь в некой сфере, познаешь ее на практике, параллельно занимаешься самообразованием, конечно, ошибаешься, анализируешь – и таким образом становишься профессионалом. Да, мы учились на собственном опыте. Но сегодня я могу с уверенностью назвать нашу деятельность профессиональной.

Т.А.: В адрес галереи помимо положительных отзывов и благодарностей звучит много критических замечаний, порой достаточно резких. Как вы воспринимаете критику?

В.К.: Мне кажется, что бы ты ни делал, всегда найдутся люди, которые будут это критиковать. Есть конструктивная критика, которая нам интересна, которую мы воспринимаем. А есть необоснованная, иногда без элементарного профессионального исполнения своей работы со стороны критикующих. Например, журналист пишет о выставке, на которой якобы экспонируются принты. Он критикует эту выставку, не заметив даже, что работы были подписаны не как принты, но как живопись. То есть этот человек даже внимательно не ознакомился с экспозицией, он сам в первую очередь не компетентен. Можно ли серьезно относиться к такой критике?

Да, я знаю, многие говорят, что мы не галерея в полноценном смысле. Но если вы знаете, как правильно, почему сами не откроете галерею и не сделаете ее образцом? На самом деле, для нас самих то, что мы в принципе единственная площадка в Беларуси, работающая с современными, актуальными художественными практиками, – очень дискомфортное состояние. Хорошо, когда рядом есть кто-то еще, кто работает в таких направлениях. Тогда есть возможность обмениваться знаниями, умениями, энергией. Мы же часто вместо поддержки слышим за спиной упреки в свой адрес. Это странная позиция, потому что эту площадку мы создали не только для самореализации. Наш проект «Общественный суд над галереей «Ў» как раз ставил цель обнажить эту ситуацию. С одной стороны, это было шоу, но с другой, для нас все было очень серьезно, потому что мы сами попросили людей высказать свою позицию не за нашей спиной, а публично, в пространстве «Ў». Внутренняя политика галереи ориентирована на коммуникацию, мы открыты к диалогу, к критике, только, еще раз повторю, конструктивной, аргументированной критике.

Т.А.: Почему, на ваш взгляд, не возникают другие, альтернативные «Ў», площадки?

В.К.: Как я уже говорила, в Беларуси пока это абсолютно некоммерческий проект. Он может возникнуть только благодаря энтузиазму, внутренней потребности отдельных людей. Нужно тратить массу личной энергии, а многие к этому не готовы. Но, в принципе, я сама удивлена и не понимаю, почему такие площадки не возникают. Их могло бы быть очень много и разного формата. Сейчас у многих есть возможность выезжать в Западную Европу и видеть огромное количество вариаций различных культурных пространств. Почему такие пространства не возникают у нас – для меня загадка.

Т.А.: Кто является художниками галереи? Почему именно эти художники?

В.К.: Сегодня это 9 человек: *Тамара Сакалова*, *Сяргей Кірушчанка*, *Руслан Вашкевіч*, *Міхаіл Гулін*, *Тоня Слабодчыкава*, *Аляксей Лунёў*, *Сяргей*

Шабохін, *Аляксандр Некрашэвіч*, *Аляксей Губараў*. Планируем ввести в наш список еще двоих. Почему именно они? Во-первых, нам важна личность человека: что ему интересно, что он хочет сказать и какими средствами. На мой взгляд, каждый наш художник уникален. Например, *Тамара Сакалова* и *Сяргей Кірушчанка* – это уже состоявшиеся художники, которые, тем не менее, продолжают искать, хотят идти дальше. Понятно, что у каждого из них своя тема, форма. Например, *Лёша Лунёў* называет себя художником-индивидуалистом. Но через призму его личных переживаний – он работает только с тем, что его глубоко трогает, – начинаешь видеть иные грани мира. *Сяргей Шабохін* – просто уникальный человек. Одно из направлений его деятельности – это история искусств. Но он не только использует эти знания в своих проектах, не только постоянно самообразовывается, а еще и создает «продукт» для тех, кто также интересуется современными культурными практиками. Сначала *Сяргей* вел журнал в ЖЖ, делая подборку лучшей и важной, с его точки зрения, информации по искусству. Сейчас запустил полноценный интернет-портал о современном искусстве Art Aktivist, на котором он не только размещает материалы с других сайтов, но стимулирует молодых людей к написанию новых текстов, способствуя развитию независимой арт-среды в Беларуси. То есть нам интересны авторы, которые постоянно находятся в поиске.

Т.А.: Что представляет собой деятельность галереи сегодня?

В.К.: Нашу деятельность сложно назвать галерейной в чистом виде. Это скорее центр, в котором происходит много всего. Выбрать свой формат и строго его придерживаться при отсутствии других площадок сегодня практически невозможно. В идеале должно быть много галерей, каждая из которых работает в своем направлении. А пока нам приходится быть гибкими. Конечно, нам интересно именно современное, актуальное, молодое искусство. Но также мы вынуждены думать и о выживании. Мы не делаем специально коммерческие выставки. Но под каждый проект мы вынуждены искать финансирование. Иногда нам хотелось бы выставить какого-то художника, но потенциальному спонсору интересен другой автор.

Т.А.: То есть вам приходится лавировать между условной коммерцией и искусством?

В.К.: Да, по-другому сейчас не получается. Недавно мы были в Калининграде и познакомились с сотрудниками местного Центра современного искусства. У них таких проблем, как у нас, нет, потому что это государственный центр. Они думают не о финансах, а только о проектах, целях и задачах. Если бы мы имели такую стабильность: ты приходишь на работу и уверен, что аренда проплачена, зарплаты есть, – то даже при условии, что мы – единственная галерея, можно было бы выбирать свой путь.

Т.А.: Получаете ли вы какую-либо поддержку со стороны госструктур?

В.К.: К нам часто приходит Министр культуры Беларуси *Павел Латушка*, дает высокую оценку нашим проектам, ставит в пример. Но я задаюсь вопросом: это интересы отдельной личности или это культурная политика? Да, он поддерживает нас словом, которое очень для нас важно, но из Министерства культуры к нам никто не спешит ни с помощью, ни с предложениями о сотрудничестве. К нам приходят директора государственных музеев, искусствоведы, но открытой коммуникации, сотрудничества не возникает.

Т.А.: Во многих европейских странах для частных культурных проектов существуют льготные условия, которые позволяют этим инициативам развиваться…

В.К.: У нас таких условий нет. Недавно был издан Указ № 145 «О некоторых вопросах налогообложения в сфере культуры и информации». Но, даже бегло его изучив, я понимаю, что пока нам нет смысла переходить из коммерческой структуры, которой мы официально являемся и статус которой позволяет нам как минимум зарабатывать, в формат «общественной организации». Сегодня *Павел Латушка* очень много делает для того, чтобы вносились поправки, менялось законодательство в области культуры. Но в нашей стране все равно нельзя спешить: даже если примут какой-то уникальный универсальный закон, нужно

какое-то время наблюдать за тем, как он будет работать на практике. Конечно, присутствует момент недоверия к государству. Потому что если государство столько лет не поддерживало частную инициативу, то насколько оно сегодня заинтересовано в таких, как мы, не понятно.

Т.А.: Как вы, как галерист, прокомментируете мнение о том, что в Беларуси не существует арт-рынка?

В.К.: Если есть художники, есть «Ў», значит, и рынок есть, просто он слабо развит. Причин того, что он такой, или, как говорят, «его нет», несколько. Государство никак не способствует его появлению, с одной стороны. А с другой, у частных лиц отсутствует инициатива создавать площадки и галереи. Еще одна причина – низкая покупательская способность беларусов. То есть средний класс в Беларуси, который имел бы возможность и потребность тратить деньги на искусство, очень слабо развит. Также нужно сказать о художественном образовании, которое сегодня у нас очевидно отстает от европейских учебных программ и практик. Из-за этого многие наши художники и особенно критики оказываются абсолютно неконкурентоспособными за рубежом. А арт-рынок еще связан и с тем, насколько твое искусство интересно в мировом контексте.

Т.А.: На последнем ART VILNIUS ваш проект «Яна не можа сказаць НЕБА» стал победителем. Это первое признание деятельности галереи на международном уровне?

В.К.: Да, хотя это только второй наш выезд на международную арт-ярмарку. Два года назад мы также участвовали в ART VILNIUS, и тогда, как нам сказали, если бы был приз зрительских симпатий, мы бы его получили. Потому что беларусов такими еще не видели. Обычно выставлялись традиционные художники, и все думали, что у нас до сих пор «совок». Мы показали, что в Беларуси есть современное искусство, и оно оказалось интересным. В этом году все сложилось очень неожиданно. Нам рассказывали журналисты, которые присутствовали на заседании жюри, что наша победа была единогласным решением. Нам очень приятно, что акцент был сделан не на теме, которую мы заявили, но был отмечен в первую очередь наш кураторский профессионализм. Это

важно для нас, потому что я не могу сказать, что такую оценку какой-либо выставки мы получили бы от какого-нибудь беларусского комитета.

Т.А.: Что стало темой проекта?

В.К.: Павильон рассказывает о ситуации в нашей стране, в которой художник почему-то не может свободно выражать свои мысли. Мы задались вопросом: почему так происходит? Если художник не может говорить в этой стране обо всем, то о чем он тогда говорит? Что его самое сокровенное, как он реагирует? Куда уходит художник? То есть как гражданин он может выходить на площадь, но чем он занимается как художник? В результате получилось высказывание о внутренней миграции автора, о том, во что он выливает невозможность сказать «НЕБО».

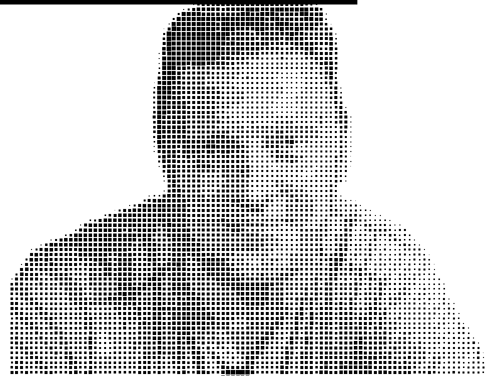
Т.А.: Тем не менее, и беларусских современных художников, и ваши проекты часто обвиняют в их асоциальности, игнорировании беларусского «сегодня»…

В.К.: Мне кажется, все наши проекты социальны. Например, уникальный проект *Кірушчанка* «Пришло время тесно заняться приземленным искусством», в котором он вместе с другими художниками преобразовывал реальный сельский ландшафт (экспозиция включала в себя документацию), превращая старые деревянные дома в арт-объекты. А ведь сегодня никто не вспоминает об этом проекте. Или кураторский проект *Шабохіна* «Философия масс. Беларусский нео-поп-арт» – он гиперсоциален. Это проект-исследование. В нашей галерее мы как-то интуитивно всегда попадаем в точку. Например, после президентских выборов в декабре прошлого года мы организовали детское Рождество, и в тот момент для многих это стало «выдохом». Мне иногда кажется, что главная идея нашей площадки – быть источником энергии, местом, где ты можешь чувствовать себя свободно, комфортно, где можно дышать… Потом была выставка *Жанны Капустнікавой*, которая в атмосфере депрессии, царившей в обществе в тот момент, выставила яркую портретную серию, поднявшую дух людей вокруг. После этого *Ігар Ганжа* презентовал фотосерию «Живые люди. Минск», где сделал акцент на людях, работающих в сфере культуры и пытающихся что-то

менять вокруг. В беларусской ситуации такие проекты становятся гиперсоциальными.

Мне обидно, когда некоторые наши искусствоведы начинают говорить о том, что беларусское искусство не дотягивает до некого международного стандарта. Но дело не в том, дотягивает оно или нет. Наше искусство *другое*. Оно не должно быть таким, как у других. Именно это нужно изучать. На мой взгляд, очень многие беларусские искусствоведы и кураторы сами не дотягивают до того, чтобы осмыслить то, что предлагает наш художник. В этом проблема. Как можно определить единый для всех культур критерий современного искусства? Нужно в первую очередь учитывать контекст. Наши проекты тесно связаны именно с беларусским контекстом. В этом я уверена.

В Беларуси до сих пор содержатся нерентабельные государственные издательства, которые выполняют госзаказы на литературу, обслуживающую интересы власти. Государству важно не качество литературы, а то, является ли автор «своим» или «чужим».

ГОСУДАРСТВО, ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИКАЦИЯ

ІГАР ЛОГВІНАЎ – ИНТЕРВЬЮ

Ігар Логвінаў – профессиональный издатель с многолетним стажем. Возглавлял издательские центры «Менск» и «Пропилеи», руководил минским издательским отделом Европейского гуманитарного университета. В 2000 году в Минске *Ігар* открыл собственное независимое издательство «*Логвінаў*», которое на сегодняшний день является самым активным центром продвижения современной беларусскоязычной литературы.

Алесь Барысевіч: Ігар, с самого начала издательство «Логвинов» сделало ставку именно на беларусскоязычную литературу. С чем это было связано? Очевидно, что это абсолютно нерентабельный с точки зрения коммерции проект.

Ігар Логвінаў: Как раз в тот момент я уволился из издательства при Европейском гуманитарном университете. Думал, что делать дальше, понимая, что, в принципе, умею только печатать книги. «Только где и

какие?» — думал я, как вдруг познакомился с молодым беларусским писателем *Змітром Вішнёвым* и «Буб-Бам-Литом» *(беларусское литературное движение, созданное в 1995 году в Минске, ориентированное, в первую очередь, на формы постмодернистской европейской литературы. — Прим. авт.)*. Меня очень заразил драйв этих сумасшедших литераторов. Была аллюзия на какой-то беларусский серебряный век. Хотелось придумывать какие-то сумасшедшие, никому не нужные вещи, чтобы это объединяло большое количество людей – и всем было хорошо. Я не могу сказать, что болел беларусскоязычной литературой. Я вырос в БССР, где существовало понятие *городского* и *негородского* языков. Беларусский язык был *негородским*. Уже потом я понял, каким это было издевательством над культурой, и осознал, что сам стал «продуктом» этого геноцида. Поэтому главным импульсом для появления издательства «Логвінаў» стало то ощущение энерджайзера, которым меня заразили «бум-бам-литовцы».

А.Б.: Легко ли было в 2000 году открыть свой издательский проект?

І.Л.: Если есть тот «драйв», о котором я говорил, то не важно, с какими сложностями столкнешься. Когда мы открывались, не было никакой финансовой поддержки, только энтузиазм. Я чувствовал себя Миклухо-Маклаем, потому что приходилось учиться на собственном опыте, быть первооткрывателем. Процедурно, наверное, Беларусь – самая сложная страна для открытия издательства. Но вокруг меня в тот момент было много заинтересованных в этом проекте людей, готовых поддержать инициативу. Поэтому, на мой взгляд, всё и получилось.

А.Б.: Существовала ли помимо «драйва» еще и надежда на то, что беларусскоязычная литература может стать прибыльным делом?

І.Л.: Издательство – это, в принципе, коммерческий проект. Но тогда для меня это был в первую очередь не бизнес, но авторы, которые что-то делали, и это было интересно. А то, что это может приносить какие-то доходы, было второстепенным. С другой стороны, как раз в начале «нулевых» в Беларуси продолжалась эпоха «больших иллюзий». Поднималось национальное самосознание, все переосмыслялось,

бурлило, и было ощущение, что именно сейчас все изменится. В итоге, как оказалось, ничего не получилось. Наступила эпоха «великих разочарований». Но тогда, в период тех больших ожиданий, возникло очень много хороших, а главное, нужных беларусской культуре проектов.

А.Б.: Беларусской литературе очень сложно пробиваться на российский или западноевропейский книжный рынок. Авторов, которым это удалось, единицы: например, *Альгерд Бахарэвіч* с его «*Сарокай на шыбеніцы*», *Віктар Марціновіч* с «Паранойей», *Артур Клінаў* с «*Малой падарожнай кніжкай па Горадзе Сонца*». С чем вы связываете невостребованность беларусской литературы зарубежными читателями?

І.Л.: Одна из ключевых болезней нашей литературы – это ее замкнутость на самой себе. Это литература, которая, на мой взгляд, не может производить нового смысла. Беларусские авторы совершенно не включаются – иногда сознательно – в общемировой контекст. Нельзя постоянно ковыряться в своей «ранке»: «Вот мы, беларусы, такие несчастные, подвергнутые культурному геноциду» и т.д… Как говорит Александр Иванов *(директор российского издательства «Ad Marginem». – Прим. авт.)*, литература – это история, которая цепляет людей. У большинства наших литераторов, как мне кажется, как раз отсутствует внутренняя литературная потребность делать истории. Есть желание представлять себя, работать на «национальный проект», но нет желания быть конвертируемым и понятным другим. Беларусы, на мой взгляд, заковырялись в себе, в своих проблемах. В результате они сегодня совершенно оторваны от мира. А мир изменился. Проблема национальности, наверное, осталась только в Беларуси. Беларусские литераторы, на мой взгляд, так и остались в том зарождавшемся на рубеже 1980–90-х национальном сознании. Они не понимают, что во всем мире уже нет проблемы языка, но есть проблема репродуцирования смыслов. Когда я связывался с беларусскоязычной литературой, беларусский язык являлся важным посылом. Потому что это совершенно *другой* язык, он по-другому организован. Для меня тогда стало своеобразным открытием, когда я узнал, что того же Хайдеггера и Кьеркегора очень легко переводить на беларусский язык, потому что совпадают мышление и структура обоих языков. На русский, например, намного тяжелее переводить

немцев: переводчикам приходится идти на компромиссы. Получается, что беларусский язык дает возможность создавать понимаемый всеми европейцами «месседж». Поэтому тогда, в «нулевые», было ощущение, что это бурлящее поколение вместе с возможностью языка создаст нечто *новое*. Когда спустя 10 лет ничего не получилось, пришло не то чтобы разочарование, но понимание, что издательство «*Логвінаў*» превратилось в некий замороженный в себе проект и неизвестно, сколько так будет длиться.

А.Б.: Это проблема беларусского языка, который так и остался массово невостребованным в Беларуси, или проблема содержания нашей литературы?

І.Л.: Я думаю, это проблема территории, которая очень замкнута. С одной стороны, наши авторы настроены против всего русского. С другой – не желают соответствовать более жестким требованиям Европы, где нужно прикладывать больше энергии и усилий. У нас отсутствует среда, абсолютно нет конкуренции. Беларусский литератор не живет за счет гонораров — соответственно, для него нет мотивации. Наш книжный рынок поглощает 1000 экземпляров беларусской книжки, а экономику издательства на этом не построишь. Более выигрышным вариантом остается поддержка малых литератур. Такая экономика успешно работает во всех странах, где любое малое издательство получает до 70% дотации от государства на поддержку национальной литературы. В Беларуси этого нет.

А.Б.: Но государственным издательствам, таким как «Мастацкая літаратура», например, государство как раз дает такие дотации на издание беларусскоязычной литературы. Правда, ваши интересы, ваши авторы никогда не пересекаются…

І.Л.: Государство «кормит» свое «государство», это естественно. Ни в одной стране мира – может, только в Китае – не существует государственных издательств, потому что это очень дорого и сложно. Какой может быть интерес у государства? Только поддержка своей национальной культуры, для чего создаются различные программы, работают

государственные фонды. Например, в Латвии, несмотря на сильнейший экономический кризис, не было сокращено ни одной программы по поддержке издательств, которые занимаются книгами по литературе и искусству на латышском языке. Сегодня почти все издательства Латвии существуют за счет грантов и поддержки. Беларусь в этом плане обсуждать бессмысленно, потому что в основе культурной политики лежит идеологический водораздел, когда главным приоритетом государства является не национальное, а интересы президента, правительства, каких-то отдельных корпораций. Поэтому у нас содержатся нерентабельные государственные издательства, которые выполняют госзаказы на литературу, обслуживающую интересы власти. Да, в этих издательствах работают прекрасные люди, издаются хорошие книги, но форма организации этого букпроизводства абсурдна. Существуют идеологические согласования: правильный автор или неправильный, был на площади или нет *(имеются в виду масштабные акции протеста против результатов выборов президента в 2006 и 2010 годах. — Прим. авт.)*. То есть важны не смысл, не национальная гордость, но «свой» это автор или «чужой». Как, например, история с *Уладзімірам Арлоў*. Это гениальнейший беларусский писатель нашего времени, один из тех, кого смело можно назвать достоинством беларусской нации. 10 лет назад после каких-то очередных политических или личных конфликтов ему было сказано, что он никогда не сможет издать свои книги ни в одном беларусском государственном издательстве. Как можно к этому относиться? Конечно, мы издаем его. Или *Алесь Разанаў*. Он мог бы прекрасно издаваться в «*Мастацкай літаратуры*», но он сам этого не хочет. Поэтому обратился в «*Логвінаў*». Апофеозом существующего идеологического водораздела, безусловно, стало появление двух союзов писателей *(несколько лет назад в Союзе писателей Беларуси произошел раскол, после которого образовались две писательские структуры: оппозиционный Союз беларусских писателей и официальный Союз писателей Беларуси. — Прим. авт.)*.

А.Б.: Тем не менее, книги вашего издательства продаются в государственных книжных магазинах…

І.Л.: На самом деле это постоянная игра. Сейчас продается, завтра – нет. Проблема наших «запретных списков» в том, что, с одной стороны,

например, группу «Ляпис Трубецкой» с эфиров сняли, концерты проводить не дают. Но официально нет ни одного постановления. Так же происходит и с книгами. Два или три года назад «Белкниге» *(крупнейшая государственная книжная сеть в Беларуси. — Прим. авт.)* дали указание не брать на реализацию книги «*Логвінаў*». Но не было ни одного подтверждающего документа. Сейчас, несмотря на то, что запрет снят, где-то об этом еще помнят, и периодически у нас возникают проблемы.

А.Б.: С одной стороны, беларусской литературе не удается вписаться в мировой литературный контекст в связи с той замкнутостью, о которой вы говорили ранее. С другой, очевидно, что литературная индустрия у нас в принципе отсутствует. Авторы не могут жить на гонорары от своих книг, на написание которых тратятся годы. Мало того – они вынуждены издавать эти книги за свой счет, а потом сами же их распространять. В чем, как вам кажется, причины существования такого «литературного гетто»?

І.Л.: Их много. Во-первых, не сформирован рынок беларусскоязычной литературы, а расширяется он очень медленно. По статистике на 2007 год в Беларуси на беларусском языке издавалось только 7% книг. Это уже сильный показатель. Сегодня, я думаю, мало что изменилось. Все зависит от потребительского рынка, а большая часть населения читает на русском языке. Это вторая часть проблемы. Если нет коммерческой составляющей и общественной значимости, то откуда появятся деньги, на которые сможет жить писатель. В Литве, Латвии, например, писатели за эти деньги тоже жить не могут. Они живут за счет системы литературных поощрений со стороны государства. Работает система различных фондов и программ. Потому что, как я уже говорил, государство заинтересовано в том, чтобы эти писатели не умирали. У нас таких фондов

нет. Наши писатели выживают частично за счет тех же европейских или американских программ. Когда создавался Союз писателей Беларуси, многие туда ушли в надежде, что появятся какие-то возможности. Но ничего не появилось. Есть только обещания со стороны государства: мол, напишите мне определенный роман, тогда я вам дам денег.

А.Б.: Можно ли сказать, что коренная причина такой ситуации — идеология, на которой строится вся культурная политика Беларуси? Культура работает не на *национальное*, но обслуживает интересы идеологии.

І.Л.: Да, и это очень хорошо видно по десяти последним годам. Беларусскоговорящая оппозиция всегда находилась в конфронтации с официальным правлением. Но постепенно, понимая необходимость национального, государство начало залезать на их территорию. Проблема идентичности прозвучала и на государственном уровне, появились различные госпроекты, например «За Беларусь!». Но это не смогло стать объединяющим звеном, потому что в любом случае цели оказались разные. До сих пор нет понимания важности поддержки национальной культуры. Государство по-прежнему не заинтересовано в поддержке беларусскоязычной литературы. Со стороны государства я не видел ни одного реального жеста в поддержку беларусского писателя.

А.Б.: Но, несмотря на существующие проблемы, по вашим словам, беларусский книжный рынок продолжает расширяться…

І.Л.: Да, в основном за счет студентов нового поколения, для которых беларусский язык становится языком свободы. Но для национального самосознания, как я уже говорил, поздно. Потому что такой проблемы в мире больше нет. Есть проблемы корпораций, транснациональных колоний, но не отдельных наций.

А.Б.: То есть, чтобы беларусской литературе выйти из этого «гетто», нужно отказаться от приоритета национального и сосредоточиться

на появлении множественности жанров, авторов, содержаний?

І.Л.: Да, в первую очередь, на производстве смыслов. Национальный тренд использовать очень трудно, продуктивнее – тренды смысловые. Литература – это, в любом случае, смысл, история, эстетика. Это помимо художественной интеллектуальной литературы еще и детективы, женские романы, детские книги. Не важно, на каком языке это написано. Важно, что это родилось из беларусского языка, который дает человеку очень важные возможности. Яркий пример – это *Алесь Разанаў*, автор, который создает какую-то невероятную поэтическую онтологию. Это, на мой взгляд, поэт уровня Пауля Целяна. Он про самые простые вещи умеет говорить очень емко и объемно. Это производство какого-то особого смысла, который я сам до конца не понимаю. Но это рождается именно из беларусского языка. Такое можно делать и в жанровой литературе.

А.Б.: Какие книги вы бы отметили как гордость издательства?

І.Л.: Очень много. Даже не буду называть, потому что вдруг кого-то не назову, а потом будет обидно. Думаю, их около 50, а то и больше. Возможно, они не окупились, но я рад, что издали их именно мы.

А.Б.: Как издательству «Логвинов» все-таки удается выживать, особенно в нынешних непростых экономических условиях?

І.Л.: Несмотря на то, что денег нет, а будущее не понятно, мы продолжаем жить счастливо и печатать книги. Есть какие-то проекты, которые более или менее окупаются. Например, хорошо продаются книги *Андрэя Хадановіча* или литераторов новой генерации. Но это составляет только 5–10% нашей деятельности. В основном, издательство двигается «на ощупь». Например, *Альгерда Бахарэвіча* мы издаем с 2003 года. Уже тогда было понятно, что это одно из самых перспективных явлений в беларусской литературе. *Альгерд* был очень открыт к европейским веяниям. Он делал акцент не на национальное, но на отдельного человека. *Бахарэвіч* как раз писал истории. Тем не менее, долгое время он не был коммерчески успешным проектом. Только последний роман «*Сарока*

на шыбеніцы» стал хорошо продаваться, мы даже смогли заплатить ему гонорар. И это на 90% успех самого *Альгерда*. Да, мы его поддерживали, но для полноценного продвижения у нас ресурсов нет. Таким же движением «на ощупь» в какой-то степени являются серии издательства. Например, «*Галерэя Б*», которую ведет литератор и философ *Ігар Бабкоў* и в которой печатаются произведения современных беларусских авторов, претендующие на значимое место в литературе. Это *Валянцін Акудовіч*, *Ігар Бабкоў*, *Антон Францішак Брыль*, *Алег Мінкін*, *Наталля Харытанюк* и другие. Есть серия «*Кнігарня Нашай Нівы*», в которой издательство «*Логвінаў*» выступает партнером. Издаем отдельные переводные серии: «Чешскую коллекцию» под руководством *Сяргея Сматрычэнка*, серию польских переводов, которая в перспективе оформится в отдельную коллекцию. В этом году планируем запустить серию «Кнігарня "Ў"», в которой будут переизданы самые ключевые и значимые для беларусской литературы и культуры книги за 200 последних лет. Особое внимание уделим литературе периода «возрождения» 1980–90-х. Редактором серии выступит беларусский философ *Валянцін Акудовіч*.

А.Б.: То есть «азарт» к беларусской литературе остался?

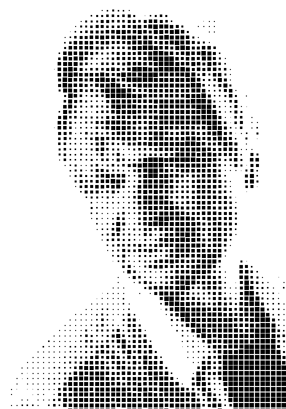
І.Л.: Конечно, но главную ставку делаем все-таки на переводную литературу. На сегодняшний день она составляет, наверное, более 50% наших книг. Для меня это реальная поддержка и с финансовой точки зрения, и с точки зрения смысла. Это также хорошая работа для литераторов, которые занимаются переводами. Например, *Бахарэвіч* переводил Вильгельма Гауфа. Делая перевод, он начинал порождать свои смыслы, зависеть от атмосферы письма немецкого автора. Кстати, перевод Гауфа тоже был очень хорошим проектом издательства, не успешным с точки зрения продаж, но близким по идеологии мне.

А.Б.: Какие, на ваш взгляд, перспективы у беларусской литературы?

І.Л.: Я думаю, нужно ждать нового поколения. Кто-то, безусловно, уже появляется. Очень удачным, на мой взгляд, получился последний проект *Наталли Харытанюк* с ее «13 историями про мертвого кота» *(победитель независимой беларусской премии «Дэбют імя Максіма*

Багдановіча'2010» в номинации «Проза». – Прим. авт.). Стоит также отметить «*Дзверы, замкнёныя на ключы*» (*автор – Віталь Рыжкоў – получил премию «Дэбют'2010» в номинации «Паэзія». – Прим. авт.*) и перевод романа Д.Р. Толкина «*Каваль зь вялікага Вутану*» *Антона Францішка Брыля* (*лауреат премии «Дебют'2010» в номинации «Перевод». – Прим. авт.)*. То есть, несмотря на мою личную усталость, мне кажется, что беларусская литература *будет*. Возможно, не такой, какой мы ее себе представляем. Но голоса молодых, которые продолжают прорываться и настойчиво звучать, – хороший знак. Во всяком случае – для меня.

На сегодняшний день в Беларуси нет ни одного независимого лейбла, который бы полноценно работал с музыкальными группами. Независимые группы остаются *любительскими*, потому что у них нет возможности профессионально жить музыкой.

ШОУ-БИЗНЕС В ГОСУДАРСТВЕ, ГДЕ ЗАПРЕЩЕНЫ АПЛОДИСМЕНТЫ

ЛЯВОН ВОЛЬСКІ – ИНТЕРВЬЮ

Беларусский музыкант, литератор и художник *Лявон Вольскі* стал уже настоящей легендой беларусского альтернативного арт-пространства. В 1989 году, в разгар перестройки, проект с его участием *«Мроя»*[1] прогремел на весь СССР с пластинкой *«Дваццаць восьмая зорка»*[2]. Через пять лет участники *«Мрои»* создают новую группу – *«N.R.M.»* (*«Незалежная Рэспубліка Мроя»*[3]), которая стала настоящей культовой командой, определенным символом для целого ряда поколений. Совместные проекты с участием *Лявона* – *«Народны альбом»* и *«Я нарадзіўся тут»*[4] – тоже стали в Беларуси культовыми, а польская ежедневная газета *«Gazeta Wyborcza»* назвала *«Народны альбом»* главным событием 1997 года в Польше. После *«N.R.M.» Лявон Вольскі* пел в группах *«Крамбамбуля»* и *«Zet»*, записал альбом на стихи классиков беларусской литературы *«Белая яблыня грому»*[5]. Одна из

1 *Мроя* (бел.) – греза.
2 *«Дваццаць восьмая зорка»* (бел.) – «Двадцать восьмая звезда».
3 *«Незалежная Рэспубліка Мроя»* (бел.) – «Независимая Республика „Мроя"».
4 *«Я нарадзіўся тут»* (бел.) – «Я родился здесь».
5 *«Белая яблыня грому»* (бел.) – «Белая яблоня грома».

последних инициатив музыканта – остросоциальный проект *«Саўка ды Грышка»*[6].

Стася Русецкая: Лявон, вы один из тех культурных деятелей нашей страны, которые, кроме активной творческой деятельности – только на протяжении последних месяцев прошло несколько ваших концертов по Беларуси, недавно вы вернулись с гастролей по Германии…

Лявон Вольскі: Активной мою творческую деятельность не назовешь. Это, скорее, исключение, связанное с презентацией *«Саўкі ды Грышкі»*. А так у меня может не быть концертов на протяжении нескольких месяцев. К сожалению, это обычная ситуация в нашей стране.

С.Р.: Но, если сравнить с графиками других беларусских музыкантов, это можно назвать активной творческой деятельностью. Так вот, кроме этого, вы еще и активно заявляете о своей гражданской позиции. Есть мнение, что искусство и политика, скажем так, несовместимы, что активная общественно-политическая жизнь может негативно отразиться на творчестве…

Л.В.: Мне кажется, что творческий человек сам волен выбирать: иметь ему гражданскую позицию или нет. У меня это никак не разграничивается, я даже про это не думаю. Я могу и на концертах, и в песнях сказать что-то общественно-политическое или социальное. *«Саўка ды Грышка»* – яркий пример. Кажется, вроде несерьёзный проект, но его герои моими устами открыто обо всем говорят. Я всего лишь – как медиум – за ними записываю. Вообще, мне кажется, что в сегодняшней Беларуси творческий человек без определенной гражданской позиции выглядит как-то диковато. Можно, например, в Германии сказать, что я далек от политики и меня не интересуют дела бундестага. Но у нас без ясной позиции теперь просто невозможно. Если у тебя не будет гражданской позиции, но ты будешь носить дреды, то очень высока вероятность того, что тебя заберут неподалеку от какой-нибудь акции. Так лучше уж иметь эту позицию. Конечно, я могу ошибаться, но лично для меня это выглядит так.

6 *«Саўка ды Грышка»* (бел.) – «Саука и Грышка».

С.Р.: Но вы не чувствуете, что это каким-либо образом уменьшает художественную ценность ваших текстов?

Л.В.: Мне и раньше, еще в 1980-е, говорили, что мои тексты – это «однодневки». Но так получается, что и сейчас можно взять мою старую песню и она прозвучит очень актуально. На самом деле, я был бы рад, если бы эти «однодневки» ушли в небытие и лежали бы в каком-нибудь фонде беларусской музыки. Но пока, к сожалению, происходит наоборот.

С.Р.: Как родилась идея вашего последнего проекта «*Саўка ды Грышка*»?

Л.В.: Эти песни писались для одной из заграничных радиостанций. Но я и раньше думал о двух таких персонажах, которые высказывали бы абсолютно противоположные мнения, как это у нас, в Беларуси, бывает. Вот жили двое парней в одной деревне, учились в одном классе, а потом судьба сложилась так, что один оказался в милиции, а второй – в оппозиции. Так и появились *Саўка* и *Грышка*. Кстати, это имена персонажей одной традиционной беларусской песни.

С.Р.: Такое расхождение между людьми очень актуально в беларусской ситуации…

Л.В.: Я бы сказал, даже слишком. Вот такой пример – реальная история. Один популярный исполнитель ходит в баню, куда тоже ходил теперешний директор одного беларусского телеканала. Вот он ходил, пока не стал директором, потому что после назначения ему не пристало ходить в одну баню с популярным беларусским исполнителем, который, скорее всего, стоит на оппозиционной стороне. Поэтому сюжет *«Саўкі ды Грышкі»* очень реален. Например, как проще всего человеку, скажем, из Слонима прописаться в столице? Очевидно, надо идти в Академию милиции: будут и льготы, и зарплата, и жилье. А тот, кто пишет стихи, сидит в Слониме. И это – обычная беларусская ситуация.

С.Р.: На гастроли в Германию вы ездили с «*Саўкай ды Грышкай*»?

Л.В.: Нет, с «Крамбамбулей», которая очень актуальна для заграницы. Тем более, там есть песни на иностранных языках.

С.Р.: Как воспринимают беларусскую группу за границей? Знают ли про Беларусь, про то, что у нас сейчас происходит?

Л.В.: В Берлине, конечно, знают больше: все-таки это многонациональный город. Мы играли в Гамбурге – там уже другая ситуация. Но тема Беларуси, как это ни странно для небольшой страны, активно звучит на страницах иностранной прессы, в Интернете. О нас много пишут: грех не писать, когда такое происходит.

С.Р.: В одном интервью вас *легко* упрекнули в том, что социальное уходит из вашего творчества…

Л.В.: Возможно, это было сказано после моего проекта *«Белая яблыня грому»*. Да, это была лирика, но такой период мне тоже был нужен. Время от времени нужно позаниматься «декоративно-прикладным» искусством, сделать *«Белую яблыню…»*, *«Куплеты й прыпевы»*, чтобы перейти к нормальной сольной деятельности. Социальное, как я уже говорил ранее, никуда не уйдет, я на этом основываюсь. Этим я занимался в *«N.R.M.»*, этим же я буду заниматься и сольно.

С.Р.: Точкой отсчета в вашем творчестве стал 1981 год когда вы, *Уладзімер Давыдоўскі* и *Алег Дземідовіч* создали группу *«Фаварыт»*…

Л.В.: Тогда мне было 15 лет, и теперь это трудно назвать чем-то серьёзным. Скорее, мы только учились играть.

С.Р.: И все-таки, вы взяли в руки гитару и начали писать тексты. Как дальше, из каких периодов, если можно так сказать, состояла ваша музыкальная история?

Л.В.: Настоящей точкой отсчета я считаю 1984 год, когда мы – уже как *«Мроя»* – приняли участие в «Неделе изобразительного искусства», во время которой мы вышли и сыграли рок-программу на беларусском языке. Всем стало понятно, что в Беларуси появился рок по-беларусски. Конечно, мы делали все это очень неумело и были, скорее, любительской командой, но, надо сказать, с достаточно актуальными и интересными на то время текстами и актуальной музыкой. Потом нас забрали в армию. Затем, в 1986 г., был период «отходняка» от этой армии и привыкания к новым реалиям «перестройки». После этого пришел период первой серьезной популярности. Это был конец 1980-х – начало 1990-х, когда повсюду звучали наши песни, снимались клипы, мы заняли первое место в хит-параде с песней *«Ён яшчэ вернецца»*[7]. Это был головокружительный успех, хотя финансово он никак себя не проявил. Таков парадокс советского и постсоветского общества: ты популярен, у тебя просят на улице автографы, на концерты ломятся люди, а денег все равно нет. Даже наоборот – это ты должен вкладывать в свое творчество.

Потом наступил период стагнации: Беларусь получила независимость, и нам уже не было с чем бороться. А *«Мроя»* все-таки была командой борцов, и с какими-то общечеловеческими темами мы абсолютно не звучали. Это было страшно неплодотворное для творчества время. Но мы продолжали ходить на репетиции, думали, что делать дальше. Надо было как-то эту ситуацию решить, и с приходом *Лукашэнка* к власти она сама собой решилась. Снова возникли «благоприятные» условия внутри команды и снаружи. Так возникла группа *«N.R.M.»*, и с этим проектом мы достигли такого успеха, которого в Беларуси до нас не достигал никто. Параллельно я писал какие-то поэтические и прозаические произведения, иногда рисовал картины и комиксы. Один 50-страничный комикс почти напечатали, но его потеряли где-то в редакции: переезжали с места на место. Еще я рисовал для журнала *«Бярозка»*, но как-то в Беларуси искусство комикса не прижилось.

В 2000 году возникла совсем политизированная группа *«Zet»* (*«…таинственная группа, участники которой всегда прячут свои лица под масками, а настоящие имена – под кличками» – Прим. авт.)*. Мы

7 *«Ён яшчэ вернецца»* (бел.) – «Он еще вернется».

равнялись на протестующий, бескомпромиссный заграничный рок, который не интересуют заработки, мейнстрим, заполнение залов, цена билетов. Но после двух альбомов группа исчезла: мы не хотели истеблишмента – его и не было.

Потом появилась *«Крамбамбуля»*. Это был шаг в сторону от рок-музыки. Мы решили отдохнуть от серьёзных тем, хотелось поразвлекать публику. На то время, как, впрочем, и сейчас, наша «попса» была в очень плохом состоянии. Я как-то читал в одном университете лекцию, посвященную поп-культуре и шоу-бизнесу, и спросил у студентов, каких популярных беларусских исполнителей они знают. 15 человек назвали только трех исполнителей. Хотя, по идее, наших «звезд» ежедневно показывают по телевидению. Тогда я спросил, знают ли они какие-нибудь песни. Никто ничего не мог сказать. А это был средний класс, не молодежь, а бизнес-факультет, куда люди приходят повышать квалификацию. Одна женщина вдруг вспомнила, что – о! – она знает Афанасьеву, которая пела у них на корпоративе. И вот *«Крамбамбуля»* ступила на территорию беларусской эстрады. Музыка и текст были сознательно такие глуповатые, но, как ни странно, песня *«Госьцi»* даже вошла в каждый дом. Тогда было немного легче раскрутиться: можно было сотрудничать с нашим телевидением, на котором в то время не было таких страшных программ, как теперь, рядом с которыми стыдно звучать. Так что свое место мы заняли, даже таможня знала наших *«Гасьцей»*.

Шоу-бизнес в государстве, где запрещены аплодисменты

С.Р.: Я помню историю, когда на одном концерте самодеятельности студент-милиционер запел *«Тры чарапахi» «N.R.M.»*…

Л.В.: Да, мне тоже рассказывали. Вообще, оказывается, на дискотеках Академии милиции часто крутят именно *«Тры чарапахi»*. Сотрудник органов, который однажды пришел на наш концерт в клуб, громко нам подпевал. Когда у него начали брать интервью, он ответил, что вырос на этих песнях… Кого я ращу? Не понимаю… Потом *«Крамбамбулю»* все-таки запретили. Мы ступили, как я сказал, на чужую территорию, и разные киты эстрадного жанра нам этого не простили. А сейчас *«Крамбамбуля»* вообще находится в «списке» *(после последних президентских выборов в Беларуси в декабре 2010 года власти составили неофициальный список деятелей культуры, музыкальных групп, которым запрещено выступать с концертами на родине – Прим. авт.)*.

С.Р.: Как-то странно получается: вы можете гастролировать по Беларуси, а «*Крамбамбуля*» – нет?

Л.В.: Конечно, ведь моей фамилии в «списке» нет. Понимаете, сидит там, в доме культуры, какая-то тетя, которая, в принципе, одобряет беларусскую музыку, нормально относится ко мне или к *Змітру Вайцюшкевічу*. Дай ей волю – она проведет, что хочешь. Но есть «список». Наш прокатчик, например, звонит: «Можно мы проведем концерт *Лявона Вольскі «Белая яблыня грому»*?» Она: «Конечно, можно!» – «А «список»?» На что та отвечает: «Так ведь фамилии нет? Так что проводим концерт». Конечно, *Вайцюшкевічу* сейчас труднее, чем мне, потому что он есть в «списке».

С.Р.: Вы начинали еще в советское время. Когда было больше свободы – тогда или сейчас?

Л.В.: Давление в конце 1980-х, конечно, было. Но уже происходила ломка формаций, и даже в комсомоле были люди, которые нас продвигали. При этом в некоторых исполкомах просто трупом ложились, чтобы не разрешить наши тексты. Приходилось даже брать справку в Союзе писателей о том, что наши тексты нормальные, – спасибо, отец помог *(отец Лявона – известный беларусский писатель Артур Вольскі – Прим. автора)*. Но нас всё равно не разрешали. И вот однажды *Віталь Сямашка* и *Юры Цыбін* продвинули группу на «Новополоцкий фестиваль'89», где мы стали лауреатами, что автоматически оправдало наши тексты. После этого мы начали активно гастролировать по Беларуси. В Дрогичине или Быхове, например, мы часто играли при поддержке какого-нибудь райкома комсомола. Им, во-первых, надо было ставить «галочки» по работе с молодежью. А во-вторых, они любили рок-музыку. Поэтому я не могу сейчас сказать, что тогда нас слишком сильно притесняли. В любом случае, не было такого, чтобы милиция прибежала на концерт и начала нас запрещать. С *«N.R.M.»* такое уже случалось. Теперь больше притесняют. Власти почему-то нашу деятельность воспринимают конкретно – как политику. Я недавно задумался, так сказать, над своим творческим путем: мы начинали под давлением, потом на нас давили во время перестройки, сейчас запрещают – так и прошли, как поётся в песне, молодые годы. Есть такая мудрость: не дай вам Бог жить в интересное время. А мы вот живем. Приезжаешь, например, в

Берлин – там тихо, спокойно, отдыхаешь душой. А потом читаешь, что у нас здесь происходит, и думаешь: «И туда возвращаться?» Но надо – и возвращаешься.

С.Р.: Такую ситуацию можно воспринимать как способствующую творчеству: например, поддерживается, так сказать, бунтарский дух…

Шоу-бизнес в государстве, где запрещены аплодисменты

Л.В.: Для такого творчества, как у нас, нужны еще и способствующие финансовые условия. Идея – это, конечно, хорошо, но художнику надо еще покупать краски и полотно, а музыкантам нужны качественные инструменты и возможность арендовать студию. Я не могу сейчас реализовать все те задуманные проекты именно потому, что это очень дорого. Конечно, помогают разные фонды, но редко. Их, в основном, интересуют социально-политические проекты. Мы для них – шоу-бизнес, потому что у нас есть возможность продавать билеты на концерты.

С.Р.: Если говорить вообще о ситуации в беларусском музыкальном пространстве, что сейчас там происходит? Как работает наш шоу-бизнес, если он, конечно, есть?

Л.В.: Простите за юмор, но о каком шоу-бизнесе можно говорить, если в стране запрещены аплодисменты и разрешено только махать флажками БРСМ[8]? (*Последние акции протестов в Беларуси приобрели молчаливый характер: люди собираются на площадях и аплодируют. Именно аплодисменты становятся основанием для жестокого задержания людей – Прим. авт.)*. Шутки шутками, но доля правды в этом есть. На сегодняшний день в Беларуси нет ни одного независимого лейбла, который бы полноценно работал с музыкальными группами. У нас есть один только лейбл – государство. Оно построило десятки студий, вложило туда много денег, а сейчас ищет молодые таланты, чтобы организовывать концерты «За Беларусь!». Есть какие-то отдельные продюсеры, которые, вроде, находят эти таланты, пробуют их раскрутить. Но все, что делает наше государство, получается низкокачественное. Ну, может, армия у нас классная. Но невозможно относиться к популярной музыке, как к спорту. В любом случае, понятно: шоу-бизнес – это деньги, а деньги есть у государства.

8 БРСМ – Беларусский республиканский союз молодежи (прим. перев.).

Или, например, отец-предприниматель спонсирует увлечения своего сына. А независимые группы в этом плане все-таки любительские, потому что у них нет возможности жить музыкой профессионально.

С.Р.: Значит, вся беларусская альтернативная музыка – это любительство?

Л.В.: Да, это спонтанность, *DIY*, скажем так.

С.Р.: Почему так происходит? Неужели государство не видит своей выгоды?

Л.В.: У нашей власти есть свой вкус и увлечения, например, телевидение, эстрада, парады. Именно этому уделяется много внимания: вкладываются деньги, воспитываются какие-то исполнители. Но к этому относятся, как к спорту. Поэтому, на мой взгляд, нет качества. «Звезда», все-таки, должна быть свободной. Американские поп-звезды, например, открыто, на сценической площадке, выражали протест против агрессии в Ираке. У нас такое просто невозможно себе представить. Поэтому наша ситуация, с одной стороны, сложная. С другой стороны, все понятно: шоу-бизнес государственный, поэтому его и нет. Есть еще у нас еще очень интересная схема, по которой работают государственные, скажем так, продюсеры. Например, приезжает продюсер какой-нибудь певицы на предприятие и говорит администрации, что надо обеспечить 60% явки людей на концерт. У него спрашивают: почему? А он: мы с концертами выступали «За Беларусь!», у нас правильная музыка, патриотические песни. Так и собирается зал. Теперь из-за кризиса эта схема вряд ли сработает: люди все-таки будут экономить и не станут бросать деньги на ветер.

С.Р.: Как вы организовываете свои собственные концерты?

Л.В.: Если бы нас не запретили, то мы могли бы хорошо работать даже в таких финансово неблагоприятных условиях. Сейчас беларусское концертное законодательство стало более либеральным: наконец-то отменили гастрольные свидетельства. Просто надо выбрать дату, созвониться с дирекцией площадки, арендовать аппаратуру и выйти на плюс, который, безусловно, будет небольшой, но все же плюс. Понятно, что

тур делается не так. Не два концерта в год, а надо ехать по городам, заезжать, например, в Ивенец, Раков, Воложин. Но там даже на ноль невозможно выйти. Площадка, аппаратура, сопутствующие расходы – а какую ты там сможешь предложить цену билета? В этих маленьких городах практически ничего не зарабатывают.

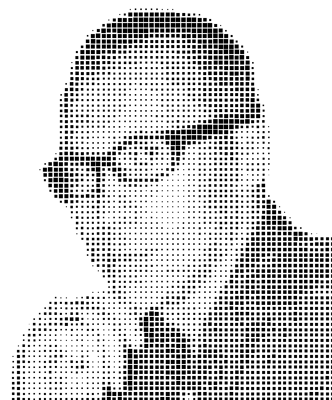
С.Р.: И все-таки, несмотря ни на что, у вас очень позитивное настроение. Вы -- практически единственный, кто воспринял эти списки с юмором…

Л.В.: Да потому что сколько уже можно переживать из-за этих «черных списков»? Я переживал, когда такое случилось в первый раз. Потому что, когда тебя запрещают, конечно, кажется, что ничего больше уже не будет. Кризис был, что тут говорить. Но это закаляет. Поэтому сейчас мне не страшно: все равно, невозможно запретить всё. Как, например, можно запретить Интернет? Это вызывает возмущение даже у тех, кто учится в Академии милиции. Поэтому в будущее я смотрю с оптимизмом. Тем более, то, что сейчас у нас происходит, настолько абсурдно, что кризис – власти, экономики, общества вообще – очевиден. Людей сажают ни за что, а они на улицы выходят и выходят. Такого никогда не было. Но кризис – это хорошо, потому что это – определенный показатель выздоровления. Пусть и не такого быстрого, как хотелось бы.

С.Р.: В свое время *«N.R.M.»* был не только культовой музыкальной командой. Группа возникала, как определенная идея, даже манифест того времени. Вам бы не хотелось каким-то образом вернуться к той идее?

Л.В.: Я думаю, эта идея – виртуальной страны, где все свободны и можно говорить, что хочешь, – безусловно, снова появится. К сожалению, тогда по разным причинам мы не довели эту концепцию до конца. Но я понимаю, что ее нельзя бросить. Может, мы осуществим ее в Интернете. Идеи есть, но я не буду пока их озвучивать, чтобы исполнились. Это может оказаться значительным событием не только для меня одного.

Беларусские независимые музыкальные проекты, получая награды и высокие оценки в России и Западной Европе, на родине вынуждены существовать в «полуподпольных» условиях.

ДЕЛАТЬ БУРЮ

ЯЎГЕН КАЛМЫКОЎ – ИНТЕРВЬЮ

Деятельность панк-рок-группы «Ляпис Трубецкой», одного из самых успешных на сегодняшний день беларусских альтернативных музыкальных проектов, для Беларуси уникальна. Помимо признания на родине, «Ляпис Трубецкой» занимает высокие топовые позиции среди альтернативных групп России и Украины. Растет интерес к проекту и в мировом музыкальном пространстве: с успехом проходят концерты в США, Канаде, Германии, Голландии, Польше, Литве. О причинах такой популярности, о продюсерской деятельности в Беларуси рассказывает продюсер группы, руководитель творческого объединения «Дети Солнца» *Яўген Калмыкоў*.

Стася Русецкая: Женя, твой стаж продюсера уже более 20 лет. На твоих глазах происходило формирование новой беларусской музыкальной культуры, можно сказать, ты стоял у ее истоков…

Яўген Калмыкоў: О том, что я продюсер, я узнал гораздо позже, чем им стал. Прочел какую-то статью: интервью с продюсером одного мюзикла,

где он рассказывал о своей деятельности. «Так я же делаю то же самое!» – подумал я. Но продюсерство, в первую очередь, – это работа на деньги, а я идеологически и по природе не бизнесмен. Мой подход – раскрыть в человеке, в артисте то, что уже в нем заложено. Не мешать ему, не придумывать какой-то специальный проект, но, как цветочек, поливать. И, если судить по результатам – наши клипы завоевывали много международных наград, «Ляпис Трубецкой» не раз становился лучшей рок-группой России, – такая *неденежная* стратегия работает. Поэтому я не продюсер в чистом понимании. Я предпочитаю называть себя художественным руководителем творческого объединения «Дети Солнца».

С.Р.: Звучит очень по-советски.

Я.К.: По-советски звучит, зато суть передает правильно.

С.Р.: С чего все начиналось? До проекта «Ляпис Трубецкой» ты уже активно работал в сфере, назовем условно, «зрелищного» бизнеса.

Я.К.: Все началось с театра. Я учился в Институте культуры на режиссера массовых праздников и параллельно работал в студенческом театре Мединститута. Как раз развалился «совок», а у меня семья, средств к существованию нет. Тут мне случайно попала энциклопедия по различным европейским культурам, где рассказывалось о бельгийских обществах, английских клубах, голландских театрах, цель которых была завлекать публику в кабаки. Я очень загорелся этими идеями и решил нечто подобное организовать в Минске. «Начнем с английского клуба», – подумал я. Договорился с Дворцом культуры Тракторного завода, где мы начали устраивать первые ночные «закрытые» шоу для только появившихся коммерсантов. Под это был создан театр под названием «Бамбуки», актерами которого были голодные студенты Академии искусств и Института культуры. Это был мужской театр, где женские роли играли мужчины. *Сяргей Міхалок* и художник *Аляксей Хацкевіч* были сценаристами этого театра, я – режиссером, а возникшая тогда группа «Ляпис Трубецкой» – музыкальным сопровождением к постановкам театра «Бамбуки». Так все и начиналось.

С.Р.: Ты позиционируешь себя в первую очередь как руководитель объединения «Дети Солнца». Что это за движение, как оно возникло?

Я.К.: Начало нашей творческой деятельности пришлось еще на советский период, то есть с самого начала в том, что мы делали, был заложен очень сильный внутренний протест. Потом «совок» развалился, и начал активно развиваться бизнес, в том числе и «зрелищный». Сначала мы растерялись: что делать дальше? А потом поняли, что нужно объединяться и поддерживать друг друга. Так появились «Дети Солнца», принцип которых – развивать творческое начало, которое дано человеку с рождения. В это объединение вошли актеры, музыканты, художники. Мы делали совместные проекты, сами снимали клипы и готовили программы. У нас была своя атрибутика, мы устраивали собственные корпоративы: жгли костры, вручали ордена, приглашали друзей из России и Украины. Они тоже становились «детьми солнца». Появлялись филиалы в Киеве, Москве, Питере. Потом нам стало стыдно, что мы не помогаем молодым и талантливым. Так «Дети Солнца» стали поддерживать другие проекты, например «Серебряную свадьбу» и «БЕЗ БИЛЕТА». Правда, сейчас наше движение не существует в такой активной фазе, как, например, пять лет назад, но оно все равно есть.

С.Р.: Получается, что другие твои проекты, например группа «Мери Поппинс», «ТТ-34», творческий проект «Саша и Сирожа» *Аляксея Хацкевіча* и *Сяргея Міхалка* – это не продюсирование в полном смысле – скорее, помощь?

Я.К.: В разные периоды было по-разному. Группы, за которые мы брались, очень *индивидуальны*. С ними сложно выстраивать какие-то долгосрочные отношения. Например, «Серебряная свадьба». *Беньку* и *Арцёма (лидеры «Серебряной свадьбы». – Прим. автора)* мы знали давно. Когда у них вдруг «выстрелило», я начал их поддерживать, нанял менеджера. В то время их агентом был *Саша Багданаў (сейчас директор минского концертного агентства и лейбла Bo Promo. – Прим. автора)*. Но, например, нужно было обсудить какой-то организационный момент, и оказывалось, что с одним человеком из группы решить его невозможно. Получалось,

что каждый маленький шажок нужно согласовывать со всеми участниками коллектива. Но если советоваться со всеми, то вполне вероятно, что кто-то будет против. Здесь, на мой взгляд, очевидно яркое проявление беларусской ментальности, когда очень сложно выявить лидера.

С.Р.: Такое легкомысленное отношение к работе – это действительно ментальная особенность беларусов?

Я.К.: Не знаю. Наверное, так происходит и в других странах, где не накоплен опыт работы в такой сфере. В Германии, Англии, США, например, культура профессиональных отношений между музыкантами, продюсерами, организаторами складывалась десятилетиями. У беларусов, которые жили на островах, в болотах, в землянках вдоль дорог, такой внутренней культуры организованного труда еще нет. Но мне это очень нравится, потому что есть возможность самому все формировать, а не учиться по учебникам. Жизнь сама нас учит.

С.Р.: У тебя уже большой опыт в сфере продюсирования, и ты знаешь, как это работает в других странах. В чем особенности беларусского «зрелищного» бизнеса?

Я.К.: Есть свои «плюсы» и «минусы». После развала Союза альтернативные беларусские музыканты начали активно гастролировать по Европе. Минск в этом плане очень удобный город: за ночь на машине можно доехать до многих столиц – Киева, Москвы, Вильнюса, Берлина, Варшавы. Те, кто хотел, например, показываться по телевизору или на обложках журналов, смотрели, естественно, на Москву. Беларусь в этом плане стала очень удобным местом: «отточить» проект лучше всего было здесь. У беларусских музыкантов есть возможность сидеть в своем «подвале» и несколько лет работать в одном направлении. В Москве, например, музыканты не могут позволить себе такую роскошь: годами сидеть на репетиционной точке и что-то музицировать. Это слишком дорого. Поэтому в Беларуси группа спокойно может сделать программу, обкатать ее на своей территории и после того, как пошел резонанс, ехать в Москву. А там есть определенный интерес к беларусской культуре – это еще один «плюс» для наших музыкантов. В России знают, что

у нас постоянно возникает что-то интересное: например, «Серебряная свадьба», «Кассиопея», «Петля пристрастия», «Троица».

С.Р.: А «минусы»?

Я.К.: Это, в первую очередь, замкнутая среда. Беларусы очень плохо контактируют между собой. Это уже точно ментальность. Был недавно случай, когда в Германии собрались деятели беларусской неофициальной культуры. Мы смотрели друг на друга и понимали, что ничего друг о друге не знаем, то есть слышали, но в принципе даже не представляем, кто, чем и как занимается.

С.Р.: В Беларуси у проекта есть возможность вызреть. Но дальше его нужно продвигать. Музыканты, естественно, этого делать не умеют…

Я.К.: Каждый должен заниматься своим делом. У нас пока этой культуры нет. Тому есть несколько причин. Одна, на мой взгляд, – это количество населения. В Литве, конечно, еще меньше населения. Поэтому если какая-нибудь литовская певица решает сделать клип, то записывает три варианта – на литовском, английском и русском языках. Но подобное существование тоже не выход. А на внутренний рынок рассчитывать не приходится. Дашь пять концертов, потом шестой – вот и год прошел. И куда дальше двигаться? В Германии, Польше, России коллектив может профессионально существовать, забивая гастрольный график на год. У нас это, с учетом зарплат у людей и общей культуры хождения на концерты, невозможно. Другая причина – это то, о чем я говорил ранее: нас никто ничему не учил. А если это еще наложить на нашу слабую коммуникабельность, то даже очень талантливым музыкантам сложно *выживать* в таких условиях.

С.Р.: Твой интерес – это альтернативная музыка. Но как бы ты в целом оценил ситуацию на беларусском музыкальном пространстве? Складывается ли некая система работы в этой области?

Я.К.: Есть певцы, группы, делаются записи, реклама, люди ходят на концерты. Значит, есть какая-то система, и она как будто работает. Но

если сравнить с опытом других стран, например со Швецией, которая, несмотря на небольшое население в 4–5 миллионов человек, пять лет назад занимала 3-е место по экспорту рок-музыки, то, наверное, наша система работает как-то *по-другому*. В Швеции, если у тебя есть идея проекта, ты обращаешься за помощью не только к частному бизнесу, но и к государству. Твой проект оценивают и, если он хороший, начинают поддерживать. Например, известная организация Swedish Export Music – это наполовину государственная структура. У нас подобных полугосударственных институтов в принципе нет. Независимые агентства занимаются одним, государственные организации выполняют свои, возложенные на них государством, задачи. И эти две области фактически не пересекаются.

С.Р.: С чем ты связываешь *живучесть* и такую творческую активность «Ляписа Трубецкого»? Для проекта, которому уже более 20 лет, это редкость.

Я.К.: Если есть идея, то гораздо проще не только работать, но и в принципе жить. Когда у разных людей есть возможность объединиться, не душить, а поддерживать друг друга, когда дисциплина не на уровне кнута, а на уровне идеологии, – все это дает возможность проекту полноценно жить и развиваться. Конечно, есть технология выживания проекта, например, когда в группу приходит новый человек. Но, в первую очередь, это все равно идея. Поэтому «Ляпис Трубецкой» выживает именно за счет своего четкого идейного направления. Сейчас, как мне кажется, наступает кризис идеи. Когда «пророков» много, их хочется задушить, но когда их мало… А сегодня их как раз мало! И это проблема не только Беларуси, но Европы в целом. Нет объединяющего вектора, который мог бы людей схватить и куда-то повести.

С.Р.: Но в Беларуси в этом плане, можно сказать, *прекрасная* ситуация, потому что идея как бы есть, есть чему сопротивляться…

Я.К.: Да, в этом контексте в Беларуси *прекрасная* ситуация!

С.Р.: На примере «Ляписа Трубецкого» можно видеть, как развивается сознание беларусского общества. Они начинали с музыкального сопровождения театра «Бамбуки», потом был протест в легкой, ироничной форме. Последние их альбомы я бы назвала высказываниями повзрослевших людей, людей с четкой гражданской позицией.

Я.К.: Когда в социуме существует давление, то, конечно, творческому человеку идейно проявиться легче. Яркий пример – Советский Союз. Вспомни, сколько при Сталине было талантливейших людей. Можно ли сегодня в России найти таланты такого масштаба? Где Мейерхольд, Булгаков? Именно в условиях «зажима» рождается особая форма аллегории, иносказания: хочется говорить и, главное, есть о чем. Ты будешь петь: «Ежикам – грибочки, зайчикам – морковку…», а все будут думать: «Что он хотел сказать? Наверное, ежиком он назвал этого, а зайчиком – того…» и т.д. В этом плане в Беларуси хороший потенциал.

С.Р.: Связана ли такая популярность «Ляписа Трубецкого» с тем, что это группа из страны с особой политической ситуацией?

Я.К.: Я думаю, это связано, в первую очередь, с талантом *Міхалка*, его трудоспособностью и внутренним состоянием. Мне кажется, талантливые люди – это некие «мутанты». Другой вопрос – что ты с этим своим внутренним состоянием делаешь. Можешь очень быстро улететь, как Курт Кобейн, а можешь начать собою управлять. Мы живем не 10 лет, а теоретически 70–80, и нужно этот свой «полет» растянуть. Каким образом? Наверное, следует начать себя как-то ограничивать, научиться собой управлять. *Міхалок* нашел для себя спорт. В Минске и на гастролях, когда у него есть пауза, он много бегает: ему же надо куда-то это девать! Кроме того, успешный проект держится еще и на личности. Может быть

десять талантливых людей, но не будет одного вот такого «мутанта» – и проект не удастся.

Другой причиной, возможно, является идейный и эмоциональный посыл «Ляписов». Когда мы были в Германии, я вдруг отметил для себя одну вещь. Перед нами выступала группа, которая исполняла русский рок. Понятно, что по музыке, по саунду они проигрывали европейским командам. Но немцы с большим воодушевлением им подпевали. То же самое я увидел в Варшаве. Получается, что чего-то европейскому зрителю не хватает. Видимо, в «совке», кроме тоталитаризма, было еще что-то. Может быть, в этих русских песнях есть та самая душевность, которой нет в Европе. И у европейцев по этому поводу легкое ностальжи. В Европе «кризис идеи» как раз и проявляется. Нет ярких людей, которые несут какой-то конкретный месседж. Может быть, это от того, что там хорошо, а от нас идет импульс какой-то тоски, которой не хватает в Европе. Но это мое субъективное наблюдение.

С.Р.: После того как участники «Ляписа Трубецкого» открыто выступили в защиту политзаключенных после последних президентских выборов в Беларуси, коллектив попал в «черный список», который запрещает группе гастрольную деятельность на родине. В одном из интервью ты отметил, что теперь деятельность группы условно можно разделить на «до» и «после». Эти «списки» действительно сыграли такую важную роль?

Я.К.: Мы всегда старались существовать вне политики, потому что нам, мягко говоря, не нравятся все политики. После этих событий мы автоматически оказались на определенной стороне баррикад. Но самое важное, что нас ограничили в главном: мы не можем давать концерты на родине. Конечно, мы уязвлены, а наши фанаты обижены.

С.Р.: Как долго, на твой взгляд, продлится такая ситуация?

Я.К.: Мы не знаем, что будет завтра. Сегодня в Беларуси все очень нестабильно. Не удивлюсь, если осенью какой-нибудь промоутер, у которого есть особые связи, договорится с Управлением культуры, получит разрешающие бумаги и сорвет «куш».

С.Р.: Чем тебя можно сегодня удивить как меломана? Чего ты ожидаешь, когда идешь на концерт новой группы или прослушиваешь новый диск?

Я.К.: Сложно сказать однозначно. Мне кажется, сегодня мы находимся в состоянии затянувшейся паузы. Наступило третье тысячелетие, вот уже 11 лет прошло, а новых «пророков» не видно. Но я думаю, это временно. Обязательно должно что-то «выстрелить». Это будет либо революционный «скачок», либо эволюционный. И именно через музыку этот новый «пророк» проявится и расскажет нам, революция это будет или эволюция. Творческие люди, как барометры, информацию считывают раньше. Это не просто мои субъективные рассуждения. Если проанализировать появление различных новых движений, то обнаружится, что они одновременно, независимо друг от друга, возникали в разных местах. Поэтому, если наблюдается затишье, – жди бури.

С.Р.: Значит, ты ждешь?

Я.К.: Нет, я, скорее, пытаюсь эту «бурю» делать. Зачем ждать?

Кинематограф во всем мире давно работает по другим схемам. Национальная киностудия «Беларусьфильм» функционирует по советской модели, которая, очевидно, сегодня уже не работает

СНЯТЬ ХОРОШЕЕ КИНО

АНДРЭЙ КУДЗІНЕНКА – ИНТЕРВЬЮ

Пока ситуация коренным образом не изменится, в Беларуси хорошее кино не сделать

Кинорежиссер *Андрэй Кудзіненка* – один из последних учеников легендарного беларусского режиссера *Віктара Тураў*, автор нашумевшей картины «Оккупация. Мистерии». Снятый в 2004 году фильм, получив высокие оценки на европейских кинофестивалях, в Беларуси был запрещен за трактовку партизанского движения, которая «противоречит истинной правде, может оскорбить чувства ветеранов войны и оказать негативное влияние на воспитание подрастающего поколения». После этого *Кудзіненка* уехал в Москву, где снял сериал «Кадетство» и фильм «Розыгрыш», с успехом прошедшие в российском кинопрокате. В 2009 году Андрея официально пригласили на киностудию «Беларусьфильм», где он снял «Масакру», первый беларусский «бульба-хоррор» (жанр, придуманный режиссером). Именно с фигурой *Кудзіненка* независимые кинокритики связывают будущее отечественного кино, отмечая, что, какие бы споры ни возникали вокруг творчества режиссера, ему, очевидно, удалось открыть новую страницу в истории беларусского кинематографа.

Стася Русецкая: Андрэй, как вы пришли в кинематограф?

Андрэй Кудзіненка: Для меня кино – это мечта. Мне кажется, каждый мечтает снять кино. В детстве я серьезно занимался футболом и хотел стать футболистом. Тогда как раз начали показывать какие-то странные, в моем понимании, фильмы, и я был поражен тем, что, оказывается, существует какая-то *другая* культура. Очень любил фильмы про подпольщиков Второй мировой войны. Тогда мир кино воображался чем-то недосягаемым, и потому очень хотелось в него попасть. Это сейчас все стало таким доступным. Можно взять в руки камеру или фотоаппарат и снимать кино. Мне очень нравятся молодые ребята, которые пытаются что-то делать. Я стараюсь их поддерживать и продвигать. И меня удивляет, что при такой доступности технических средств особого движения среди молодежи нет. Свою «Оккупацию» я снял за 1000 долларов. Это был мой первый гонорар, полученный за какой-то рекламный ролик. После этого фильма Эмир Кустурица пригласил меня на обед. Для многих зарубежных киноманов этот фильм стал «священной коровой». А ведь просто однажды собрались какие-то «маленькие» люди, подумали: «Давайте снимем кино», – и сняли. В своем следующем фильме я хочу вернуться именно к «истокам». Все вокруг стали слишком меркантильны: хотят заработать, «осваивают» бюджет. Для меня это глупо и неинтересно. Сейчас мне удалось собрать хорошую команду профессионалов, которые разделяют мое желание снять настоящее кино или уйти из профессии. Я думаю, сегодня именно такой посыл самый важный, потому что нельзя все измерять деньгами. Деньги в кино – философская вещь, это, скорее, метафора.

С.Р.: В техническом плане действительно – снимать стало легче. Но насколько, на ваш взгляд, важно получить профессиональное образование? Вы, например, все-таки учились у одного из крупнейших беларусских мастеров кино.

А.К.: Образование, конечно, важно. Но кто сегодня преподает, например, в беларусской Академии искусств? Мы попали еще в советское время, когда были мастера, студенты ответственно подходили к процессу. Хотя *Тураў* нас ничему не учил. Он приходил на занятия, смотрел, например,

мой отрывок по «Бесам» Достоевского, а потом говорил: «Ребята, любите друг друга». Для меня это была высшая похвала. *Тураў* я считаю лучшим режиссером Беларуси. Его «Я родом из детства» – гениальная картина. У *Тураў* была способность привлекать к своим работам лучших людей, например, сценариста Геннадия Шпаликова, оператора Александра Княжинского, актера и певца Владимира Высоцкого. В этом тоже заключается мастерство режиссера. Сейчас, увы, такой серьезной школы нет. Знаменитый Московский ВГИК превратился в коммерческую структуру. С другой стороны, понятно, что научить делать кино в принципе невозможно, как невозможно, например, научить писать стихи. Есть примеры гениальных режиссеров-самоучек.

С.Р.: Со смертью *Міхаіла Пташука* в 2002 году киношкола в Беларуси фактически исчезла. Наборы продолжаются, но, очевидно, учить некому. Молодые ребята уезжают в Россию или Европу, там учатся снимать кино и редко возвращаются. В чем, на ваш взгляд, причина такого «разрыва» между старым и новым поколениями беларусских кинорежиссеров?

А.К.: Мне кажется, говорить о феномене «беларусского кино» невозможно, потому что его никогда не было. Имею в виду – аутентичного, национального кино. «Восточный коридор» Валентина Виноградова – это первое настоящее кино, снятое на студии «Беларусьфильм». Но сам Виноградов родился не в Беларуси. Дело в том, что после войны на киностудию директором пришел человек, который активно начал приглашать кадры со всего Советского Союза, старался заинтересовать, предлагал комфортные условия для работы. Поэтому на тот момент на «Беларусьфильме» действительно собрались очень серьезные и талантливые люди. Но это не национальное кино.

С.Р.: А ваша «Оккупация»?

А.К.: Вот это как раз первое независимое именно беларусское кино, которое, кстати, было сделано «вопреки» всему. На киностудии запустился *Міхаіл Пташук* со своим «Августом 44-го», под который был отдан бюджет студии за 2 года. Мы со сценаристом *Аляксандрам Качаном*

поняли, что нужно сделать что-то *другое*, за «5 копеек» Тут я как раз получил гонорар за ролик, и мы начали снимать. Актерам платил по 10 долларов, с техникой нам помогли. Так и получилось наше «вопреки».

С.Р.: Вы сразу знали, про *что* будет этот фильм?

А.К.: Нет, сначала это была шутка. Но потом подумали, что нужно сказать что-то серьезное. Уже на премьере первой новеллы «Адам и Ева» в Доме кино поднялся ажиотаж, потом пошел резонанс. Мы решили делать продолжение. Так появилась целая серия новелл, объединенных в «Оккупацию. Мистерии».

С.Р.: Через какое-то время в Беларуси вашу картину запретили…

А.К.: Да. На один из показов пришли какие-то ветераны и начали возмущаться. Потом пришла официальная уведомительная бумага.

С.Р.: После этого вы уехали в Москву?

А.К.: А что было делать? В Беларуси работать мне запретили. Денег не было. Пришлось ехать в Москву и снимать сериалы. Когда я снимал «Кадетство», позвонил Павел Лунгин, пригласил на обед и предложил снять все что я захочу. Как оказалось, он был в восторге от моей «Оккупации». Я захотел сделать какое-нибудь молодежное кино, потому что понимал: не нужно останавливаться на одной теме. После «Оккупации» мне много раз предлагали снимать про войну, но я отказывался, потому что на эту тему уже высказался и ничего нового сказать больше не смогу.

С.Р.: В 2009 году «Беларусьфильм» предложил вам снять картину. Как вы восприняли это предложение?

А.К.: Спокойно. В России как раз начался кризис, у меня слетела куча проектов. Но когда меня пригласили, я все-таки не хотел ехать. Чтобы не настаивали, написал, что хочу делать только фильм ужасов. Думал, не согласятся, но они собрали редколлегию и сказали: «Снимай».

С.Р.: А почему не хотели ехать?

А.К.: Я прекрасно понимал, какие условия меня ждут на государственной картине. Это мне принадлежит фраза, что на «Беларусьфильме» невозможно снять хороший фильм. На мой взгляд, это киностудия упущенных возможностей. Есть два действительно хороших фильма: «Восточный коридор» Виноградова и «Дикая охота короля Стаха», которые и надо было развить в национальный жанр. Тогда можно было бы говорить о беларусском кино европейского уровня. Конечно, были хорошие фильмы – и военные, и детские, – но еврокульта у нас никогда не было.

«Масакра» задумывалась как кино в первую очередь европейского формата, фильм про беларусского Дракулу. Но я на самом деле недооценил ситуацию на нашей киностудии. Сначала подумал, что у меня получится работать даже в таких условиях. Оказалось – нет. Эти два года для меня просто выброшены из жизни. На каждом этапе приходилось что-то доказывать, кого-то убеждать, причем людей, которые никакого отношения к кино не имеют. Например, стоит перед нами работница какого-нибудь планового отдела и спрашивает, почему мы едем именно в Грушевку Барановичского района. «Потому что там часовня XVIII века», – говорим мы, а она не понимает. Так же было и со сценарием: пришлось выбросить много интересных моментов, потому что про католиков не надо, грузин трогать нельзя и т.д. Каждое утро два месяца подряд мне приходилось с кем-то ругаться. Я честно пытался снимать кино. Могут ругать, хвалить, но теперь я точно знаю, что, пока ситуация коренным образом не изменится, в Беларуси хорошее кино не сделать.

С.Р.: То есть проблема заключается не только в мизерном финансировании госпроектов?

А.К.: Проблема в элементарной трусости людей. Например, директор киностудии говорит, что, мол, ты будешь делать все что хочешь. А после этого тут же начинает писать директивы. Конечно, приходилось идти на компромиссы, потому что история кино, на мой взгляд, – это история компромиссов. Кто говорит, что не идет на это, – лукавит. Хотя я сразу сказал, что не пойду на компромиссы с точки зрения изображения. Это для меня было принципиально. Если мы сняли на Kodak, дайте Kodak. Я

говорил руководству, что «король голый», изображение плохое. Меня пытались переубеждать. Абсурд ситуации заключался в том, что киностудия закупила *bestlight* оборудование, которого нет даже на «Мосфильме». Но никто не знал, как на нем работать. Пришлось вызывать людей из Москвы, чтобы показали, как им пользоваться. За два дня оборудование было освоено. Я аплодировал: можете ведь! Все были рады.

Со звуком такая же история вышла. Пришел мой звукорежиссер *Волкаў* и сказал, что есть «яма», нельзя записать «*долби сэраунд*» в маленьком помещении, нужен большой зал. А они этот зал отдают какому-то оркестру. Глупые, мелкие люди! Они не понимают, что без отдачи, без вложения хорошее кино не сделать. Но самое ужасное, что ты от них полностью зависишь.

Меня сразу удивила одна вещь. До запуска картины я несколько раз летал в Варшаву и искал партнеров для «копродакшна». На «Беларусьфильме» мне сказали, что им это не нужно. Правильно, им нечего думать о дальнейшей судьбе картины. Они получают деньги, осваивают их и хорошо живут. Зачем им европейский рынок? «Какие поляки? Давай снимать так», — сказали они мне, и я начал снимать, понимая, что вырваться из этого абсолютно невозможно. Система построена по советской модели, когда отчитывались продукцией. С той только разницей, что в Советском Союзе хорошо был развит прокат. Ты снимал кино, и оно тут же шло по всей стране. Сегодня схема осталась, но кино, после того как им «отчитались», чаще всего кладется на «полку», где «умирает».

С.Р.: Зная эту ситуацию, вы все-таки согласились снять второе кино на «Беларусьфильме»: в этом году должны были начаться съемки «*Шляхціча Завальні*» по *Баршчэўскі*…

А.К.: Да, мне сразу предложили снимать дальше. *Артур Клінаў* выступил сценаристом и предложил очень интересный сюжетный ход. Сама киностудия торопила с запуском – мол, давай запускать, потому что нужно закрыть квартал. А потом началось обсуждение сценария экспертным советом… У нас ведь до сих пор существуют экспертный и художественный советы… И вот после заседания они нам вынесли вердикт: фильм не возможен. Оказывается, тема терроризма для Беларуси не

актуальна, беларусский человек не может убить русского. В общем, начался какой-то бред, и картину закрыли.

С.Р.: Существует ли художественный совет в России?

А.К.: Да, только туда входят не случайные люди, не бабушки, а мой продюсер, оператор и я. Мы сидим на равных и обсуждаем. Да, можем спорить, не соглашаться, но все заинтересованы в качественном результате.

С.Р.: То есть ситуация с беларусским кинематографом сегодня, с одной стороны, связана с отсутствием традиции, а с другой, проблема заключается в абсолютно неразвитой индустрии?

А.К.: Да, индустрии как таковой у нас нет вообще. Кинематограф во всем мире уже давно работает по другим схемам. А «Беларусьфильм» до сих пор функционирует по советской модели, которая сегодня эффективно уже не работает, потому что мир изменился.

С.Р.: С «Беларусьфильмом» понятно: это госструктура. Но что мешает возникновению альтернативной киноиндустрии в Беларуси?

А.К.: Есть две вещи. Одна меня смущает, потому что, в принципе, появление такой альтернативы зависит от самих людей. Вот и возникает вопрос: почему при сегодняшней технической доступности молодые ребята не снимают? Где гении? Да, мир стал меркантильным, все думают о *publicity*, о прибыли, но не думают о кинематографе. Это один аспект проблемы. Второе – это, конечно, тендер, который необходимо объявлять, нужна заинтересованность в дальнейшем продвижении фильма.

С.Р.: Уже в «Оккупации» вы задали особый стиль, взгляд на Беларусь с иронией, который сохранили и в «Масакре»…

А.К.: Я шел на это сознательно. На мой взгляд, ярко выраженной национальной культуры в Беларуси нет. Беларусы – странные люди, они всегда прячутся. Поэтому нужно было сделать «выпуклое» кино. Например, фильм ужасов – «Масакру». Понятно, что это не хоррор, а кино о любви.

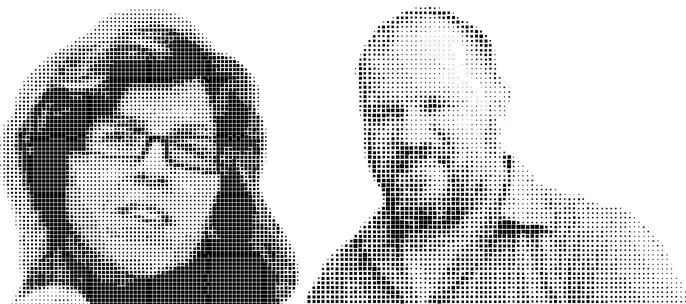
Но между тем оно стало событием, потому что это первый именно беларусский фильм ужасов. В Беларуси нужны как раз наглые вещи, такие, как, например, соломенные «истории» *Артура Клінаў*, плакаты *Уладзіміра Цэслера* или рассказы *Адама Глобуса*. Здесь живет огромное количество очень талантливых людей, которые, к сожалению, не всегда могут реализоваться в полной мере. Часто их пытаются «уравнять», привести к какому-то общему знаменателю, заставить быть как все. Когда я готовил к запуску «Масакру», искал именно «своих» людей. Позвал, например, *Клінаў* быть художником. Для работников киностудии это был ужас. Они не понимали, зачем кого-то приглашать, если в штате есть художники. Это меня тоже подстегивало и провоцировало: очень хотелось сломать все эти стереотипы.

С.Р.: Кроме того, что ирония стала вашим определенным стилем, она очень точно, как мне кажется, репрезентирует беларусскую реальность. Ирония становится одним из возможных «выходов» из той ситуации, которая наблюдается в Беларуси: смеяться, чтобы осмеивать и развенчивать…

А.К.: Да, то, что у нас происходит, действительно похоже на карнавал… Если говорить о традиции в принципе, то любая культура — это история избранных людей. Я не знаю, что такое беларусская культура. *Глобус*, *Клінаў*, *Хадановіч*… Вот недавно меня поразил молодой парень – *Віталь Рыжкоў*. Я послушал его стихи, записанные в аудиоформате, и обалдел. Так ему и сказал, на что он смутился и признался, что записывает полноценный диск. Я буду первым покупателем. Это здорово. Но это единичные люди, возможно, им и удастся что-то сделать. А большинство, к сожалению, еще сельские люди, которым культура не нужна. Помнишь историю Нади Леже, которая увидела на открытке Париж и поняла, что ей надо обязательно туда попасть. Потом она стала женой Леже. А так бы копалась в огороде… К сожалению, в Беларуси процесс выработки самосознания происходит вяло. Даже не понятно, где наконец беларусскую историю «прорвет».

ФОТОГРАФИИ – АЛЯКСЕЙ БІБІКАЎ

Министр культуры узнал, что уже на протяжении 116 лет современное беларусское искусство не было представлено в Венеции. Министр понимает ситуацию, он, может, и хотел бы похвастаться беларусскими художниками, но как ты похвастаешься людьми, критикующими систему, в биографиях которых написано «изгнанник».

ХУДОЖНИКИ ЕЩЁ ЕСТЬ

МОНИКА ШЕВЧИК, АНДРЭЙ ДУРЭЙКА – ИНТЕРВЬЮ

О состоянии современного беларусского искусства с Моникой Шевчик и *Андрэем Дурэйка* беседуют Магдалена Линковска и Павэл Ляуфэр.

Магдалена Линковска: Ты неоднократно выставляла беларусских артистов. Как ты оцениваешь это сотрудничество?

Моника Шевчик: Художественная Беларусь – это пространство, с которым галерея «Арсенал» сотрудничает очень охотно, главным образом, из-за ощущения миссии, но и из-за сходства опыта. Я прекрасно помню те времена, когда польские художники были в похожей ситуации, на периферии художественного процесса и в глубокой изоляции, когда каждый контакт с Западом и каждая возможность появления на международной выставке были очень важны.

Ощущение миссии уравновешивается ощущением какого-то бессилия. У нас очень неполный образ того, что происходит в Беларуси, и создается впечатление, что мы не попадаем в нужные места. Я не до

конца уверена в том, что нам удалось исследовать эту территорию, несмотря на то, что я несколько раз высылала сотрудников на поиски, сама ездила в Минск и Гродно, сделала в Музее современного искусства в Минске выставку нашей коллекции, к тому же, мы несколько раз организовывали выставки беларусских художников.

У меня такое впечатление, скорее, даже надежда, что должна быть группа художников, до которой мы не добрались. Во всех презентациях беларусского искусства появляется один и тот же перечень художников, и мне кажется невозможным, чтобы там не было свежей крови, какой-то группы молодых и альтернативных художников. В Украине таким явлением была, например, деятельность группы *R.E.P*, создавшей определенное сообщество. Если академия не оправдывает наших надежд, если нет хорошей государственной галереи, которая предложила бы хорошие условия художникам, то они создают (так, как *R.E.P.*) свое сообщество, выставляются в своих мастерских, создают группы поддержки, взаимодействуют, и я уверена, что это происходит и где-то в Беларуси.

Таким независимым пространством, которое занимается современным искусством, является галерея *«Ў»* в Минске. Однако ее деятельность сопровождает беспокойство о том, как долго ей удастся сохранить эту независимость.

М.Л.: Тот же перечень фамилий, о котором ты говоришь, появится и на подготовленной галереей «Арсенал» (в рамках польского председательства в ЕС) выставке «Путешествие на Восток»?

М.Ш.: В значительной степени, да. Шесть фамилий из «Путешествия на Восток» совпадают с составом художников, работы которых выставлены в галереи «Захэнта» на выставке «Открывая двери». «Путешествие на Восток» – это большой проект. В нём примут участие художники из шести государств Восточной Европы[1].

М.Л.: Как выглядит сотрудничество с Беларусью на организационном и коммуникационном уровнях? Какими партнерами для нас стали учреждения из Минска или других городов?

1 Шесть стран, входящих в программу «Восточное партнёрство»: Беларусь, Украина, Армения, Грузия, Азербайджан, Молдова.

М.Ш.: Честно говоря, не особо там есть с кем работать, ведь там – настоящий дефицит учреждений. Мы стараемся работать с независимыми кураторами, такими, как Лена Пренц. Я никогда не пробовала привлечь выставки из Беларуси через беларусские учреждения культуры и не совсем представляю, через кого я могла бы это сделать. Если мы с кем-то и сотрудничали, то с Польским институтом в Минске.

В работе учреждений культуры в Польше и Беларуси нет симметрии, и эта диспропорция не только финансовая, но и программная. Мы занимаем совсем разные позиции, у нас разный выбор. Выставка *Лявона Тарасевіча* – это предел того, что Беларусь в состоянии принять из польского искусства. Даже Музей современного изобразительного искусства в Минске, несмотря на свое название и нахождение в европейской столице, занимает очень осторожную позицию, имеющую немного общего с современным искусством.

Мне кажется, что одна из главных проблем в Беларуси – отсутствие учреждений, которые бы занимались современным искусством по сути, искали бы новые контакты, создавали бы соответствующие условия для работы художников. Там нет училищ, открытых на новое в искусстве, а не просто занимающихся обучением студентов ремеслу. Именно поэтому так много беларусов учится в польских и немецких вузах. Речь идет даже не о том, что они выбирают лучшие университеты. Те, кто действительно хочет заниматься современным искусством, не может реализоваться в стране, где официально учат только ремеслу и натюрмортам. Это отнимает энергию.

М.Л.: *Андрэй*, ты какое-то время учился в Академии искусств в Минске, как это выглядело тогда и как выглядит теперь?

Андрэй Дурейка: В Беларуси очень популярно высказывание, ставшее своеобразным девизом: музеев нет, академии нет, галерей нет, а художники ещё есть. Это означает – ситуация скверная, но не трагическая. В Беларуси как будто бы всё есть, но работает в рамках государственной номенклатуры. У нас большой Дворец искусств, у нас Союз художников, у нас Академия, но все такое же, как было при Брежневе. Профессоры-академики сидят на своих местах по 20 лет, и ничего не меняется.

В начале 1990-х власти увидели, что появились люди с разными взглядами: правыми и левыми, настроенные на современность и на развитие. В вузах, академиях, лицеях, в рамках разных дополнительных курсов формировались люди, которые создавали современное искусство. Власти поняли, что вручить им дипломы – значит легитимизировать их деятельность. За 2-3 года все было уничтожено. Тогда из вуза выбросили около 30 студентов.

В то время я принимал участие в легендарной выставке, организованной *Ігаром Цішыным* – преподавателем минского художественного учебного заведения. Выставка называлась «Уроки нехорошего искусства». Название связано с выставкой «Дегенеративное искусство», которая состоялась в Германии в конце 1930-х. На нашей выставке показали работы всех, кого выбросили из вуза. Эта презентация доказала существование современного искусства в Беларуси. Меня исключили в тот же день. Это было в 1992 году.

Я не уехал из Беларуси сразу. Тогда в Минске существовало еще несколько галерей, с которыми можно было сотрудничать, страна не была такой закрытой. Только позже ситуация изменилась настолько, что галереи, вынужденные платить огромные налоги, закрылись. Стало ясно, что политическая ситуация в стране очень скверная, в этом смысле у нас не осталось никаких иллюзий.

В 1997 г. мы организовали последнюю групповую выставку «*Todesschaft*» («Общество смерти»). Потом настало время эвакуации. Не прошло и года, как все из нашей группы выехали учиться на Запад. Мы выезжали главным образом в Польшу и в Германию. Сам я сначала планировал выехать в Познань, где закончили учебу несколько моих хороших друзей, но в итоге подался в Дюссельдорф.

Через академию в Дюссельдорфе прошло около 20 молодых художников из нашей страны. Беларусские студенты получили образование и в других странах, в учебных заведениях Парижа или Амстердама. Почти во всех ведущих европейских школах есть беларусы. Такая ситуация наполняет меня оптимизмом, ведь в течение всего XX века беларусские художники не получали образования за пределами страны. С одной стороны, скверно, что этих людей не знают на родине. С другой стороны, их знают в западных артистических кругах и через западные

сми все заинтересованные в Беларуси получают информацию об их достижениях.

Еще одним важным моментом для Беларуси является то, что в художественном процессе принимают участие многие художники, которые не имеют художественного образования, как, например, *Ігар Саўчанка* или *Артур Клінаў* либо художники, связанные со школой фотографии: *Сяргей Кажамякін*, *Уладзімір Парфянок*, *Галіна Маскалёва*, которые начинали работать еще во времена СССР. У этих людей совершенно разные взгляды на жизнь и искусство.

Павэл Ляуфэр: Как воспринимают в Беларуси *Андрэя Дурэйка*, художника, который сделал карьеру и приобрел славу за границей?

А.Д.: Гораздо более известные художники, чем я, например, *Аляксей Кашкароў*, *Аляксандр Камароў*, *Марына Напрушкіна*, чьи работы уже есть в музеях, слабо существуют в сознании артистических кругов в Беларуси. О них не говорят, потому что кто о них будет говорить? Или их друзья, или люди из академии, которые всегда повторяют какие-то байки, создают мифы. Не знаю, имеет ли наша деятельность на Западе какое-то влияние на молодых художников из академии.

П.Л.: Так какой же бывает реакция официальных художественных кругов или администрации, когда они узнают, что художник белорусского происхождения становится известен в мире? Стремятся ли они похвастаться этим и приписать себе успех или молчат об этом?

А.Д.: Кажется, реакция двойственная. У меня такое впечатление, что в последнее время в этом смысле что-то начало меняться. Например, в Музей современного искусства после ухода *Шаранговіча* назначили… госпожу *Шаранговіч*.

П.Л: Жену?

А.Д.: Дочь. Да, это звучит, как анекдот, но в нашей культуре коррупция, клановость являются нормой, хотя новая директор лучше понимает, что времена изменились, и что необходимо менять культурную политику.

Одной из первых ее инициатив была попытка организовать выставку *Лявона Тарасевіча*. Она попросила меня позвонить ему по этому вопросу. Однако идея не осуществилась, так как *Тарасевіч* заявил, что он уже делал выставку в Беларуси и знает, как это выглядит. Как раз в то время в Музее искусства в Витебске зарисовали его работу, которая находилась там с 1990-х, со времен Фестиваля современного искусства «*in-formation*».

На протяжении двух лет шли дискуссии о необходимости участия Беларуси в Венецианском биеннале. Министр культуры узнал, что уже на протяжении 116 лет современное беларусское искусство не было представлено в Венеции. Министр понимает ситуацию, он, может, и хотел бы похвастаться беларусскими художниками, но как ты похвастаешься людьми, критикующими систему, в биографиях которых написано «изгнанник».

В этом и сложность. Я встретился в Венеции с *Міхаілом Баразной*, который был куратором беларусского павильона. Он является ректором Беларусской государственной академии искусств в Минске, что показывает, каким образом министр выбирает тех, кто имеет право презентовать страну за ее пределами. Коротко это выглядит так: министр выбирает куратора, этот выбор ему сделать очень просто: ты – руководитель академии, значит, тебе и быть куратором. Потом обращается к директору Музея современной культуры: ты – директор, тебе и быть

комиссаром. Ректор приходит к декану факультета архитектуры интерьера и проектирования и говорит: будешь делать экспозицию. Декан, в свою очередь, идет к художникам и говорит: есть работы? Есть! Ну хорошо, я их беру. Открытие биеннале будет 31-го, художники приезжают 32-го, и все готово. Естественно, я утрирую, люди, которые это готовят, не такие наивные, это все-таки люди искусства, но бюрократия огромная, и здесь не идет речь о настоящей, независимой, профессиональной экспозиции.

М.Л.: Моника, как ты восприняла беларусский павильон?

М.Ш.: Если говорить о выборе художников, то он, скажем так, цивилизованный. Действительно, он более близок к современности, но это своего рода компромисс для всех сторон: со стороны художников и со стороны музея, в котором провели поиск и решили, что нельзя показать ничего другого. Таким образом, там есть *Артур Клінаў* и *Віктар Пятроў* – люди, которые долгие годы функционируют в пространстве современного искусства и уже являются классиками. Они однозначно безопасны, ведь с их артистическим продуктом уже невозможно дискутировать, это невозможно подвергать сомнению. Мы еще увидим, какими будут комментарии после этой экспозиции и как они повлияют на культурную политику Минска. Одна ласточка весны не делает, важно, будет ли эта тенденция продолжена через два года.

П.Л.: *Андрэй*, что нужно изменить, чтобы художники не выезжали из Беларуси?

А.Д.: Во-первых, в Беларусской академии не хватает людей, которые могли бы преподавать. В последнее время я очень удивился, открыв, что у некоторых моих коллег, которые долгие годы занимаются искусством, есть огромные пробелы в знаниях. Они не знают, например, кто такие Барнетт Ньюмен или Эд Рейнхардт. Или другие художники американской школы. Без этих знаний вообще не было бы разговора в школах Дюссельдорфа или Амстердама.

Имея возможность сравнить систему обучения на Западе и в Беларуси, я считаю, что академия должна быть более открытым заведением. Не может быть так, чтобы одни и те же кадры по 20 лет занимали одни и те же должности. На Западе они все время меняются, и мы также должны избавиться от этой советской системы обучения и творчества, в которой работаешь «от» и «до». Художник подвластен индивидуальному ритму.

Еще одной проблемой является Музей современного искусства. Это учреждение является современным только по названию. Оно теснится в бывшем ресторане и продолжает выглядеть, как когда-то. Ничего не изменилось, даже осталась та же плитка. Ничьи работы не будут хорошо выглядеть в такой сценографии. Сейчас идут переговоры о передаче музею дополнительной площади в парке Челюскинцев.

Круг тех, кто занимается искусством в Беларуси, плотно замкнут. Во всех заведениях одни и те же имена. Это еще одна проблема. В Минске попадаешь в один круг и из него невозможно найти выход.

В Беларуси почти нет независимой прессы, которая могла бы реагировать на искусство. Не хватает людей, которые могли бы заниматься художественной критикой, которые говорили бы, что хорошо, а что плохо, и почему.

М.Л.: Какие явления, события, места, борющиеся с таким положением дел, можно считать очевидными и выразительными примерами?

А.Д.: В последние годы начала работать галерея «Ў», о которой уже вспоминала Моника. Когда-то она называлась «Подземка». Её роль для Минска в это время очень важна. Это наполовину коммерческая галерея

и этим очень мне нравится. С одной стороны, галерея реализует коммерческие проекты и продает художественные произведения, с чем в Минске все еще очень сложно, а с другой стороны, владельцы галереи пробуют разные стратегии презентации искусства. Галерея очень похожа на клуб или центр культуры, где кроме выставок делают доклады, проводят дискуссии, кинопоказы и концерты. Но здесь и появляется проблема, ведь в Минске умеют считать только до одного. Есть одна галерея. Такая монополистическая ситуация страшно опасна.

Галерее *«Ў»* не хватает четкого видения и художественной стратегии. Вообще они занимаются нужным делом, но этого мало. Должна появиться конкуренция, ведь искусство – это борьба форм, и без этого не будет никакого развития, наоборот – в определенный момент появится коррупция и эхо кланов. Не является ценностью и то, что вокруг этой галереи собрался замкнутый круг заинтересованных лиц.

Если же речь идет о важных событиях, то два года тому назад появилась выставка, «Павильон Беларуси 53-го Венецианского биеннале»[2]. До 2011 г. Беларусь не принимала участия в биеннале в Венеции. В 2009 г. *Руслан Вашкевіч* вместе с молодым куратором *Лізаветой Міхальчук* организовал большую выставку современного беларусского искусства, чтобы показать, что есть художники, которые могут нас представлять на большой международной выставке.

Другим важным событием стал уже 12-й фестиваль «Дах». Это мероприятие, которое поочередно проходит в Берлине и в Минске. Однако оно направлено более на андеграундовые явления, имеет совершенно иную эстетику, более трэшевую или постпанковскую, с большим количеством импровизации и перформансов.

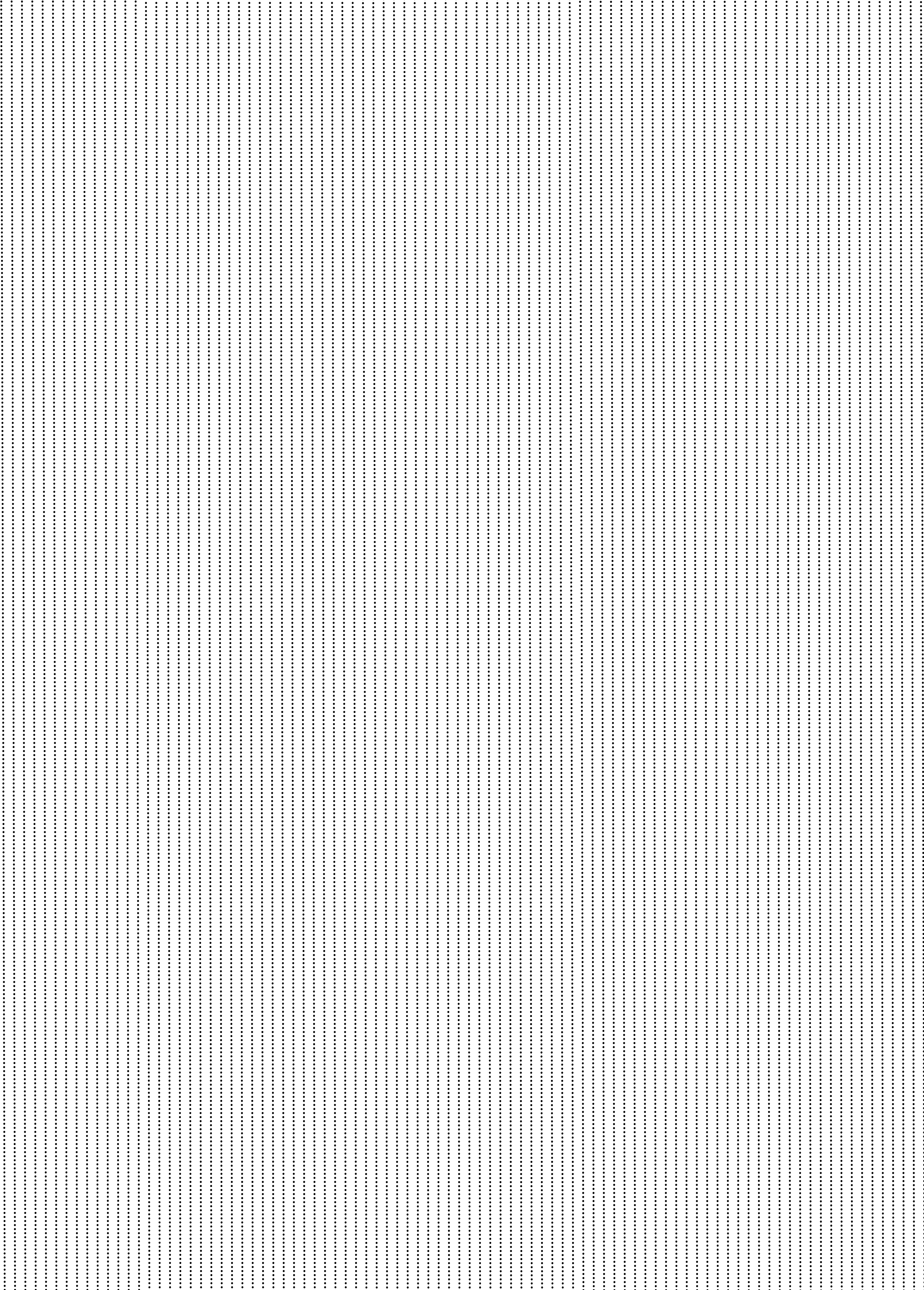
2 В июне 2009 года в Национальном выставочном центре «Белэкспо» в Минске был открыт павильон Беларуси 53-го Венецианского биеннале. Мини-презентацию выставленных произведений искусства, названную «Независимым павильоном Беларуси», должны были поместить на передвижную полку и перевезти на Биеннале в Венецию, в качестве презентации беларусского современного искусства. Эти два события, кроме сходства названий, должны были обратить внимание на состояние современного беларусского искусства, которое маргинализируется в культурной политике страны. Подробнее на сайтах: http://contemporarybelarus.wordpress.com/tag/niezalezny-pawilon-bialorusi-na-biennale-w-wenecji/ и http://art-podzemka.livejournal.com/13033.html

М.Ш.: Проект Независимого беларусского павильона на 53-й биеннале в Венеции, о котором вспомнил *Андрэй*, это позитивный пример наступающих перемен. Естественно, реализации проекта в Венеции не было, но в какой-то степени это вызвало появление беларусского павильона в 2011 году. Ясное дело, те, кто принимал участие в проекте два года назад, вообще не были причастны к нынешнему проекту, но это был важный шаг. Половинчатая победа с непредвиденным итогом, но всё же.

М.Л.: Беларусское искусство или вообще искусство стран Восточной Европы становится для на все более интересным. Или это только мода?

М.Ш.: Думаю, это долгосрочная заинтересованность. Она долго блокировалась нашим комплексом младшего брата и сосредоточенностью на Западе. Теперь, когда ситуация изменилась, мы можем взглянуть на вещи шире. Пространство бывшего СССР стало более интересным. С одной стороны, здесь сработал фактор сообщества: у нас похожий опыт, похожий тип впечатлительности и говорим мы на похожих языках. С другой стороны – сила прогресса, динамика резких перемен. Восток – это кипучий котел, который сложно найти на Западе. Парадоксально, но только освобождение Центральной и Восточной Европы от принудительного братства разбудило в нас взаимную заинтересованность.

НПО **АНАЛИЗЫ**

Юры Чавусаў, Ассамблея демократических
неправительственных организаций Беларуси, по заказу
'Solidarity with Belarus' Information Office (www.solidarityby.eu)

Влияние национального законодательства на деятельность политических партий и иных некоммерческих организаций

В настоящее время в Беларуси существует большое число актов законодательства (законов, указов и декретов президента, постановлений правительства и др.), так или иначе регулирующих вопросы деятельности некоммерческих организаций (НКО). Только нормативных актов и решений местных органов власти, в которых в качестве объекта регулирования упоминаются общественные объединения, насчитывается свыше 200. При этом специальными нормативными актами урегулированы лишь некоторые аспекты деятельности НКО, зарегистрированных на территории Республики Беларусь. Основная регламентация осуществляется в рамках актов законодательства, распространяющих свое действие на все юридические лица, – таких, например, как Гражданский кодекс, Трудовой кодекс и т.д. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: многие из нормативных актов имеют предмет регулирования в сфере НКО и в то же время важные вопросы деятельности НКО остаются неурегулированными.

Это связано с общей ограничительной направленностью законотворческой деятельности в области регулирования НКО: законодатель чаще стремится ограничить либо поставить под контроль уже существующие аспекты деятельности НКО, а не создать либо институционально оформить новые механизмы функционирования гражданского общества. Исключения из этого общего правила крайне редки. Часто

совершенствование законодательства в области правового регулирования НКО и партий связано с приданием законной формы тем незаконным либо сомнительным ограничительным практикам, которые и ранее предпринимались государственными органами.

ОБЩИЕ РАМОЧНЫЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Законодательную основу правового положения НКО в Беларуси составляют Конституция, закрепляющая право граждан на свободу объединений, и Гражданский кодекс, определяющий виды и организационно-правовые формы юридических лиц. По некоторым из организационно-правовых форм НКО приняты специальные акты регулирования (законы, указы), а так же действуют подзаконные акты (инструкции) по отдельным вопросам их деятельности. Среди них существенным актом является постановление Министерства юстиции от 30 августа 2005 г. №48, которое устанавливает образцы документов и правила их подачи для регистрации общественных объединений и политических партий, профессиональных союзов, а также их территориальных структур и союзов этих организаций. Однако деформация правовой системы Беларуси обуславливает искаженную оптику правового регулирования: влияние Конституции и Гражданского кодекса на развитие сектора НКО менее существенно по сравнению с влиянием указов президента, причем иногда изменение указа влечет за собой изменение закона или даже Гражданского кодекса.

Гражданский кодекс подразделяет все юридические лица Беларуси на два вида: коммерческие организации и НКО, при этом критерием разделения является цель деятельности организации. Согласно статьи 46 Гражданского кодекса, НКО могут создаваться для достижения социальных, природоохранных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и юридических лиц, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи в соответствии с законодательством, а также в иных целях, направленных на достижение

общественных благ. НКО могут создаваться также для удовлетворения материальных (имущественных) потребностей граждан и юридических лиц, в случаях, предусмотренных законодательством.

Кодексом выделяется ряд организационно-правовых форм НКО, которые условно могут быть разделены на два типа исходя из критериев «объединения на основе членства» и «объединения на основе имущества»:

- **общественные и религиозные организации (объединения)** – это добровольные объединения граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей;
- **республиканские государственно-общественные объединения** – основанные на членстве НКО, целью деятельности которых является выполнение возложенных на них государственно значимых задач;
- **объединения юридических лиц (ассоциации и союзы)** – это НКО, созданные по договору между собой коммерческими организациями и (или) индивидуальными предпринимателями в целях координации их предпринимательской деятельности, а также представления и защиты общих имущественных интересов, либо объединения НКО;
- **фонды** – это не имеющие членства НКО, учрежденные гражданами (гражданином) и (или) юридическими лицами (юридическим лицом) на основе добровольных имущественных взносов, преследующие социальные, благотворительные, культурные, образовательные, содействующие развитию физкультуры и спорта, научные или иные общественно полезные цели, указанные в уставе фонда;
- **учреждения** – это организации, созданные собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемые им полностью или частично;
- **потребительские кооперативы** – это добровольные объединения граждан либо граждан и юридических лиц на основе членства с целью удовлетворения материальных (имущественных) и иных потребностей участников, осуществляемое путем объединения его членами имущественных паевых взносов.

Влияние национального законодательства на деятельность политических партий и иных некоммерческих организаций

Перечень организационно-правовых форм НКО, содержащийся в Гражданском кодексе, не является исчерпывающим. Например, адвокатские коллегии или территориальные органы общественного самоуправления являются особыми формами НКО, которые непосредственно не прописаны в Гражданском кодексе.

Основной и наиболее распространенной, привычной в Беларуси формой НКО являются общественные объединения (общественные организации). В эту когорту включаются *политические партии, профессиональные союзы, религиозные организации*, а так же *общественные объединения в узком смысле* (не относящиеся ни к одной из трёх перечисленных групп). По каждой из этих четырех подкатегорий действует специальный закон, определяющий правовое положение этих НКО. В эти законы постоянно вносятся изменения и дополнения, направленные на большую регламентацию деятельности этих НКО. Так, сравнительно прогрессивный на момент принятия закон 1994 г. «Об общественных объединениях» в результате редакций 1999 и 2005 годов стал существенно ограничивать их деятельность, а проведенное под лозунгом «либерализации» реформирование закона в начале 2010 г. не улучшило его содержание.

Важно отметить, что именно общественные объединения остались в общественном сознании «настоящими НКО» – это связано с тем, что такого рода организации известны беларусам с советской эпохи. Например, активная вотч-дог организация «Общество охраны памятников» была создана еще в 70-е годы прошлого века под контролем советской власти. Во многих законодательные актах нормы, направленные на структуры гражданского общества, упоминают лишь общественные объединения, но ничего не говорят об иных формах НКО. Так, лишь общественные объединения могут заниматься многими формами общественного контроля, высказывать мнение общественности в гражданском суде по делам третьих лиц, выдвигать представителей в состав избирательных комиссий, общественных советов и т.д. Из всех НКО лишь общественные объединения могут быть заявителями массовых мероприятий (митингов, шествий, демонтраций).

Иные формы НКО (фонды, учреждения, кооперативы) имеют меньше подобного рода специфических прав и являются менее привычными для беларусов. Однако этот недостаток пока компенсируется меньшим

вниманием законодателя к регулированию этих форм. Так, до 2005 г. регистрация в форме фонда являлась убежищем для тех инициатив, которым было затруднительно зарегистрироваться в форме общественного объединения: в форме фонда они не могли выдвигать наблюдателей на избирательные участки, но могли иметь государственную регистрацию в качестве юридического лица, получать пожертвования и проводить мероприятия.

До сих пор подобную функцию «убежища» выполняет организационно-правовая форма «учреждение». В период президентских выборов 2010 г. в этой форме осуществлялась даже политическая кампания. Это связано с тем, что для данной формы отсутствует специальный законодательный акт регулирования, и эта форма НКО подпала под общий процесс либерализации деятельности коммерческих юридических лиц: они до сих пор должны регистрироваться по заявительному принципу, в отличие от фондов и общественных объединений, создаваемых по разрешительному принципу.

В совокупности акты законодательства создают сложные условия для создания общественных объединений и фондов, а также устанавливают сложный порядок их регистрации с возможностью произвольного отказа в регистрации. На практике отказы в регистрации новых НКО в Беларуси являются очень распространенными и зачастую политически мотивированными. Регистрирующими органами являются органы министерства юстиции, их решения могут быть обжалованы в суде. Однако суды по таким жалобам никогда не признают необоснованность решений об отказе в регистрации, практически всегда принимая сторону органов юстиции.

Серьезным препятствием для регистрации новых НКО, в том числе профсоюзов, религиозных организаций и политический партий является необходимость иметь офисное помещение в нежилом здании, как для общенациональной, так и для самой малой организации. Любое НКО или даже небольшое отделение политической партии или общественного объединения (такие отделения могут создаваться и тремя учредителями и не иметь статуса юридического лица) не может быть зарегистрировано с адресом на частной квартире основателя. В этом ярко проявляется отход беларусского законодательства от общепризнанных стандартов правового регулирования НКО: общепризнано,

что условия деятельности НКО не должны быть хуже, чем условия для деятельности коммерческих организаций, однако беларусское законодательство позволяет учредителям частных унитарных предприятий иметь юридический адрес в частной квартире, что недоступно ни для одной из форм НКО.

СПЕЦИФИЧЕСКАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ И НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Нормативное ограничение и контроль над деятельностью НКО по отдельным направлениям деятельности не является распространенной практикой в Беларуси. Скорее можно говорить о том, что такие ограничения и контроль в правозащитной, молодёжной сфере осуществляются на практике, не будучи закрепленными формально.

Однако особым вниманием законодательства пользуются те структуры, которые действуют без государственной регистрации. Запрет деятельности незарегистрированных общественных объединений и фондов и уголовная ответственность за такую деятельность остаются важным фактором, ограничивающим деятельность незарегистрированных групп. Это фактор обуславливает практически подпольный характер большинства незарегистрированных инициатив, включая политические, и их существование под постоянной угрозой санкции со стороны государства.

Со времени принятия Декрета президента от 26 января 1999 г. №2 в Беларуси запрещена деятельность объединений, не имеющих государственной регистрации. Позднее этот запрет был внесен в Законы «О политических партиях» и «Об общественных объединениях», а за его нарушение была установлена административная ответственность с возможным наказанием в виде штрафа или ареста на срок до 15 суток.

С 2005 г. ситуация с запретом деятельности незарегистрированных объединений значительно ухудшилась, поскольку была установлена уголовная ответственность за такую деятельность. Законом от 15 декабря 2005 г. в Уголовный кодекс Республики Беларусь была внесена статья 193-1 «Незаконная организация деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их

деятельности». Она предусматривала наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до двух лет за участие в деятельности политической партии, другого общественного объединения, религиозной организации или фонда, не имеющих государственной регистрации (независимо от целей или рода деятельности такого объединения). В ранее существующую статью 193 Уголовного кодекса, которая наказывает за деятельность общественного объединения, нарушающего права граждан, была внесена часть 2 с повышенной ответственностью в виде лишения свободы на срок до 3-х лет, если эта деятельность осуществляется незарегистрированным объединением или партией.

Правозащитными организациями на 1 мая 2011 г. известно об обвинительных приговорах по статье 193-1, вынесенных в адрес 18 человек за период 2006-2009 гг. Оправдательных приговоров по статье 193-1 не было зафиксировано. Кроме того, выносились и выносятся официальные предупреждения прокуратуры с требованием прекратить незаконную деятельность без регистрации с угрозой привлечения к уголовной ответственности по статье 193-1 в адрес членов ликвидированных и незарегистрированных НКО. С учетом практической невозможности зарегистрировать НКО, которое является нежелательным для действующего правительства, наличие этой статьи делает невозможным нормальную реализацию свободы ассоциаций в Беларуси.

В период 2003-2005 гг. в Беларуси прошла волна принудительной ликвидации общественных объединений через решения судов. Основания для ликвидации при этом были чаще всего не обоснованные законодательно либо основывались на незначительных и мелких нарушениях подзаконных актов (вроде правил оформления бумажных бланков). При этом большинство этих НКО продолжили действовать, несмотря на то, что власти отказывали им в попытках зарегистрироваться заново и на наличие уголовной ответственности за деятельность без регистрации. Принудительная ликвидация через решение Верховного суда применялась и в отношении политических партий: в 2004 году была ликвидирована Партия Труда, в 2007 г. – Экологическая партия зеленых «БЭЗ» и партия женщин «Надзея».

Участие НКО в выборах (выдвижение кандидатов, представителей в состав комиссий, наблюдателей) регламентируется Избирательным кодексом. Основным субъектом тут являются политические партии,

однако и полномочия иных общественных объединений значительны. В целом статус партий отличается в этой сфере лишь тем, что партии могут выдвигать и кандидатов в депутаты, в то время как общественные объединения могут выдвигать только представителей в состав комиссий и наблюдателей.

Получение отечественных пожертвований (от физических лиц либо в виде спонсорской помощи) возможно как для партий, так и для всех иных форм НКО. При этом пожертвования от юридических лиц (спонсорская помощь) могут осуществляться только на цели, установленные особым указом президента. Финансирование партий из-за рубежа либо с участием средств зарубежного происхождения запрещается. Получение же пожертвований и грантов из-за рубежа иными формами НКО осуществляется через получение предварительного разрешения со стороны особого контрольного органа. На практике это влечет за собой частое нарушение этих норм многими НКО, однако власти в основном смотрят на эти нарушения сквозь пальцы (за редкими исключениями, связанными с получением политического финансирования из-за рубежа).

Членские взносы до недавнего времени были важной составляющей финансирования общественных объединений. Однако с начала 2010 г. новый Налоговый кодекс установил, что суммы членских взносов освобождаются от налогообложения лишь в том размере, который определен уставом организации. Предпринимательская деятельность возможна для фондов и учреждений, частично возможна для политических партий (продажа атрибутики), но для иных общественных объединений может осуществляться лишь через основание общественным объединением отдельного коммерческого юридического лица.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ НКО И ПАРТИЙ

Указанные рамочные условия и ограничения по видам деятельности налагают отпечаток на развитие НКО, в том числе и партий. В силу неблагоприятного климата для деятельности НКО низовые грассрутс-инициативы в Беларуси не становятся профессиональными и редко развиваются до уровня НПО. Соответственно, ограничения на создание НКО и общий

контроль за гражданской активностью приводит к тому, что сектор НКО испытывает недостаток «подпитки снизу»: локальные инициативы настроены, скорее, на самороспуск после достижения поставленных задач, и лишь некоторые из них (чаще всего в лице одного-двух лидеров) переходят в профессиональный общественный сектор.

Число общественных объединений не растет.

	30 октября 2003 г.	1 января 2004 г.	1 января 2005 г.	1 января 2006 г.	1 марта 2007 г.	1 января 2008 г.	1 января 2009 г.	1 января 2010 г.	1 января 2011 г.
Число вновь зарегистрированных общественных объединений (за соответствующий год)	94	155	61	85	100	94	–	94	134
Общее число зарегистрированных общественных объединений (на обозначенную дату)	2248	2214	2259	2247	2248	2255	2221	2225	2325

По данным, Министерства юстиции, по состоянию на 1 января 2011 г. в стране зарегистрировано 35 профессиональных союзов и 22790 профсоюзных организаций, 2325 общественных объединений, из них 231 международное, 675 республиканских и 1419 местных. Зарегистрировано и поставлено на учет 35634 организационных структур общественных объединений. Зарегистрировано 25 союзов (ассоциаций) общественных объединений, 99 фондов (международных – 10, республиканских – 4 и местных – 85).

В Беларуси зарегистрировано: физкультурно-спортивных общественных объединений – 561, благотворительных общественных объединений – 393, молодежных общественных объединений – 216 (из них детских – 32) просветительских, культурно-досуговых, воспитательных общественных объединений – 204, общественных объединений,

объединяющих национальные меньшинства – 109, общественных объединений инвалидов войны и труда, ветеранов – 83, научно-технических общественных объединений – 79, общественных объединений сторонников охраны природы, памятников истории, культуры – 67, творческих общественных объединений – 49, женских общественных объединений – 31 и прочих общественных объединений – 533.

В 2010 году Министерством юстиции и управлениями юстиции облисполкомов, Минского горисполкома зарегистрировано 134 новых общественных объединения (5 международных, 15 республиканских и 114 местных), 14 новых фондов (1 международный и 13 местных). Указанная Министерством юстиции статистика свидетельствует о количественном росте регистрируемых общественных объединений. Показатель вновь зарегистрированных в 2010 году общественных объединений является наивысшим годовым показателем с 2003 г. Наиболее активно в 2010 г. создавались спортивные общественные объединения, их количество составило 49. Остальные общественные объединения по предмету деятельности могут быть распределены следующим образом: досуговые, любительские – 24; помощи инвалидам, инвалидов – 7; национальных меньшинств – 5; экологические, устойчивого развития, агро- и экотуризма – 5; профессиональные – 4; пропаганды здорового образа жизни – 3; помощи животным – 3; иные благотворительные – 3; защиты потребителей – 2; женские, гендерной направленности – 2; ветеранов – 1; иные – 17 (не выделяются в отдельную категорию молодёжные объединения, но их число значительно). В территориальном измерении наибольшее число общественных объединений было зарегистрировано в Минске – 54 организации, а из областей – в Брестской области (16 организаций). Напротив, в Минской области было зарегистрировано только 3 новые организации, а в Могилевской области – лишь 5 новых общественных объединений. За указанный период не зарегистрировано ни одно общественное объединение, имеющее правозащитный характер деятельности либо ставящее перед собой цель демократических изменений (информация Центра правовой трансформации).

На данный момент государственную регистрацию в Беларуси имеет 15 политических партий и 976 местных партийных организаций, но лишь немногие из них ведут активную деятельность (оживление партий в 2010 г. в связи с участием в двух избирательных кампаниях носило

скорее формальный характер). Для регистрации политических партий необходимо не менее чем 1000 учредителей, представляющих большинство областей страны и город Минск. Основания для отказа в регистрации сформулированы в законодательстве таким образом, что позволяют органам юстиции выносить отказ в регистрации произвольно, на основании собственного толкования мнимых нарушений порядка создания партии. В результате с 2000 г. в Беларуси не было зарегистрировано ни одной новой политической партии. Многим группам, которые хотели создать политическую партию, власти отказали в регистрации: Партии Свободы и Прогресса было четыре раза отказано в период 2003-2009 гг, власти так же отказали в регистрации Партии Беларусская Христианская Демократия, Беларусская партия трудящихся, а также Беларусской коммунистической партии трудящихся.

При этом несколько политических групп действуют без легальной регистрации (в качестве «организационных комитетов по созданию партии»), не видя возможности зарегистрироваться из-за своего оппозиционного отношения к действующим властям. Территориальные отделения партий также сталкиваются с отказами в регистрации по незначительным поводам. В целом незарегистрированные политические группы обладают большей свободой маневра по сравнению с зарегистрированными: они не боятся потерять регистрацию, не связаны обязанностью иметь свыше 1000 членов и определенное число областных отделений. Так же незарегистрированные партии («оргкомитеты») априори не являются субъектом получения финансирования, что позволяет им на изначально нелегальной основе более свободно заниматься фандрейзингом, привлекая финансирование из-за рубежа, часто выступая при этом как организация гражданского общества либо СМИ, не являющееся политической партией.

Практика регистрации профессиональных союзов демонстрирует неблагоприятное отношение к объединениям, не входящим в Федерацию профсоюзов Беларуси, которая поддерживает правительство. Отсутствие свободы объединения рабочих в профессиональные союзы неоднократно становилось предметом критики в адрес Беларуси со стороны Международной организации труда и в том числе было поводом для осуществления в отношении Беларуси специальных процедур расследования и санкций.

РАЗРАБАТЫВАЕТСЯ НОВЫЙ ЗАКОН «О НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ»

В Беларуси по инициативе администрации президента разрабатывается проект закона «О некоммерческих организациях». Этот новый нормативно-правовой акт затронет интересы всех общественных объединений, учреждений, политических партий, профессиональных союзов, религиозных организаций и других некоммерческих организаций. Его разработка должна была быть закончена Министерством юстиции в декабре 2010 г., а в марте 2011 г. законопроект должен был быть представлен в парламент. Однако в установленный срок проект не был внесен в парламент, а разработанный министерством совместно с институтом законопроектной деятельности первоначальный проект был возвращен разработчикам для исправления, поскольку он получил негативные отзывы многих влиятельных НКО, а так же ряда министерств.

В течение 2010 г. рядом заинтересованных НКО осуществлялись попытки повлиять на содержание будущего законопроекта. Общим для всех этих попыток было то, что заинтересованные организации в течение почти всего 2010 г. не имели доступа к концепции законопроекта, которая имелась у разработчиков. В министерство юстиции были направлены предложения религиозных, социальных, благотворительных, экологических, правозащитных организаций. Степень координации усилий этих субъектов в 2010 г. была незначительной: скорее имел место обмен информацией об уже осуществленных действиях при проведении круглых столов, иногда согласовывались отдельные планы будущих действий. Планирование скоординированных совместных действий стало осуществляться только в конце 2010 г., когда текст разработанного Министерством юстиции проекта закона оказался «слит». Попытки привлечь общественно-консультативный совет при администрации президента к процессу диалога по законопроекту не увенчались успехом.

Исходя из доступного неофициально текста законопроекта, можно сделать следующие выводы. Законопроект стремится установить для всех форм НКО те жесткие нормы и ограничения по регистрации, которые теперь существуют для общественных объединений: законопроект ликвидирует возможности для регистрации учреждений и ассоциаций

по заявительному принципу. Так же не оправдались надежды на установление в законе возможности регистрации НКО в жилом помещении по месту жительства учредителя, как это предусмотрено теперь для частных унитарных предприятий. Усложняется и увеличивается отчетность НКО перед госорганами, вводится понятие конфликта интересов в работе НКО. Запрещается создание учреждений для лиц, которые ранее были учредителями общественных объединений, ликвидированных решением суда.

Некоторые нормы законопроекта можно оценить как улучшающие положение НКО. Они явно взяты из предложений, направленных разработчикам закона в течение прошлого года. Многие НКО считают, что законодателю следует больше внимания уделить не ограничительным и контрольным нормам, а тем позитивным положениям, которые способствуют развитию НКО: нормам о создании общественных советов при государственных органах, о развитии государственного социального заказа и о статусе организации социальной значимости. Введение понятия «конфликта интересов» свидетельствует о понимании законодателем многих проблем НКО. Подобные нормы создают благоприятный климат для НКО, и именно они должны составлять ядро нового закона, если он действительно направлен на развитие некоммерческого сектора.

Можно констатировать, что в предложенном виде законопроект был направлен на «высвобождение» гражданской инициативы в дозволенных рамках (против ранее предпринимавшегося тотального репрессивного либо административного контроля). Поскольку он не предусматривал отмены существующих специальных законов об общественных объединениях, политических партиях и профсоюзах, его возможное позитивное влияние будет в любом случае иметь ограниченный характер.

Беларусские НКО в целом пока не выражают активной заинтересованности в работе над законопроектом, занимают пассивную позицию. Те НКО, которые заинтересованы в активной работе над проектом, можно разделить на две группы: 1) лоббирующие некий конкретный интерес отдельной НКО либо группы НКО; 2) лоббирующие общий интерес гражданского сектора. Кроме того, наблюдается расхождение по методике отстаивания интересов. Некоторые НКО считают, что

наилучшим путем будет «коридорное» лоббирование, в котором высокопрофессиональные лоббисты будут вести переговоры с органами власти и парламентариями. Другие видят в работе над законом дело общей важности, в котором должны участвовать многие НКО, объединенные коллективной целью. Противоречия между этими подходами скорее тактические, не принципиальные по сути отстаиваемых интересов.

В настоящее время в процессе принятия закона наметилась определенная пауза. По сообщениям чиновников, эта пауза продлится по крайней мере до конца 2011 г. Таким образом, остается время для продвижения интересов НКО при принятии жизненно важного для них законодательного акта.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Разработка и принятие нового закона об НКО создаёт благоприятную возможность для влияния на законодательное регулирование НКО в Беларуси. В частности, этим моментом можно воспользоваться для ликвидации пробелов в законодательном регулировании и внедрения в законодательство позитивных норм по европейским стандартам. Следует обратить внимание, что в сопроводительной записке к первоначальному варианту законопроекта его авторы уделили много внимания европейскому опыту правового регулирования НКО.

Перспективы значительного улучшения рамочных условий для деятельности НКО и политических партий сомнительны. Вероятно, не радикальные перемены, но корректировка плохих норм является возможной целью. Например, статья 193-1 Уголовного кодекса уже была оценена беларусскими властями как норма, подлежащая возможной корректировке (в 2009 г. было заявлено о замене уголовной ответственности за деятельность незарегистрированных организаций на административную).

Важно обращать внимание беларусских законодателей на «диалоговые» нормы – те, в отношении которых есть общий консенсус, что они должны быть в беларусской правовой системе, но нет видения законодателя о том, как именно они должны выглядеть (социальный заказ,

омбудсмен, переход к пропорциональной избирательной системе, иные нормы избирательного законодательства). При этом важно отметить, что разговоры о скором введении пропорциональной избирательной системы пока являются голословными – такая реформа, скорее всего, потребует изменения норм конституции об отзыве депутатов, что маловероятно. В целом реформирование избирательного кодекса следует рассматривать как отдельную проблему, обособленную от проблемы правового статуса политических партий и НКО.

Государство будет обращать особое внимание на правовое регулирование относительно новых форм НКО – фондов, учреждений и потребительских кооперативов. И, поскольку эти формы играют зачастую роль «убежища» для общественных инициатив, крайне важно способствовать осуществлению законодательного регулирования в этой области на основе европейских стандартов. Этому может способствовать активное взаимодействие с беларусскими законотворческими органами и теми непарламентскими институтами, которые реально влияют на законодательный процесс: соответствующие управления администрации президента, национальный центр законодательства и правовых исследований, конституционный и верховный суд, министерство юстиции и иные ведомства.

ЮРЫ ЧАВУСАЎ, АССАМБЛЕЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ. АНАЛИЗ, ВЫПОЛНЕННЫЙ ПО ЗАКАЗУ 'SOLIDARITY WITH BELARUS' INFORMATION OFFICE (WWW.SOLIDARITYBY.EU), 10 ИЮЛЬ 2011 Г.

Сегодня в Беларуси любая попытка объединиться не под контролем власти, а также проявление самостоятельности в мышлении и поведении, так или иначе, попадают в сферу политики, согласия или несогласия с политическим курсом президента и правительственных структур.

ВАЦЛАЎ АРЭШКА

ТРЕТИЙ СЕКТОР В БЕЛАРУСИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ОТ ИСТОКОВ

Беларусские общественные или неправительственные организации, или, как их часто называют, третий сектор, имеют давнюю историю. Культурные, интеллигентские кружки, образовательные инициативы, организации самопомощи возникают на территории современной Беларуси еще в XIX веке. Гражданские инициативы развивались и на беларусских землях II Речи Посполитой, и даже в коммунистической БССР.

Тенденция, которая и сегодня во многом определяет образ третьего сектора Беларуси, сложилась еще в советскую эпоху. Это – существование двух принципиально разных течений, претендующих на то, чтобы представлять общественные движения. Одно направление состояло из прогосударственных или напрямую созданных государством

организаций, задача которых при Советах заключалась в том, чтобы контролировать и направлять идеологию, моральность, образ жизни, образование и воспитание по возможности большего количества граждан. Такими структурами были практически все официально разрешенные в СССР и БССР «общественные организации»: спортивные клубы, профессиональные общества, объединения писателей и художников, филателистов и любителей чтения, детские «неполитические» организации – «пионеры» и «октябрята», даже танцевальные или хоровые кружки.

Другое направление – это та волна «неформальных» инициатив (люди собирались вместе, чтобы откровенно, без «идеологии» обсуждать вопросы искусства и философии, обмениваться «самодельными» переводами западной фантастики, слушать «Битлз» и т.д.), которая в последнее десятилетие до «перестройки» захлестнула весь Советский Союз. Ростки гражданского общества все больше прорывались сквозь тоталитарный «асфальт». Справиться с этим стихийным движением не смогли ни партия, ни КГБ. Начинался распад советского общества, всей системы «социалистического лагеря».

В Беларуси еще в конце 1960-х стали возникать неформальные кружки художников, литераторов, научных работников, которые пытались бороться за культурное возрождение нации. В 1980-х именно беларусские культурные инициативы оформились в первые «настоящие» организации «неформалов» – так тогда в партийных инструкциях и советской прессе называли новые, независимые от коммунистического руководства общественные движения.

Компартия и комсомол отчаянно пытались контролировать неформалов, иногда – предлагать им «помощь», создавая «псевдонеформальные» структуры. Но было поздно. Стремление к свободе, гражданская инициатива народа уже сами определили свой путь. На базе культурных и молодежных неформальных организаций осенью 1988 года стал создаваться Беларусский народный фронт — организация, ставящая своей целью не только культурное возрождение, но и политическую свободу Беларуси.

В конце 1980-х – начале 1990-х структуры гражданского общества – общественные организации и движения – тысячами возникали в стране, которая в 1991 г. стала независимой. Почти все – без всякой внешней поддержки, на средства и по инициативе как бы проснувшихся

от тоталитарной спячки граждан. Большинство этих организаций просуществовало недолго, но на их базе стали формироваться структуры, которые серьезно задумывались о своих целях и задачах, о будущем развитии. Стали налаживаться контакты с партнерскими и донорскими организациями. Одним из первых протянул руку беларусскому гражданскому обществу Фонд Сороса. Примером для беларусов стал ближайший сосед – Польша, где политические и социальные перемены зашли намного дальше, чем в Беларуси.

В этот период до 1995 г. в постсоветской Беларуси сложилась ситуация, резко отличавшаяся от предыдущей. Теперь расцветали независимые от государства общественные организации. Они пользовались поддержкой общественного мнения, прессы, стали находить каналы финансовой помощи. Многие из прежних «государственных НГО» либо прекращали свое существование, либо прозябали на скудном государственном пайке. Некоторые, имевшие в целом полезные для общества задачи, как, например, Общество охраны памятников, постепенно становились «более общественными», «настоящими» НПО.

Этот период закончился после избрания президентом Беларуси *Лушкашэнка*. Придя к власти в 1994 г., директор совхоза стал строить систему вертикального управления страной безо всякого общественного контроля. Начав «войну со свободой», *Лукашэнка* в 1996 г. атаковал и третий сектор. Из страны был выдворен Фонд Сороса, а затем и другие спонсорские организации. Был принят жесткий декрет о перерегистрации общественных организаций, партий и профсоюзов. Основанием для перерегистрации и регистрации стала в первую очередь лояльность к власти. В результате огромная часть организаций лишается регистрации. Затем была введена криминальная ответственность за «незарегистрированную деятельность». Работа в НПО становится все более опасной.

Лукашэнка восстановил советский принцип построения общественного сектора: стал поддерживать или создавать искусственные проправительственные «общественные» структуры. Так, оживлялись различные объединения «ветеранов войны и труда», воссоздавались молодежные и детские организации. Самым ярким примером стал БРСМ — «Белорусский республиканский союз молодежи», созданный на деньги налогоплательщиков «передовой отряд» воспитания в духе сервильности и фальшивого патриотизма.

В середине 1990-х, в русле советских тенденций, установился принцип, по которому разделились беларусские НПО: одни идентифицировали себя как «демократические», для других это определение было неприемлемым или непонятным. Созданное в 1997 г. крупнейшее объединение беларусского третьего сектора, включавшее к 1999 г. около 700 организаций, без колебаний назвало себя Ассамблеей Неправительственных Демократических Организаций Беларуси.

Война режима *Лукашэнка* с гражданским обществом продолжается более 15 лет. До 1999 г. в Беларуси было около 2500 зарегистрированных организаций. После перерегистрации их стало в два раза меньше. Сейчас регистрация остается жестким ситом, через которое в большинстве своем проходят те, кто признан «полезным» диктатуре. За эти годы сотни активистов НПО были подвергнуты судебному преследованию, сотни офисов разгромлены. Работа в полуподполье стала привычной для тех активистов гражданского движения, которые позиционируют себя как «демократические».

Стремясь балансировать между российской поддержкой и финансовым сотрудничеством с Западом, Лукашенко в 2008–2010 гг. попытался предъявить международному сообществу спектакль под названием «либерализация». В чем это проявилось?

На уровне власти больше стало разговоров о демократии и правах граждан. Реже стали арестовывать активистов, зарегистрировали несколько организаций с демократическим имиджем, пригласили экспертов от третьего сектора в «общественные советы» при диктатуре. Европе разрешили поиграть в диалог с режимом при участии НПО в рамках Восточного партнерства.

После президентских выборов в декабре 2010 г. «либерализация» закончилась. Опять начались обыски и аресты. Кончилась либеральная риторика.

СЕГОДНЯ

Третий сектор – это часть общества, в котором он существует. А современное беларусское общество очень далеко от принципов нормального гражданского общества. Как и в большинстве стран, входивших ранее в

СССР, оно демонстрирует недостаток организованного гражданского участия, не имеет устойчивых либеральных традиций и отличается низким уровнем социального доверия и социальной кооперации. Значительная часть населения сохраняет советские традиции общественной жизни, законсервированные режимом *Лукашэнка*, и ориентируется на государственный и корпоративный патронаж. Люди полагаются не на взаимопомощь, а на индивидуальные формы артикуляции своих приватных интересов. При Советах были разрушены традиционные формы социальных коммуникаций. Это одна из причин того, что и сейчас стремления к гражданской самоорганизации и солидарности очень слабы. Понимание того, что объединившись люди сами могут защитить свои права и интересы, изменить условия жизни, приходит медленно.

Те, кто приходит в третий сектор, – это своего рода элита беларусского общества. В большинстве своем это люди, осознавшие необходимость социальной солидарности, перспективы объединенной работы по артикуляции своих интересов и защите прав. У них довольно высок уровень образования – по данным социологов, около 80% имеют высшее образование. Как правило, они чувствительны к таким ценностям, как свобода, права человека, независимость, они обладают высоким уровнем мотивации для общественной деятельности. Многим из них именно НПО дают возможность найти среду единомышленников и самореализоваться. Таким образом, в Беларуси именно третий сектор концентрирует людей, ориентированных на социальные и политические перемены, готовых работать в этом направлении и имеющих для этого необходимые качества: высокий уровень образования, амбиции, коммуникативные навыки и знания, невостребованные в государственных структурах.

Правда, все сказанное не имеет отношения к «государственному» третьему сектору, который работает по принципам бюрократических структур. В нем воспитывается смена лукашенковской «вертикали» или находят место ее отставные начальники.

Как и все беларусское общество, третий сектор можно разделить на три части по принципу отношения к власти.

Если представить себе всю массу организаций, распределенную на воображаемой оси, то с одной стороны будет сконцентрировано несколько сотен НПО, однозначно позиционирующих себя как демократические. Среди них, независимо от рода деятельности – будь то

правозащитные, молодежные, образовательные или культурные, – значительная часть не зарегистрирована.

С другой стороны оси располагается масса организаций, инспирированных властью или декларирующих свою лояльность. Среди них незарегистрированных не бывает, как не бывает спонтанных, «выросших снизу» grassroots-инициатив.

Между этими «полюсами» располагается немало организаций самого разного направления. Их отличает обычно подчеркнутая «аполитичность». Но, хотя они не заявляют о своей приверженности «идеалам демократии», многие из таких организаций тоже являются настоящей школой демократии и пространством растущего гражданского общества Беларуси. Часто это типичные grassroots, большинство возникло как общественные инициативы для артикуляции своих «малых», локальных проблем или просто как клубы по интересам. Но в процессе отстаивания своих прав, защиты интересов или просто регистрации они вступают в отношения с властью, которые мобилизуют участников, – иногда даже на протесты против равнодушия или произвола чиновников.

Среди этой части НПО есть объединения любителей животных, которые постепенно трансформируются в организации по их защите, экологические организации, ведущие борьбу за здоровую среду и против строительства АЭС, организации инвалидов и социально незащищенных, которым приходится отстаивать свои права. Здесь можно найти огромный резерв инициативы, мотивации и солидарности, реализация которого и без громких политических лозунгов способствует размыванию авторитарной, корпоративистской и патерналистской модели лукашенковского социума.

Не будем возвращаться к провластным GONGO. Эти структуры, как и в советском обществе, являются общественными только номинально.

Наиболее развитым, структурированным и профессиональным «сегментом» третьего сектора являются «продемократические» организации.

Можно задать вопрос: почему мы так часто повторяем «демократические» или «проправительственные», оцениваем отношение НПО к власти? Ведь в цивилизованном мире «третий сектор» – это именно «третий», не государственный, не политический, а гражданский. Активисты беларусского третьего сектора часто спорят об участии своих

организаций в политике, о степени сотрудничества с политическими структурами. Некоторые НПО существуют в своеобразном «симбиозе» с политическими партиями, являясь для них резервом рекрутации и финансирования.

Но в Беларуси, где нормальная политическая деятельность фактически находится под запретом, любая инициатива, любая попытка объединиться не под контролем власти, а также проявление самостоятельности в мышлении и поведении попадают в сферу политики, согласия или несогласия с политическим курсом президента и правительственных структур. Недаром и сам диктатор, и большинство населения определяют всех, кто организованно действует для защиты своих прав, как «оппозицию». Так в «оппозиции» оказываются и партии, выставляющие кандидатов на выборах, и правозащитники, наблюдающие за ходом выборов, и независимые от власти профсоюзы, и автомобилисты, требующие удобных парковок, и художники, не желающие, чтобы их работы для выставок проходили государственную цензуру.

Таким образом, среди демократических НПО развиваются почти все направления, которыми обычно занимаются эти структуры гражданского общества.

В Беларуси, как уже говорилось выше, давнюю демократическую традицию имеют культурные и художественные инициативы. Сегодня защита культурных прав и национальных традиций остается актуальной, как и 50 лет назад. В этом направлении работают такие мультиинициативы, как «Будзьма», или более узконаправленные, например, «БМА» («Беларуская Музычная Альтэрнатыва»), объединение художников «*Пагоня*» и многие другие – как крупные, так и локальные и региональные – организации.

Одна из самых развитых отраслей НПО в Беларуси – и это естественно для недемократического общества – организации правозащитного характера. Крупнейшие из них – «Вясна» и Беларусский Хельсинский Комитет – пользуются известностью и авторитетом не только среди оппозиционеров.

Образовательные организации также имеют давнюю традицию и широкую популярность. От тренировки гражданских лидеров до методической помощи провинциальным учителям – этим не исчерпывается спектр их деятельности.

Образовательная сфера близка к краеведению, особенно популярному в регионах, и к организациям любителей истории. История и краеведение не случайно занимают важное место в работе третьего сектора. В любом несвободном обществе история и коллективная память – это инструменты пропаганды и манипуляции общественным сознанием.

Молодежные организации в Беларуси часто наиболее политизированы и радикальны. Именно они попадают под особенный надзор и прессинг властей, а молодежные активисты чаще других подвергаются репрессиям – от отчисления из учебных заведений до тюремных сроков. Со стороны диктатуры на молодежь направлены усилия БРСМ, многочисленных идеологов и «воспитателей». И эти усилия тоже не проходят даром: безразличие, отсутствие живых инициатив часто характерны для студенческой жизни беларусских университетов, институтов и училищ.

Немногочисленные не подчиненные государству профсоюзы держатся особняком среди демократических НПО, но тоже находятся в противостоянии с властью. Как НПО позиционирует себя объединение демократических журналистов – БАЖ.

К третьему сектору относят себя некоторые экспертные сообщества Беларуси. Наиболее влиятельное сегодня – Беларусский Институт Стратегических исследований (BISS).

Особое место среди НПО занимают крупные объединения организаций. Самым влиятельным остается Ассамблея Неправительственных Демократических Организаций Беларуси. Она объединяет около трехсот организаций самых разных направлений, работающих во всех регионах Беларуси. Ассамблея сегодня – это в основном сетевая структура, помогающая отстаивать интересы третьего сектора. Одной из своих задач Ассамблея считает изучение беларусского гражданского общества, формирование его целей и стратегий.

Крупные региональные организации, объединения организаций часто выполняют функции ресурсных центров, помогая другим структурам решать стоящие перед ними задачи. Объединением таких ресурсных организаций была Беларусская Ассоциация Ресурсных Центров (БАРЦ). Возглавлявший ее Александр Милинкевич, экс-кандидат на президентских выборах 2006 г., теперь руководит «Движением за свободу» – организацией, которая позиционируется как НПО, но своими целями и характером деятельности стоит ближе к политическим партиям.

Старый спор о политизации третьего сектора сегодня приобретает в Беларуси новый характер.

ЧТО ЗАВТРА?

После выборов декабря 2010 г. Беларусь изменилась. Это показали результаты выборов: там, где благодаря общественному контролю удалось установить реальное количество голосов, отданных кандидатам, выясняется, что *Лукашэнка* не избран на пост президента. Об этом говорят результаты социологических исследований.

Диктатор и его режим получают все меньше поддержки от общества. Социальный контракт, который на протяжении нескольких лет удовлетворял и власть, и общество, теряет свою силу. Власть уже не в состоянии поддерживать обещанный уровень жизни, а народ проявляет все меньше лояльности к этой власти.

Каково в этой ситуации значение структур гражданского общества? Должны ли они взять на себя роль политических организаций, проявив инициативу в борьбе за перемены, или выступить медиатором между властью и оппозиционными силами? Какую стратегию общественные организации выберут для себя или предложат обществу?

Эти вопросы все больше волнуют беларусский третий сектор. Часть организаций видят свою роль в том, чтобы помогать развитию отношений с Европейским Союзом и содействовать позитивному влиянию с его стороны. С этими целями сформировалась довольно влиятельная группа, называющая себя Национальной платформой Форума гражданского общества Восточного партнерства.

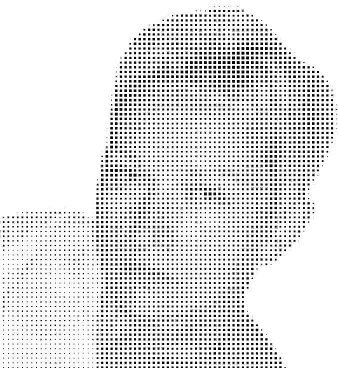
Но самое важное, что происходит сегодня в пространстве гражданского общества Беларуси, – это то, что начинает рушиться стена страха и равнодушия, которая удерживала многих людей от шагов к взаимному сотрудничеству, к солидарности, к борьбе за свои интересы. Безо всякой внешней поддержки, часто без участия «профессионалов» от третьего сектора возникают инициативы для оказания помощи политическим заключенным, для протеста против роста цен и падения уровня жизни. Этих инициатив и их участников становится все больше. Именно они

сейчас оказываются впереди многих теоретиков и лидеров гражданского общества.

Возможно, именно эти новые действительно народные grassroots начнут настоящее движение к переменам и свободе и определят будущее гражданского общества Беларуси.

ВАЦЛАЎ АРЭШКА

Правовая среда, в которой функционируют беларусские неправительственные организации, очень нестабильна. На протяжении последних 15 лет закон изменялся прежде всего для того, чтобы облегчить режиму *Лукашэнка* устранение самых активных и сильных структур.

АГНЕШКА КОМОРОВСКА

БЕЛАРУССКИЙ ТРЕТИЙ СЕКТОР ЗА РЕШЕТКОЙ ПАРАГРАФОВ

Современный неправительственный сектор в Беларуси начал развиваться после 1990 года, на волне движения за независимость. Тогда сосуществовали организации с коммунистическими корнями и старыми, развитыми структурами и новые, возникающие снизу. В то время государство не ограничивало деятельность организаций, но и особенно им не помогало. В течение пяти лет, до 1995 года, появилось около 1000[1] новых общественных организаций, действующих в различных сферах, их деятельность редко имела политический характер. Они беспрепятственно развивали свои структуры и расширяли сферу деятельности.

Ситуация изменилась с приходом к власти *Лукашэнка*, а также после проведения в 1995 и 1996 референдумов, посвященных таким вопросам, как беларусский язык и национальные символы, основанные на традициях независимой Беларуси.

1 *Nadzieje. Złudzenia. Perspektywy. Społeczeństwo białoruskie 2007*, коллективная работа под ред. Марты Пейды, общество «Восточноевропейский демократический центр», Варшава – Минск, 2007, с. 6.

Многие организации направили тогда свою деятельность на препятствование этим тревожным тенденциям. Появились первые инфраструктурные организации, например, Объединение продемократических НПО Беларуси и Беларусская ассоциация центров поддержки НПО.

ДЕКРЕТ, ПРАВО, ЛИКВИДАЦИЯ

Правовая среда, в которой функционируют беларусские неправительственные организации, очень нестабильна. На протяжении последних 15 лет закон изменялся прежде всего для того, чтобы облегчить режиму *Лукашэнка* устранение самых активных и сильных структур.

Критическим годом для продемократического неправительственного сектора был 1999 год, когда вступил в силу декрет президента РБ № 2 «О некоторых принципах, регулирующих деятельность политических партий, профсоюзов и других общественных организаций». При регистрации организации он предусматривал необходимость получения разрешения на ее деятельность, а не только объявления о ее создании, как было раньше. В то же время, декрет запрещал деятельность организаций, не зарегистрированных в соответствии с новой процедурой, а также предусматривал административные штрафы за деятельность таких организаций. Кроме того, декрет предусматривал возможность отказать в регистрации организации из-за целей, методов ее работы, названия или членства. С тех пор решение о регистрации организации (а на практике, чаще всего, об отказе в регистрации) принимает Республиканская комиссия по вопросам регистрации, работа которого не подлежит никакому общественному контролю.

В соответствии с новой процедурой, введенной декретом, все существующие организации и политические партии должны были заново пройти регистрацию. Среди зарегистрированных в 1998 году общественных объединений (их было 2191, без профсоюзов), процедуру перерегистрации прошли только 1326[2]. Очень многие организации даже не смогли собрать полный комплект необходимой документации.

2 Т. Кузьменкова, *Третий сектор Беларуси: проблемы становления и развития*, Минск, 2004, с. 10-11.

Очередная волна ликвидации прошла после президентских выборов 2001 года как реакция на активное участие третьего сектора в избирательной кампании *Сямёна Домаша* – кандидата в президенты от Объединенной оппозиции, – а также организацию независимого наблюдения за выборами. Власти были удивлены силой, масштабом и способностью самоорганизации третьего сектора.

В марте того же года появился декрет президента № 8 «Об улучшении правил получения и использования иностранной помощи». Он предписывал необходимость регистрации каждого проекта, реализуемого на территории Беларуси при поддержке иностранных инвесторов, в созданной специально для этой цели Комиссии по вопросам гуманитарной помощи при Президенте РБ[3] и получение разрешения на его реализацию. Комиссия могла также предоставить налоговые льготы, например, для проектов, финансируемых в рамках европейской программы *TACIS*. Кроме того, декрет предусматривал административные штрафы за невыполнение этой процедуры, а также возможность ликвидации такой организации.

В такой атмосфере в результате массовых проверок, проведенных среди неправительственных организаций под надуманными предлогами в 2003–2005 годах, закрыто 347 организаций[4].

В то время нелегальными стали многие старейшие и наиболее заслуженные продемократические неправительственные организации в Беларуси: гродненская «Ратуша» (организация, основанная *Аляксандром Мілінкевічем*), гомельская «Гражданские инициативы», Молодежный центр «Контур», Объединение беларусских студентов, Фонд имени братьев *Луцкевічей* и самая известная правозащитная организация – Центр прав человека «*Вясна*». С тех пор многие организации продолжают свою деятельность без регистрации, а новые инициативные группы сознательно не предпринимают попыток зарегистрироваться.

В ходе подготовки к президентским выборам 2006 года власти Беларуси в ускоренном темпе приняли ряд поправок в Уголовный кодекс и другие законы под общим грифом «антиреволюционного закона».

3 Декрет президента РБ № 24 от 28 ноября 2003 г. «О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи».

4 См.: *Nadzieje. Złudzenia. Perspektywy. Społeczeństwo białoruskie…*, с. 9.

Режим очень боялся повторения сценария украинской оранжевой революции, но официально представил свои шаги, как превентивные меры, предпринимаемые на случай общественных волнений в стране.

Одним из изменений было добавление статьи 193.1 в Уголовный кодекс РБ – «Незаконная организация деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их деятельности». Эта статья предусматривает уже не административную, а уголовную ответственность в виде штрафов, ареста до 6 месяцев или лишения свободы сроком до 2 лет за организацию или участие в деятельности запрещенной организации. К тому же, лица, являющиеся учредителями ликвидированной организации, на основании данной статьи не могут учреждать новых организаций.

В 2006–2009 годах на основании этой статьи осуждено 17 человек. Статья, однако, имеет гораздо больший эффект и служит в первую очередь как инструмент запугивания. В 2010 и в 2011 гг. на основании этой статьи прокуратура начала посылать предупреждения организациям и участникам событий после выборов 19 декабря 2010 года.

ПРОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СИЛА

Очень трудно представить конкретные данные о количестве и структуре независимых организаций в Беларуси. Исследования – по очевидным причинам – отсутствуют.

По официальным данным на январь 2011 года было зарегистрировано 2325 общественных организаций: 561, действующих в области отдыха и спорта; 393 – благотворительные; 204 – образовательно-воспитательные; 216 – по работе с молодежью; 83 организации инвалидов войны, пенсионеров и ветеранов; 67 организаций, занимающихся охраной природы, культурных объектов и памятников; 49 художественных объединений; 31 женская организация; 533 организации, занимающиеся другими видами деятельности.

Государство с 1999 года последовательно сталкивало в подполье продемократические организации, одновременно значительно поощряя и поддерживая появление новых лояльных структур. К ним относятся Беларусский республиканский союз молодежи, Беларусская

национальная организация пионеров, Беларусский комитет молодежных организаций и пролукашенковский Союз писателей Беларуси. Они насчитывают от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч членов, у них есть средства на деятельность и много привилегий.

Число членов Ассамблеи продемократических НПО Беларуси с 700 в 2004 году уменьшилось сегодня до 287 зарегистрированных и незарегистрированных организаций, причем доля незарегистрированных организаций-членов растет с 2008 года и в настоящее время составляет 60%.

По данным исследования, проведенного в 2008–2009 годах в 446 организациях, незарегистрированные организации занимаются чаще всего поддержкой национальной культуры, истории и краеведения, образованием, самоорганизацией жителей на локальном уровне и защитой прав человека[5].

За эти годы третий сектор разделился на политизированные организации и на находящиеся в стороне от политики. На желающих зарегистрироваться и тех, которые этого не делают сознательно. На те, которые считают, что сотрудничество с властями возможно и тех, кто считает такое сотрудничество поддержкой режима и решительно его отвергает. Последние страдают из-за отсутствия стабильного финансирования, из-за ограничений в контактах с общественным мнением и целевыми группами.

Тем не менее, независимый третий сектор имеет на своем счету несомненные успехи. Некоторые считают, что сам факт его непрерывного существования – это огромное достижение. Это «поддерживание огня» и соревнование с властями в конкурсе «Кто умнее», вероятно, будет в ближайшее время основной задачей независимых НПО.

Третий сектор продвигает также новые идеи и ценности. На его счету несколько социальных кампаний, затронувших важные социальные и политические темы. Это, в частности, аполитичные кампании, продвигающие социальную активность среди молодежи и направленные на улучшение имиджа общественных организаций; кампании по использованию беларусского языка мобильными операторами и частными радиостанциями, а также по продвижению беларусскоязычных музыкальных

5 *Беларусский сектор НГО: потенциал для перемен*, Минск, 2009, с. 37, таблица № 9.

групп. Были проведены и кампании в пользу альтернативной военной службы, а также против смертной казни, локальные и национальные кампании против строительства АЭС на территории Беларуси.

Независимые неправительственные организации сыграли важную роль и в кампании по активному участию в президентских выборах с независимыми кандидатами в 2001 и 2006 годах. Они организовали независимый мониторинг выборов в 2006, 2008 и 2010 годах, защиту Курапат – места сталинских преступлений, а также протестовали против «модернизации» исторического центра Гродно.

Учитывая ничтожные силы, средства и конкуренцию в виде пророссийской пропагандистской государственной махины, продемократическим организациям и независимым СМИ удалось добиться огромного успеха, которым является изменение имиджа беларусского языка. Именно благодаря им язык не только не исчез, но стал синонимом более высокого социального статуса. В начале 2000-х реклама, адресованная молодежи и людям с более высокими доходами, готовилась коммерческими фирмами на беларусском языке. Из языка малообразованных людей из провинции он стал языком протестующей на улицах молодежи, независимых деятелей культуры, людей с прозападными взглядами и нонконформистской позицией, пользователей Интернета и новых информационных технологий[6].

Среда независимых неправительственных организаций очень активно отозвалась на предложения, содержащиеся в программе Восточного партнерства. Был создан и активно работает Беларусский форум гражданского общества, объединяющий около 60 организаций[7]. Представитель беларусских продемократических неправительственных организаций был избран председателем Управляющего комитета из 17 членов на первом Форуме гражданского общества в 2009 году в Брюсселе. В настоящее время представитель Беларуси выполняет обязанности вице-президента.

6 См.: *Nadzieje. Złudzenia. Perspektywy. Społeczeństwo białoruskie…*, с. 57.

7 K. Pełczyńska-Nałęcz, *Integracja czy imitacja? UE wobec wschodnich sąsiadów, «Prace OSW»* № 36, Варшава, апрель 2011, с. 43.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В БЕЛАРУСИ – ЗАДАНИЯ

С провозглашением независимости в 1991 году Беларусь довольно быстро установила контакты с Европейским союзом. Основой, на которую опирались эти отношения, было Соглашение о партнерстве и сотрудничестве и *TACIS* – программа поддержки стран бывшего СССР. Беларусь достаточно быстро стала членом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Беларусь получила статус специального приглашенного гостя в Совете Европы. Развитию контактов должны были способствовать подписанные в 1995 году соглашения о партнерстве и сотрудничестве.

Вскоре политическая ситуация в Беларуси стала ухудшаться. Первые президентские выборы в 1994 году, на которых победил неизвестный представитель коммунистической номенклатуры *Аляксандр Лукашэнка*, оспариваются оппозицией, и с тех пор отношения между Минском и Брюсселем ухудшаются. В 1995 году Беларуси было отказано во вступлении в Совет Европы в качестве полноправного члена в связи с недемократическим характером уже парламентских выборов. Переход Беларуси к авторитарному режиму привел к замораживанию Соглашения о партнерстве и сотрудничестве уже в 1996 году. Кульминационным пунктом кризиса было лишение Беларуси в 1997 году статуса специального приглашенного гостя в Совете Европы. Практически единственным местом контактов и диалога осталась консультационно-наблюдательная миссия ОБСЕ, созданная в 1997 году. Тогда сформировались рамки деятельности ЕС в отношении Беларуси, которые, в основном, определяют политику ЕС в отношении Беларуси и по сей день.

С тех пор *Лукашэнка* неоднократно показал себя как непредсказуемого партнера. Существующие тогда инструменты политики ЕС, направленные на соседние государства, в случае Беларуси оказались абсолютно неэффективными. Условием их эффективности было желание данной страны интегрироваться с ЕС и стремление к демократическим и рыночным реформам. Функционирующая с 1991 года программа *TACIS* очень быстро стала заложником режима. Средства, которыми она располагала, могли быть потрачены только по согласованию с

беларусскими властями. Контролировались и средства, выделенные для оппозиционных организаций, СМИ и элит[8].

Беларусь, рассматриваемая в ЕС как последний бастион авторитаризма в Европе, оставалась неудобной европейской страной, которая не занимала никакого особого места в политике ЕС. Эта ситуация начала изменяться только после расширения ЕС в 2004 году. Был введен запрет на въезд в ЕС высокопоставленных чиновников, участвовавших в фальсификации выборов и пацификации мирных демонстраций. Ограничивались двусторонние отношения между ЕС и Беларусью. В то же время, Европейская комиссия подготовила документ, декларирующий желание сближения с Беларусью при условии позитивных сигналов со стороны властей в Минске. Помощь ЕС была ограничена гуманитарными проектами, программами регионального и трансграничного сотрудничества, а также такими проектами, которые должны были прямо или косвенно способствовать демократизации[9].

Важным шагом стало решение об увеличении помощи развивающемуся гражданскому обществу в рамках Европейской инициативы в области демократии и прав человека *(EIDHR)*. Это значительно более гибкий инструмент, чем *TACIS*. Решения, касающиеся поддержки проектов, не зависят от мнения Минска. Новейшим этапом в отношениях между ЕС и Беларусью является Восточное партнерство, Беларусь – одна из шести стран, включенных в эту инициативу.

Европа для того, чтобы иметь возможность реально влиять на Беларусь, должна преодолеть несколько препятствий. Прежде всего, ей необходимо найти способ доставить относительно небольшие, как на условия ЕС, средства зарегистрированным и незарегистрированным беларусским организациям. Этого можно достичь в рамках *EIDHR*, например, за счет увеличения средств для ре-грантинга в рамках одного проекта. Необходимо уменьшить собственный вклад, требуемый от беларусских организаций, – он не должен превышать 15% от общей суммы проекта.

В перспективе Европе нужны новые инструменты, работающие по более простым и гибким правилам, которые позволили бы оказать

8 K. Charman, *Belarus: The Foreign Aid Dilemma*, в: *EU and Belarus: Between Moscow and Brussels*, Лондон, *The Federal Trust*, 2002, с. 387–406.

9 *Беларусь: сценарии реформ*, под ред.: Р. Вайниене, Э. Круликовской, Ю. Плосконки, В. Романова, Варшава, Фонд им. Стэфана Баторыя, 2003, с. 105 и 110.

поддержку обществам, движениям и инициативам в недемократизирующихся и нереформирующихся странах, таких, как Беларусь; инструменты, способные быстро оказать помощь в таких ситуациях, как революции в Египте или Тунисе в начале 2011 года.

ЕС должен запрограммировать долгосрочную, стабильную помощь гражданскому обществу, а также зарегистрированным и незарегистрированным организациям.

Необходимо также обеспечить свободное перемещение по ЕС как можно более широкой группе беларусских граждан. Наиболее эффективным шагом ЕС по этому вопросу была бы односторонняя отмена виз при условии сохранения черного списка чиновников администрации *Лукашэнка*.

ПОЛЬСКАЯ ПОМОЩЬ БЕЛАРУСИ

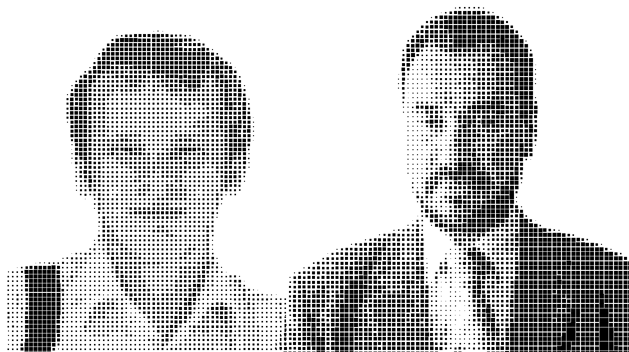
Программа «Польская помощь» сталкивается с аналогичными проблемами, что и помощь ЕС. Наиболее актуальным вопросом является создание более гибких временных рамок реализации проектов «Польской помощи», отмена необходимости реализовать их и рассчитываться по ним в рамках календарного года, а также (как и в случае оказания помощи ЕС) возможность использования ре-грантинга.

Польские власти должны уважать принципы сотрудничества, разработанные оппозиционными политическими партиями, независимыми СМИ и неправительственными организациями, и попытаться поговорить на тему области и масштаба польской помощи Беларуси с представителями всех этих групп одновременно, не создавая искусственных разделений.

Появление на базе бывшего фонда «Знать как» („*Wiedzieć jak*") Фонда международной солидарности – это первый шаг к реализации идеи Польского фонда поддержки демократии. Это хорошо, что внедрение постулатов, представляемых в течение многих лет польскими организациями в области демократизации, в последнее время набрало обороты. Будем надеяться, что этот фонд использует лучший европейский и американский опыт, и Польша скоро получит эффективное, компетентное, без бюрократических абсурдов агентство для поддержки продемократических рыночных изменений в различных частях мира, особенно в Беларуси.

АГНЕШКА КОМОРОВСКА

Проверенное правило гласит: во время дороги надо всегда останавливаться в самых популярных трактирах. Это же касается и выбора партнера в проекте. Особенно партнера с Востока.

МАРЭК МЛЫНАРЧИК, ПАВЭЛ ПРОКОП

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ВОСТОКЕ

Неправительственные организации на Востоке часто называются общественными организациями – таким образом, используется, с одной стороны, российская терминология – *общественные организации*, а с другой, английская – *Civil Society Organizations*, которой часто пользуются мировые грантодатели (например, *EuropeAid, UNDP,* Всемирный банк). Мы считаем, что термин «общественные организации» в контексте ситуации организаций на Востоке является более подходящим, чем термин «неправительственные организации». Главным аргументом в пользу использования прилагательного «общественный» является его характер. Очень часто они действуют неформально (например, пробелы в актуализации документации учреждений, отсутствие постоянного офиса), стихийно (от проекта к проекту), исключительно на общественных началах (иногда, несмотря на долгий период отсутствия финансирования, проводятся локальные мероприятия, обеспечивающие непрерывность функционирования). На самом деле, это группы людей, которые объединяются вокруг определенных действий, а не организованные учреждения, исполняющие определенные задания. Прилагательное «неправительственный», на наш взгляд, больше подчеркивает институциональный (связанный с фактом выполнения определенных общественных заданий), а не общественный (самодостаточность деятельности) характер организации, а в случае

организаций на Востоке мы чаще всего имеем дело с таким общественным характером деятельности. Конечно, это определенный идеальный вид, можно сказать, прообраз НПО. С другой стороны, очевидно, что общественные структуры со временем формализуются.

ФОН ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Одной из причин функционирования НПО на Востоке скорее в общественном, чем в неправительственном плане является низкий уровень участия общества в публичной жизни. Бюрократическая модель функционирования администрации, которая в Польше уже в значительной мере в прошлом, часто доминирует у наших восточных партнеров. Она проявляется в типичном иерархическом построении управления – в соответствии с жесткими процедурами. В этой модели важнее всего сохранить статус-кво, не замечая необходимости введения элементов четкого управления или построения отношений с гражданами. Наблюдая за мировыми тенденциями в управлении администрацией, мы замечаем однозначный переход от бюрократической к менеджерской модели. Тут точкой отсчета являются рыночные отношения, которые ответственно применяются на почве публичных учреждений. Таким образом, мы имеем дело с менеджерским стилем управления, настроенным на изменения, инновации, креативность, а также на производительность и эффективность. Эта модель мало-помалу внедряется в администрации стран бывшего СССР путем внедрения, в частности, современных систем управления, полной информатизации и т.д.

Однако сущностью современного государства и гражданского общества является построение партиципационной модели в управлении администрацией, где ключевым моментом являются не процедуры (бюрократическая модель) или результат (менеджерская модель), а потребности граждан, следующие из формируемого совместными усилиями общественного взаимопонимания. Это не только система широких консультаций и соглашений, но и делегирование заданий, а вместе с ними и денег. В Западной Европе эта модель уже серьезно развилась, в Польше закладываются ее фундаменты, в то время как у наших восточных партнеров она часто остается теоретическим конструктом, а основным препятствием при ее внедрении является *закон*.

ОТНОШЕНИЯ НПО – АДМИНИСТРАЦИЯ

В результате существующей бюрократическо-менеджерской модели многие идеи или мероприятия, инициированные общественными организациями, имеют шансы на реализацию только при поддержке администрации или хотя бы при получении от нее зеленого света. Если взять за критерий уровень взаимодействия НПО с администрацией, то можно выделить три типа организаций, действующих в большинстве стран бывшего СССР:

а) несотрудничающие организации – это, чаще всего, крупные структуры, работающие уже достаточно долго, имеющие сеть заграничных партнеров и независимые источники финансирования, ведущие относительно стабильную деятельность. Благодаря своей достаточно сильной позиции они сохраняют сильную автономию по отношению к администрации. Кроме того, сама администрация неохотно с ними сотрудничает из-за рода их деятельности (это, например, защита прав человека, мониторинг публичных учреждений и т.д.). Эти организации из-за своей деятельности (следить за руками власти) являются для администрации чужой, а иногда даже вражеской структурой. Автономия данных организаций требует внешних источников финансирования. На втором полюсе находятся «исключенные» администрацией организации, утратившие регистрацию и действующие вне главного течения (отсутствие возможности внешнего финансирования – например, правительство Беларуси считает неформальные организации нелегальными и антигосударственными).

б) Организации консенсуса – меньшие организации, не имеющие постоянных и независимых источников финансирования либо богатой сети партнеров. Их функционирование имеет стихийный характер: есть и горячие сезоны, и каникулы – в зависимости от финансовой ситуации. Организации такого типа занимаются многими сферами: начиная с образования и социальной помощи, завершая культурой, туризмом и т.д. Необходимость сотрудничать с администрацией связана, во-первых, с родом их деятельности – некоторые вопросы невозможно решить без хотя бы отсутствия сопротивления администрации. Во-вторых, им нужно сохранить формальную регистрацию. Неоднократно они исполняют функции своеобразного катализатора в контактах с администрацией. Другим типом таких

организаций являются гуманитарные организации, которые без сотрудничества с администрацией просто не смогли бы работать.

в) Зависимые организации – субъекты, действующие при администрации и не имеющие автономии. У них есть сильная формальная сторона, они работают постоянно или временно (в зависимости от нужд администрации). Часто у них нет собственных проектов, кроме заданий, данных администрацией. Они выполняют функцию общественного лица администрации или – часто – механизма получения внешних источников финансирования администрации и публичных учреждений.

ПРОГРАММЫ ГРАНТОВ И СИТУАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Анализируя три программы грантов, направленные на сотрудничество, в частности, с Беларусью, то есть «Программу *RITA* – изменения в регионе» (неправительственная), программу «Польская помощь» (правительственная) и Программу европейского территориального сотрудничества *PL-BY-UA* 2007–2013 (Европейского союза), следует указать, что требования (формальные и программные) предопределяют тип организации, претендующей на финансирование:

а) программа *«RITA»* поддерживает прежде всего несотрудничающие организации и организации консенсуса. Эта программа особо подчеркивает приоритеты, касающиеся поддержки демократических изменений с учетом множества путей, ведущих к этой цели, например, образования, культуры. Важным элементом, облегчающим получение дотаций, являются либеральные формальные требования – партнерское письмо на этапе подачи заявки. Для организаций это означает, что даже в случае отсутствия актуального статуса они могут подавать документы на программу.

б) Программа «Польская помощь» поддерживает так же, как и *«RITA»*, несотрудничающие организации и организации консенсуса, отдавая предпочтение организациям, долгие годы сотрудничающим с польскими партнерами (очень важен вопрос истории сотрудничества). Министерство иностранных дел РП дает дотации как на действия по мониторингу и контролю беларусских властей (несотрудничающие

организации), так и на задания по социальной помощи, предпринимательству, образованию, которые не могут реализовываться в полной оппозиции по отношению к властям (организации консенсуса). Формальные требования также способствуют организациям, хотя не в такой степени, как в программе *«RITA»*. Следует добавить, что в конкурсе в 2011 году не получили финансирования проекты, адресованные непосредственно администрации. Особую ценность представляет инициатива Министерства иностранных дел РП – два конкурса этого года, непосредственно поддерживающие общество в Беларуси, а именно – «Поддержка беларусского общества» и «Общие беларусско-польские действия 2011».

в) Программа европейского территориального сотрудничества PL-BY-UA 2007–2013 гг. адресована прежде всего организациям консенсуса и зависимым организациям. Из-за приоритетов и вида программы (нацеленность на твердые результаты) большинство проектов предназначено администрации и публичным учреждениям, сотрудничающим с зависимыми организациями или организациями консенсуса. Формальные требования ограничивают возможности организаций, у которых могут быть какие-либо проблемы с регистрационными вопросами. Обременительной спецификой программы является однородность ее требований ко всем входящим в нее территориальным областям без учета нетипичной ситуации не только таких стран, как, например, Украина, но и ситуации в Беларуси.

ФУНКЦИИ НПО В ОБЩЕСТВАХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Специфический государственный аппарат, действующий в форме гибрида бюрократической и менеджерской модели, создал пространство для организаций романтического, позитивистского, а также оппортунистического характера.

Несотрудничающие организации являются демиургами демократического строя и гражданского общества. Это субъекты с высоким уровнем надежности своих действий и проверенными партнерами. В значительной степени благодаря им мы знаем о реальной ситуации в общественно-экономической жизни в Беларуси. Несмотря на то что их можно обвинить в герметичности (которая является результатом

клеймения их государством), они отвечают потребностям общества (в случае Беларуси это особенно актуально после декабря 2010 года).

Крайней противоположностью являются зависимые организации, единственное реальное преимущество которых – это доступ (не влияние) к администрации. В случае действий, непосредственно направленных на публичные учреждения (например, *good governance*), эти организации могут выполнять функцию общественного партнера. Кроме того, благодаря участию зависимой организации в этом мероприятии, администрация может допустить участие одной из организаций консенсуса.

Мы считаем, что не стоит полностью отказываться от сотрудничества с администрацией. Мы не верим в чудесную реформу администрации снизу, однако считаем, что можно работать с госслужащими (хотя это и нелегко). Если мы соглашаемся работать с учителями, врачами, сотрудниками домов социальной защиты, которые также являются элементами государственной системы, то ничего не мешает предпринять совместные действия вместе с локальной администрацией (например, в небольших населенных пунктах).

Стоит подчеркнуть, что у наших восточных соседей (Украина, Беларусь) существует прежде всего потребность реализации мероприятий (неважно, из какой области), результатом которых станет формирование связи между людьми, сообществом, обществом, которое осознает свою сущность.

Такова идея у организаций консенсуса. Они функционируют в ситуации моральной дилеммы: ничего не делать (отсутствие регистрации) или делать, но в определенных сверху рамках, редкого нарушая их границы. Организации понимают, что без печати власти много прекрасных идей и затей может быть похоронено. Во-вторых, они – пионеры в создании компромисса между стремлениями НПО и всемогуществом администрации. Сотрудничая с организациями консенсуса, мы должны понимать, что определение формы и области действий в значительной степени зависит от них, поскольку именно они лучше всего знают условия и точно скажут, что можно и что удастся сделать.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Появляются практические вопросы о способе установления контактов и начала сотрудничества с партнером с Востока, например, из Беларуси. У несотрудничающих организаций уже есть свои надежные партнеры. Сотрудничая с зависимыми организациями, мы рискуем потерять контроль над реализуемым мероприятием, которое может использоваться для осуществления локальных интересов. Наиболее привлекательными для организаций, которые хотели бы начать приключение с Востоком, в том числе с Беларусью, являются организации консенсуса.

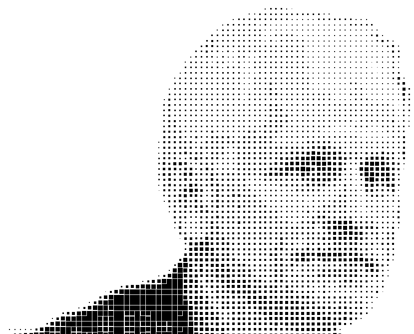
Функционирующая система установления партнерства, в частности, в виде базы организаций на сайтах www.ngo.pl, www.ngo.ru, www.ngo.by либо в виде базы международных проектов, реализуемых польскими неправительственными организациями, разработанной группой «Заграница», или же в форме бирж обмена партнерами, организуемых в рамках конференций и семинаров, не гарантирует на 100% выбора оптимального партнера и, что важно, возможности его проверки.

Проверенное правило гласит, что во время дороги надо всегда останавливаться в самых популярных трактирах. Это же касается и выбора партнера в проекте. Особенно партнера с Востока. Лучше всего строить отношения с теми, кто загружен работой, а значит, испытан и проверен другими. Конечно, надо быть начеку. Мы уже сталкивались с прекрасно организованными и исполнительными партнерами, которые, однако, вообще не чувствовали ветра перемен и реализовывали проект, исходя из чисто меркантильных соображений.

Другая проблема, которая может появиться при сотрудничестве с партнером-НПО, касается ситуации, когда он относится к проекту как к способу улаживания лишь собственных интересов. Есть, наконец, партнеры-монополисты, не допускающие к сотрудничеству другие локальные организации. Конечно, оптимальный вариант – это постоянный, ответственный, проверенный в бою партнер, поскольку элемент надежности, сотрудничества и лояльности чрезвычайно важен. Если партнер однозначно не подходит, к тому же, он ленив, ради блага реализуемых заданий надо подумать о его замене.

МАРЭК МЛЫНАРЧИК, ПАВЭЛ ПРОКОП

О правах человека в Беларуси говорят уже много столетий. Но по сей день проблемы личной свободы и вольнодумства остаются актуальными для беларусов. В неблагоприятных, даже опасных условиях беларусские правозащитные организации продолжают свою деятельность.

АЛЕСЬ БЯЛЯЦКІ

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В БЕЛАРУСИ. ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

История осмысления прав человека и борьбы за права человека имеет в Беларуси очень давнюю традицию. Первое упоминание о правах человека именно в таком словосочетании звучит в XVIII в. в беларусском рукописном произведении полоцкого шляхтича *Сямёна Зяновіча «Сапраўдная навука асноў права чалавека ў прыватнасьці і права народаў увогуле»*[1], в котором автор рассматривает юридические предпосылки равенства, рассуждает о свободе и ее качествах.

Чрезвычайно важный акт в общественно-политической жизни Беларуси совершил предводитель восстания 1793 г. в Великом княжестве Литовском *Якуб Ясінскі*, который выступал за ликвидацию монархии и за отмену крепостничества. 23 апреля 1793 г. в Вильно произошло восстание, был захвачен российский армейский гарнизон, а на следующий

1 «Настоящая наука основ права человека в частности и права народов в общем» (прим. перев.).

день уже был принят Универсал, в котором провозглашалось равенство сословий, а крестьянам давалась личная свобода. Эти идеи равенства людей, личной свободы и неотъемлемости прав человека стали основополагающими на протяжении всего последующего столетия. Именно они звучали во время всех восстаний против российского деспотизма.

После Октябрьской революции 1917 г. развивать и защищать общественно-политические права в советской Беларуси стало практически невозможно. Диктатура пролетариата, массовые сталинские репрессии заставили беларусов заботиться прежде всего не об отстаивании своих прав, а об элементарном выживании. После Второй мировой войны эта проблема стала еще более актуальной. Тем не менее, сразу после войны, особенно на территории Западной Беларуси, начали создаваться молодёжные подпольные организации: *«Саюз вызваленьня Беларусі»*[2], *«Саюз беларускіх патрыётаў»*[3], «Чайка», *«Вольная Беларусь»*[4] и др., основной целью которых являлись борьба за независимость Беларуси и возрождение общественных, политических и социальных прав беларусского народа. Все эти организации были раскрыты КГБ, их участники репрессированы, а некоторые – расстреляны.

Смерть Сталина дала новый толчок борьбе беларусов за права человека. С 1953 по 1985 г. по статье «Антисоветская пропаганда и агитация» в Беларуси было осуждено более ста человек. Выступали беларусы и против введения советских войск в Чехословакию в 1968 г. Так, за антисоветские высказывания были наказаны журналист и историк *Анатоль Сідарэвіч*, поэт *Фёдар Яфімаў*, а также *Мікалай Якімовіч*, *Мікалай Кукабака*. Последний стал едва ли не самым известным беларусским диссидентом. За правозащитную деятельность – выступления с критическими статьями, распространение Всеобщей декларации прав человека – он многократно арестовывался, направлялся судом на принудительное психиатрическое лечение, а затем был осужден за то, что «порочил советский государственный и общественный строй».

Но широкого диссидентского движения в Беларуси так и не сложилось. Были просветительские полулегальные формы работы, направленные, в основном, против русификаторской политики, которую

2 «Союз освобождения Беларуси» (прим. перев.).
3 «Союз беларусских патриотов» (прим. перев.).
4 «Свободная Беларусь» (прим. перев.).

проводили коммунисты. Так, например, братья Белые в 1950–70-е годы распространяли антисоветские листовки в Минске, за что были схвачены и осуждены на большие сроки лишения свободы. Также был репрессирован философ и культуролог *Кім Хадзееў*, возглавлявший философско–литературный кружок студентов БГУ. При невыясненных обстоятельствах был убит в 1972 г. художник *Лявон Баразна*, лидер нонконформистского художественного движения, выступавший против уничтожения старого Минска. Стоит вспомнить и Якова Хейфица, одного из еврейских активистов, осужденного за критику власти по вопросу культурных прав еврейского меньшинства в Беларуси.

НАЧАЛО 1980–Х: БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В начале 80-х годов в Беларуси сформировалось новое молодёжное демократическое течение, которое искало как легальные, так и нелегальные формы работы. Вдохновленная событиями в Польше беларусская молодежь поставила перед собой задачу бороться за национальные, политические, общественные и социальные права беларусского народа.

16 – 17 декабря 1987 г. прошел Первый свободный сейм молодёжных беларусских обществ, на котором присутствовали представители нескольких десятков так называемых «неформальных объединений». Был принят ряд документов, в которых декларировались борьба за создание правового государства, необходимость обеспечения всех общественных и политических свобод, независимого суда, контроля за деятельностью КГБ, за справедливостью правосудия и т.д. Знаковым стал для беларусских правозащитников 1988 г., когда была обнародована правда о месте массового захоронения жертв сталинских репрессий под Минском в урочище Курапаты. После этого был создан «Комитет–58», как «напоминание о соответствующей статье Уголовного кодекса РСФСР, по которой были несправедливо осуждены миллионы людей во всех республиках СССР». На базе «Комитета–58» было создано *«Таварыства памяці ахвяр сталінскіх рэпрэсій „Мартыралёг Беларусі"»*[5].

5 «Общество памяти жертв сталинских репрессий „Мартиролог Беларуси"» (прим. перев.).

Это была первая официально провозглашенная легальная правозащитная организация в стране.

Борьба со сталинским наследием была чрезвычайно важна для демократических перемен в беларусском обществе. Первые массовые акции в Беларуси: *«Дзяды'87»*, демонстрация и митинг в Курапатах, состоявшийся 19.06.1988 г., и *«Дзяды'88»*, которые прошли 30.10.1988 г., – имели выразительное антисталинское, антитоталитарное направление. Именно потому *«Дзяды'88»* были жестоко разогнаны беларусскими советскими властями. Но репрессии властей не дали ожидаемого результата. В ответ на них в обществе поднялась настоящая волна осуждения и возмущения. Тысячи граждан пошли в только что созданный «Беларусский народный фронт» – первую массовую демократическую общественно-политическую организацию, основной целью которой были масштабные демократические преобразования в обществе, чего она добивалась в последующие годы политическими и общественными средствами. Проблемы государственной независимости, многопартийности, свободы распространения и получения информации, свободы совести, экологии, проведения справедливых выборов, экономического реформирования, сохранения прав человека и т.д. – это были главные проблемы, решение которые ставил своей целью «Беларусский народный фронт». Деятельность БНФ как главной политической и общественной силы в конце 1980-х – начале 1990-х годов привела к обретению Беларусью в 1991 г. независимости.

В 1990 г. развивалась деятельность Венского комитета, который, как вспоминает один из его основателей *Валеры Сядоў*, «возник как ответная реакция на массовый террор коммунистического режима против членов БНФ и всех несогласных». Члены Венского комитета обеспечивали юридическую помощь, выступали с правозащитными идеями на митингах, в свободной прессе, участвовали в международных правозащитных конференциях в Москве, в конференциях порабощённых народов в Таллинне, Тбилиси. 10 декабря 1990 г. в Минске был проведен митинг, посвященный Дню прав человека, в котором участвовали несколько тысяч человек. Сам *В. Сядоў* 7 ноября 1990 г. принял участие в антикоммунистическом митинге-шествии из центра Минска и возложил к памятнику Ленина так называемые «дары» – крест в одежде заключенного, обмотанный колючей проволокой, за что 7 мая 1991 г. постановлением

Прокуратуры БССР был арестован и помещён в следственный изолятор. В изоляторе он находился более двух месяцев, 32 дня из которых голодал. Вскоре деятельность Венского комитета приостановилась.

Определенную работу, направленную на обеспечение свободы слова и защиту прав журналистов и писателей, проводил беларусский ПЕН-центр (первый руководитель – Карлос Шерман), созданный в ноябре 1989 г. С 1994 г. беларусский ПЕН-центр ежегодно присуждает две *литературные премии* писателям с целью поощрения их работы по распространению идей открытого общества. В 1996 г. беларусский ПЕН-центр стал членом комитета «Писатели в заключении», основанного в 1960 г. Ассамблеей делегатов Международного ПЕН–клуба. Неоднократно члены беларусского ПЕН-центра преследовались за свою активную гражданскую позицию. Так, бывший руководитель ПЕН–центра, беларусский писатель *Уладзімір Някляеў*, который был кандидатом в президенты на выборах 2010 г., был сильно избит и арестован КГБ, а затем осужден. ПЕН–центр выступает в защиту репрессированных беларусских писателей.

В 1992 г. была создана «Беларусская лига прав человека», которую возглавил в то время депутат Верховного совета *Яўген Новікаў*. Вначале ЛПЧ занималась правозащитной работой, помогала людям, подвергшимся репрессиям со стороны беларусских властей, издавала газету «*Правы чалавека*», активисты Лиги исследовали проблему использования психиатрической медицины в целях преследования инакомыслящих в Беларуси. В 1995 г. *Я. Новікаў* изменил свои взгляды и был отклонен от руководства ЛПЧ. Постепенно к 2000 г. работа ЛПЧ остановилась.

СЕРЕДИНА 1990–Х: НОВАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ ПРАВА В БЕЛАРУСИ

С приходом к власти *А. Лукашэнка* ситуация с правами человека в стране резко усложнилась. Как реакция на первые ограничения со стороны властей свободы распространения информации, возникла Беларусская ассоциация журналистов, основной целью которой стало «создание условий для обеспечения свободы слова и печати, право на беспрепятственное получение, хранение и распространение информации».

Ответом на атаку на общественные и политические свободы стало создание 1 ноября 1995 г. Беларусского хельсинкского комитета (БХК), почётным председателем которого был избран известный беларусский писатель *Васіль Быкаў*. Толчком для создания БХК стало осквернение национального бело-красно-белого флага высшими беларусскими чиновниками. У Комитета есть представительства в 12 городах страны, в него входят около 350 членов. В 1998 г. он был награждён премией ЕС и США. БХК выявляет случаи нарушения прав человека, обеспечивает правовую помощь конкретным людям (ежегодно в БХК приходит до 2000 жалоб), проводит правозащитные семинары и тренинги по обучению молодых активистов и юристов, издает специальную литературу, организовывает различные мероприятия с целью привлечения внимания общественности к проблемам нарушения прав человека в Беларуси. Комитет является партнером Совета Европы, участвует в международном хельсинкском движении. Сейчас БХК возглавляет *Алег Гулак*.

Весной 1996 г. в ответ на жестокий разгон силовыми структурами массовой манифестации *«Чарнобыльскі шлях»*, после которого было арестовано почти 200 человек и заведено уголовное дело против организаторов, создается группа поддержки жертв политических репрессий, положившая начало существованию Правозащитного центра *«Вясна»*[6] (руководитель – *Алесь Бяляцкі*).

Приоритетами деятельности Центра, который находится сегодня в 17 крупнейших городах Беларуси, остаются помощь жертвам политических репрессий, сбор и распространение (как в стране, так и за ее границами) информации о нарушении прав человека в Беларуси, просветительские и образовательные правозащитные программы, наблюдение за выборами. В 2003 г. Верховный Суд Беларуси по иску Министерства юстиции аннулировал регистрацию *«Вясны»*. В 2007 г. Комитет по правам человека ООН признал аннулирование незаконным и обязал беларусское правительство восстановить регистрацию. Это решение не было выполнено. 6 марта 2004 г. ПЦ *«Вясна»* был принят в Международную федерацию прав человека (*FIDH*), а в 2008 г. *А. Бяляцкі* был избран вице-президентом *FIDH*. Результаты правозащитной деятельности Центра

---

6 «Весна» (прим. перев.).

были отмечены несколькими международными премиями Чехии, Италии, Норвегии, Швеции, США.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов были созданы другие республиканские и региональные правозащитные организации: Ассамблея неправительственных демократических организаций Беларуси, Независимое общество правовых исследований. На базе последнего после его ликвидации властями в 2003 г. были созданы Центр правовой трансформации и Фонд развития правовых технологий, которые продолжили деятельность в правозащитной сфере. В направлении расследования политически мотивированных похищений людей (которые произошли в стране в 1999-2000 гг.) и привлечения внимания к этим похищениям с 1998 г. работает «Правовая помощь населению» (руководитель – *Алег Волчак*).

С 1998 г. работает региональная правозащитная организация «Могилевский правозащитный центр» (руководитель – *Уладзімер Краўчанка*), которая на региональном уровне занимается проведением мониторинга ситуации с правами человека, сбором и распространением информации, подготовкой образовательных и просветительских правозащитных мероприятий.

Правозащитной деятельностью в стране с начала 2000-х годов также занимаются такие организации, как Минский центр прав человека, «Правовая инициатива» (подготовка правозащитных тренингов и семинаров), Правозащитный альянс (помощь жертвам политических репрессий и их семьям, распространение информации о нарушениях прав человека в стране). В 2006 г. (после массовых репрессий во время и после президентских выборов) начал работу Комитет защиты репрессированных «Солидарность», который возглавляет *Іна Кулей*. Особое внимание Комитет посвящает поддержке репрессированных студентов, семей репрессированных, медицинской и психологической помощи жертвам политических репрессий.

С 2007 г. в Вильно как совместная правозащитная инициатива нескольких организаций заработал Дом прав человека в изгнании в Вильно. Сейчас это крупный образовательный правозащитный центр, открытая демократическая организация, деятельность которой направлена на помощь беларусским НПО, реализацию беларусских правозащитных образовательных программ, на поддержку международного

сотрудничества беларусских и иностранных правозащитных организаций. Также на базе организации проводятся тренинги, встречи, культурные акции, которые тяжело осуществить в Беларуси.

После событий 19 декабря 2010 г. была создана инициатива родственников политических заключенных – Комитет «Освобождение», который работает в области помощи политзаключенным, а также их семьям, нуждающимся в такой поддержке.

Из-за неблагоприятных условий для работы всех правозащитников в Беларуси наши правозащитные организации объединяют свои усилия. В 2004 г. в Минске и 25–26 сентября 2010 г. в Вильно были проведены два форума беларусских правозащитников, на которых обсуждались пути активизации и улучшения правозащитной работы. На втором форуме, в котором принимали участие представители 18 беларусских правозащитных организаций, принято решение о разработке стратегии развития беларусского правозащитного движения.

В течение этих лет было проведено несколько совместных правозащитных кампаний, направленных на решение острых проблем в области защиты прав человека. Например, кампания «*Stop 193.1*», инициированная Ассамблеей НПО, была направлена на отмену в уголовном кодексе ответственности за деятельность от имени незарегистрированной организации. Эта кампания активно проводилась в 2009-2010 гг. Также следует вспомнить об инициированной ПЦ «*Вясна*» и БХК кампании «Правозащитники против смертной казни» (началась в 2009 г.); о кампании за альтернативную службу, в проведении которой участвовали Центр правовой трансформации и ПЦ «*Вясна*»; о кампании «Правозащитники за свободные выборы», которую в 2008 и 2010 гг. во время парламентских и президентских выборов проводили ПЦ «*Вясна*» и БХК. Совместные усилия правозащитных организаций пригодились для подготовки альтернативного доклада по *UPR* в 2009-2010 гг. для ООН, над которым работали Ассамблея НПО, ПЦ «Вясна», БАЖ и БХК. Также координируется работа общественных организаций в рамках гражданской платформы Восточного партнерства в 2009-2011 гг.

Серьезным вызовом для беларусского правозащитного сообщества стали события непосредственно во время и после президентских выборов 19 декабря 2010 г. Свои усилия беларусские правозащитники направили на помощь жертвам политических репрессий, используя

ради этого как внутренние, так и международные возможности и механизмы. Была обеспечена постоянная помощь политическим заключенным, а также семьям пострадавших. Правдивые сведения о состоянии политзаключенных, о возможностях их защиты, о масштабах репрессий, затронувших сотни людей в Беларуси, мониторинг судебных процессов – эта информация из уст правозащитников в 2011 г. неоднократно звучала в структурах ООН и ОБСЕ, в Совете Европы и других структурах Евросоюза. В своих заявлениях беларусские правозащитники жестко осудили те репрессии, которые власти обрушили на политических оппонентов. Беларусские правозащитники работали в тесном контакте со своими зарубежными партнерами.

Власти нервно отреагировали на справедливую критику правозащитников. КГБ были проведены обыски в офисах ведущих правозащитных беларусских организаций и в частных квартирах правозащитников, была конфискована компьютерная техника и носители информации. *Алесь Бяляцкі*, председатель ПЦ *«Вясна»*, получил от Генеральной прокуратуры официальное предупреждение за деятельность от имени незарегистрированной организации, БХК получил два предупреждения от Министерства юстиции. В государственных СМИ идет постоянная кампания по диффамации и дискредитации деятельности беларусских правозащитников, их называют «пятой колонной» и «врагами народа».

Тем не менее, чувствуя большую ответственность перед беларусским народом и перед теми, кому нужна помощь правозащитников, получая постоянную мощную поддержку от людей, беларусские правозащитные организации продолжают свою деятельность.

АЛЕСЬ БЯЛЯЦКІ

От редакции. *Через пару дней после написания этой статьи Алесь Бяляцкі был арестован. Европейское сообщество и правозащитники всего мира восприняли этот шаг со стороны беларусских властей «как расправу и месть за его многолетнюю правозащитную деятельность, а также как стремление уничтожить Правозащитный центр «Вясна» и запугать всё правозащитное движение в Беларуси».*

Все перемены, происходившие в беларусской системе образования в последнее десятилетие, можно назвать «возвращением в прошлое»: под нужды власти переписывались учебники истории и обществоведения, выстраивалась сильная образовательная вертикаль, уничтожался национальный язык, в школы вернулась идеология.

ТАМАРА МАЦКЕВІЧ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ

В большой степени трудности с построением в Беларуси правового демократического государства, включенного в мировое экономическое и культурное пространство, связаны с тем, что беларусская система образования еще не выполнила свою социокультурную миссию – формирование свободной демократической европейской нации.

В странах бывшего СССР образование было направлено на обслуживание военно-промышленного комплекса. Потому в школах поддерживался хороший уровень преподавания математики и естественных дисциплин и искусственно занижалась роль гуманитарного образования. О гражданском образовании речь вообще не шла – оно целиком заменялось пропагандой.

После распада коммунистического блока все освобожденные государства начали реформировать и восстанавливать свои системы образования, ведь строй менялся и общество требовало от человека других качеств.

Не была исключением и Беларусь. В 1993 году была разработана, но по известным причинам не успела быть принята «Концепция национальной школы Беларуси», были изданы избавленные от советских идеологем учебники истории и обществоведения. Но после 1996 года реформу образования начали сворачивать.

СИТУАЦИЯ, КОТОРАЯ СЛОЖИЛАСЬ В БЕЛАРУССКОМ ОБРАЗОВАНИИ СЕГОДНЯ

Заказ, данный образованию в начале 1990-х, был заменен другим. И все перемены, происходившие в образовательной системе в последнее десятилетие, можно назвать «возвращением в прошлое»: опять под нужды власти переписывались учебники истории и обществоведения, выстраивалась сильная образовательная вертикаль, уничтожался национальный язык, в школы вернулась идеология – всегдашний инструмент диктатуры.

Сегодня осознание национальной принадлежности противопоставляется подходу, согласно которому Беларусь – это сохраненная беларусским руководителем часть СССР в его лучших чертах, а беларусы – лучшие из советских людей.

В 2008 году была объявлена очередная реформа образования, еще более отдалившая нас от современных образовательных процессов. Это реформирование отличалось поспешностью и непродуманностью. Декрет № 15 «Об отдельных вопросах общего среднего образования» был подписан 17 июля 2008 года, а с 1 сентября 2008 года все школы должны были начать работу по новым программам. Показательно, что реформа готовилась не в Министерстве образования, а в Администрации президента, и объявил ее главный в то время идеолог страны академик *Анатоль Рубінаў*.

В результате реформы 2008 года в первую очередь были отменены нововведения 1990-х годов, направленные на унификацию беларусской образовательной системы с современной европейской. Было

ликвидировано 12-летнее обучение, практически по всем предметам снизилось количество учебных часов, в особенности пострадали иностранные языки, литература, обществоведение, а также некоторые предметы гуманитарного цикла, способствовавшие формированию мировоззрения школьников. А История Беларуси, Мировая художественная культура как отдельные предметы вообще были исключены из школьной программы. В результате идеологической цензуры из учебников истории и литературы исчезли имена многих беларусских исторических деятелей и писателей, а советский период начал объясняться практически так же, как в советские времена.

Реформа уничтожила профильное обучение в школах, ликвидировала углубленное изучение предметов. В итоге у всех школ – одинаковая программа, рассчитанная на ученика со способностями ниже среднего уровня. А занятия для способных учеников предлагаются в виде необязательных для посещения факультативов, вынесенных во внеурочное время. Сохранилось небольшое количество гимназий и лицеев, где уровень образования выше, но и он постепенно снижается.

Реформа 2008 года окончательно закрепила государственную монополию на среднюю школу, снизила общий образовательный уровень, уничтожила гражданское образование, заменив его псевдопатриотизмом и учением о преимуществах беларусской модели развития.

Эта реформа была неслучайна. Идеология, преподавание которой было введено в расписания с 2003 года, не справилась со своей задачей. И тогда под задачу идеологии – воспитание безынициативного послушного человека, который бездумно поддерживает политику правящих кругов, – перестроили всю образовательную систему. В итоге основной функцией школы стало не образование, а контроль за мыслями и сдерживание активности нового поколения. Как сказала районная чиновница системы образования из Орши, «у нас государственная, а значит, государева школа. Как скажет государь – так и будет».

Однако образование – это ценность для абсолютного большинства беларусов. Издревле беларусы стремились дать образование своим детям, а когда не было средств, учили всей семьей хотя бы одного, чтобы выбился в люди. Зажиточные крестьяне строили школы, нанимали *«дарэктараў»* – домашних учителей, которые ходили из семьи в семью и учили грамоте.

Сегодня сложились такие условия, что эта традиция возрождается. Общий уровень школьного образования настолько низок, что учителя, способные давать современные качественные знания, и родители, заинтересованные в образовании детей, вынуждены создавать альтернативные, независимые от государства образовательные центры.

Просветительская функция постепенно выходит за границы школы в сферу неформального образования.

Наиболее распространенными формами неформального образования являются курсы и частные занятия (репетиторство). Они имеют разную степень легализации, но выполняют очень узкие задачи, не претендуют на воспитательную функцию и не направлены на социализацию учащихся.

По-прежнему много для образования делают общественные организации, хотя государство создало для их функционирования очень неблагоприятные условия.

Частные образовательные учреждения (школы и вузы) немногочисленны и не отличаются активностью. Они постепенно вытесняются с рынка образовательных услуг. «Подпольных школ» также немного, они не могут открыто вести набор учеников, рискуя попасть под репрессии. Но, с другой стороны, такие школы (например, Беларусский гуманитарный лицей) являются примером того, что даже в условиях диктатуры возможна самоорганизация образования на ценностной основе.

БЕЛАРУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ МЕШАЮТ БЕЛАРУСЫ

Каждое государство создает такую образовательную систему, которая соответствует его политическому строю. Сегодняшнее государство не заинтересовано в том, чтобы беларусы осознали свои национальные корни, вспомнили традиционные ценности. Тогда же выяснится, что абсолютное большинство наших граждан – представители западной цивилизации: они имеют европейскую ментальность, соответствующие ценности, а демократия – это наш цивилизационный выбор.

Сейчас властям легче манипулировать массовым сознанием. Посредством идеологии и пропаганды можно навязать народу несвойственные нации идеалы коллективизма, «сильной руки», жертв ради стабильности

и порядка, вложить в голову, что наша страна стоит на перекрестке между Западом и Востоком, навыдумывать «старших братьев» и «вероятных противников». Пока беларусы беларусскому государству мешают.

Это объясняется тем, что в современных политических и социально-культурных беларусских условиях существует непосредственная связь восприятия национальных ценностей с демократическим мировоззрением и общественной активностью. А общественная активность – это то, чего существующий режим не хочет иметь.

Беларусскоязычное образование загнано в резервацию, и ситуация только ухудшается. В столице обучение на беларусском языке ведется не более чем у 2% учеников. В областных и районных центрах ситуация еще хуже. Создать беларусский класс очень тяжело, почти невозможно.

С другой стороны, развивается домашнее, дистанционное и неформальное образование. Дети пока ходят во «всеобуч», но все чаще образование получают параллельно. Такое образование бывает очень разным. Беларусскоязычным также. Беларусами среди молодежи быть престижно.

Однако государство это не удовлетворяет. Поэтому Образовательный кодекс, который вступает в силу с 1 сентября 2011 года, предусматривает еще больший контроль государства за всеми формами обучения.

РОЛЬ ПЕДАГОГА

Понимают роль педагога в формировании будущего не только демократические силы, но и власть. Она рассматривает педагога как фактор, который влияет на молодое поколение и может укрепить существующий режим. Недаром министра образования *А. Радзькоў* назначили руководителем инициативной группы *А. Лукашэнка* на президентских выборах 2010 года, а потом забрали на повышение в Администрацию президента. Сегодня официальная позиция беларусской власти состоит в том, что школа должна готовить непритязательного гражданина – исполнителя чужих заказов, стоящего на фундаменте адаптированных советских ценностей.

Для этого, с одной стороны, власти максимально ограничивают свободу учителя: используются краткосрочные контракты, бюрократия,

точно прописанные планы, программы, инструкции. С другой стороны, послушные учителя существенно «подкармливаются». Для снижения протестов и социальной активности педагогов государство закрывает глаза на теневой бизнес большинства учителей – репетиторство, позволяющее иметь дополнительный и, как правило, нелегальный доход. Но только до тех пор, пока учитель остается послушным. Например, в 2010 году в адрес учителей, выдвинувших свои кандидатуры на местных выборах, поступали угрозы: власти обещали возбудить против педагогов уголовные дела за незаконную прибыль от частных уроков.

В последнее время в Беларуси под репрессии попадают не только демократически настроенные учителя, но и ученики, студенты. В репрессивных целях используются экономические методы, призыв в армию, медицина, причем это почти всегда делается с нарушением законодательства.

Новый Образовательный кодекс предусматривает новые возможности для удаления неугодных учителей и даже учеников (!) из системы образования.

С точки зрения гражданского общества роль педагога чрезвычайно важна. Наша общая цель – не «потерять» молодое поколение для перспектив демократии в Беларуси.

Задача перед учителем стоит непростая, ведь все тяжелее и тяжелее объяснить молодежи, что такое демократические ценности, это для нее – абстрактные понятия. Как невозможно рассказать человеку про вкус еды, которой он никогда не пробовал, так молодежь, выросшая и сформировавшаяся при антидемократической власти, не ощущает, что такое свобода, выбор, уважение к инакомыслию. А если она этого не знает, не принимает, то ей тяжело понять, к чему надо стремиться.

СЕГОДНЯ БЕЛАРУССКИЙ УЧИТЕЛЬ СТОИТ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Сегодня у учителя есть три модели поведения.

Если не делать ничего, идеологическая пропаганда совсем дискредитирует понятия «патриотизм», «демократия», «Европа», «свобода», и нормой станет патернализм, ксенофобия, конформизм. Тогда недалеко то время, когда молодые беларусы уже не будут смеяться над основным

постулатом «научного коммунизма», который серьезно утверждает, что «диктатура пролетариата является высшей формой демократии».

Если заниматься демократическим образованием, нацеливаясь на далекую перспективу, рискуем превратить демократию в игру, в которой правила действуют только на ограниченном пространстве и непригодны для жизни.

И третий путь – самый тяжелый: учитель должен переосмыслить ту функцию, которую ему отводит государство, активно защищать свою профессиональную и гражданскую позицию и строить демократию средствами образования уже сегодня. Это требует больших усилий. Учителю надо найти методы, чтобы показать молодому поколению преимущества демократии. Причем нужно сделать это в стране, где идеология не в состоянии заменить гражданское образование, а гражданское образование не востребовано, так как рассчитано на демократическое общество. Учитель должен создавать условия, чтобы дети смогли усвоить ценности цивилизованных обществ в то время, когда извне взамен ценностной базы предлагается набор рекламных лозунгов типа «За цветущую Беларусь!». И сделать это беларусскому учителю надо самостоятельно, ведь спросить совета не у кого. Беларусь – последняя диктатура в Европе. Наши европейские соседи иногда даже не понимают, что диктатура в информационном обществе использует новые, более хитрые и завуалированные технологии идеологической пропаганды и репрессий, с которыми бороться намного тяжелее, чем во времена польской «Солидарности» и даже в период цветных революций.

С другой стороны, третий путь самый простой: надо быть собой и исполнять свою миссию, – и его выбирают многие учителя Беларуси.

Осознать свою миссию и получить необходимые инструменты для ее реализации учителю помогают общественные организации, проводящие методическое и гражданское обучение для педагогов. Они предлагают разные программы, стажировки, переводят материалы, которыми пользуются учителя демократических стран. Чтобы не изобретать велосипед, можно использовать то, что понравилось, что более для нас пригодно, но многое придется делать самостоятельно.

Беларусские методисты и другие специалисты в области педагогики, которые предлагают учителям технологии обучения, заимствованные, в основном, от соседей с востока, совсем не учитывают, что абсолютное

большинство наших граждан имеет европейскую (западную) ментальность, даже если не осознает этого. Что бы там ни говорили, для беларусов, как и для немцев, чехов или латышей, человек всегда был важнее его статуса: должности, погон, наград или других регалий. Это, как говорят, медицинский факт, психология человека западной цивилизации. Кто был в азиатских странах и России, особенно в глубинке, тот понимает, что там совсем иначе. Может, именно потому инновационные и личностно-ориентированные образовательные технологии так тяжело приживаются на российской почве: они придуманы европейцами с расчетом на западные цивилизационные ценности.

Кстати, выдающийся психолог и педагог Лев Выготский – уроженец Орши – создал культурно-историческую теорию, которая породила крупнейшую в советской психологии школу. Из этой школы вышли А. Леонтьев, А. Лурия, А. Запорожец, Л. Божович, П. Гальперин, Д. Эльконин, П. Зинченко, Л. Занков и др. В 1970-е годы теории Выготского стали вызвать интерес у американских психологов. В следующее десятилетие все основные работы Выготского были переведены и легли – вместе с исследованиями Жана Пиаже – в основу современной образовательной психологии США. А в это же время в России (а с оглядкой на нее и в Беларуси) быстро сворачивалось основанное на теории нашего земляка развивающее обучение по системе Эльконина-Давыдова, опять возносилась на пьедестал советская образовательная система, способная производить разве что солдат.

Беларусским учителям, как и беларусам вообще, надо вырваться из-под влияния русскоязычного информационного пространства, смотреть шире, чтобы найти свое место в поликультурном мире и остаться собой.

«ПОКОЛЕНИЕ Y» VS «ПОКОЛЕНИЕ LU»

Любое образование имеет три составляющие: знания, гражданские компетенции (т.е. умение и осмысленное желание пользоваться этими знаниями) и ценности. Когда теряется хотя бы одна составляющая, получается непрочная конструкция.

Отграниченное от европейских учебных программ беларусское образование не оценивается по тем критериям, которые определяют качество европейского образования. Беларусь не включена в международную программу оценки образовательных достижений учеников (PISA), обеспечивающую самый широкий в мире и строгий набор международных исследований по оценке знаний и умений учеников средних школ. Беларусь не присоединилась и к Болонскому процессу, который позволял бы студентам и преподавателям вузов обмениваться образовательным опытом. Большинство беларусских преподавателей и не слышало про ключевые компетенции, например, про критерий оценки качества образования, прописанный в рамочных условиях в рекомендациях Европарламента и Совета Европы от 18 декабря 2006 года.

Беларусское образование развивается вслепую, и в итоге мы имеем целое поколение, сформированное при режиме *Лукашэнка*, получающее образование, не ориентированное на реализацию в обществе. Представители этого поколения отличаются от своих ровесников во всем мире, так как не умеют ценить свое время, не нацелены на достижения, дольше других оттягивают переход во взрослую жизнь. Согласно данным лаборатории аксиометрических исследований «НОВАК», только часть беларусской молодежи надеется на себя и ставит свой успех в зависимость от собственных усилий, а вторая часть, которая составляет 30%, надеется на государство. Негативной тенденцией для государства является то, что процент потенциальных эмигрантов среди молодежи составляет примерно 40%, а также наличие у молодых беларусов значительного следа советского мышления. С поколением Y на Западе связывают надежды, а у нас его считают потерянным.

ВЫВОДЫ

Беларусь – это географическая, историческая и культурная часть Европы, искусственно отодвинутая в сторону от тех процессов, что происходят в Европе.

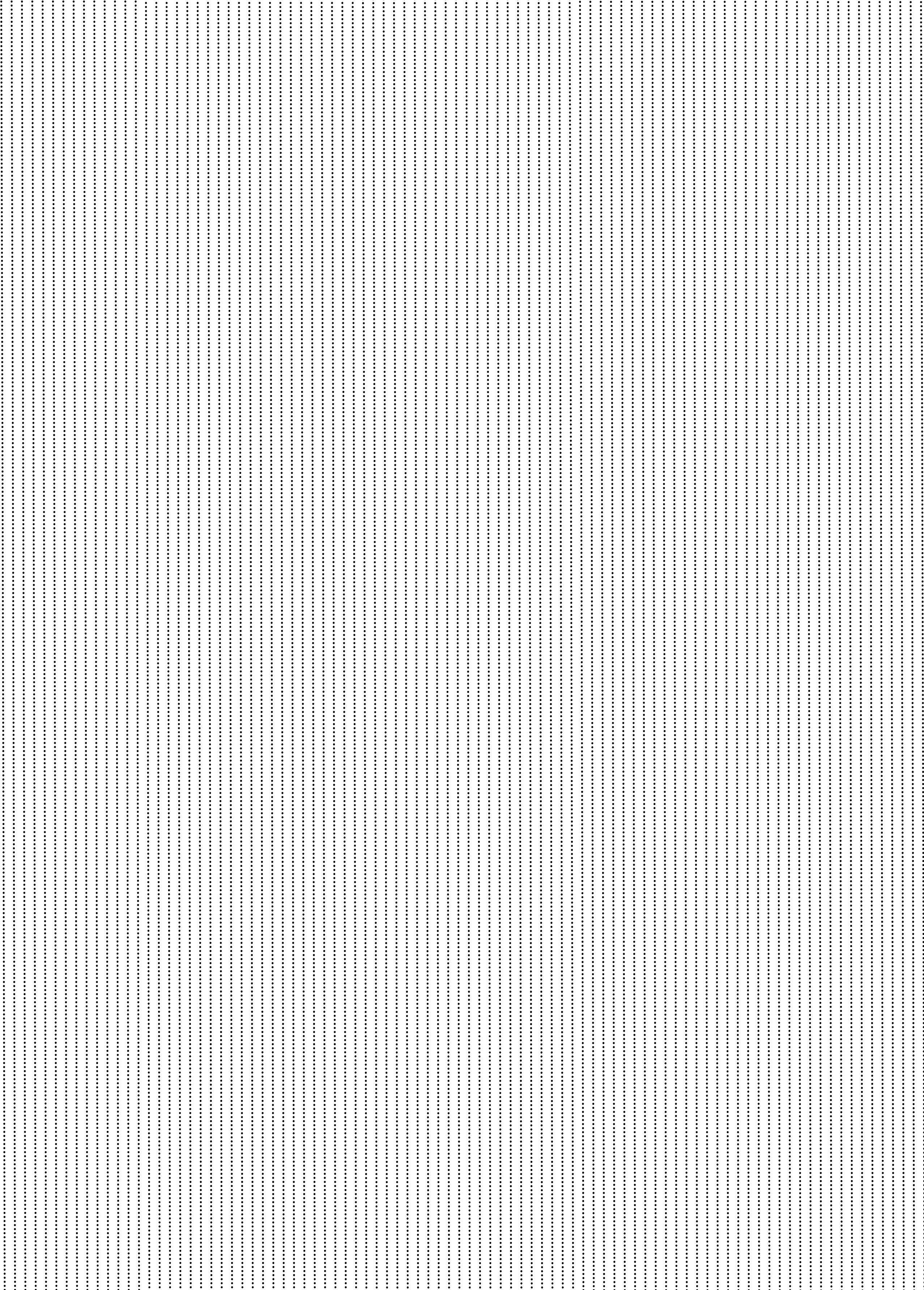
Для возвращения Беларуси в европейское культурное пространство первейшей задачей системы образования в нашей стране должно быть

формирование современной беларусской нации – это фундамент для строительства европейского государства. Без выполнения этой задачи тяжело быть интегрированными в современное европейское образовательное и культурное пространство, где постнациональные общества решают проблемы следующего уровня.

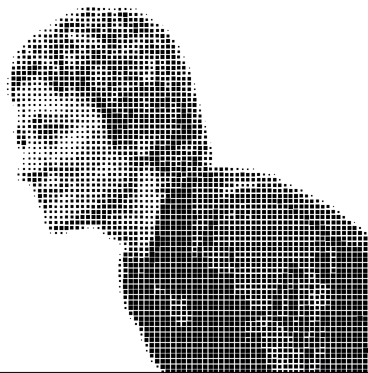
Второй и не менее важной задачей является формирование активного ответственного гражданина, способного действовать на всех уровнях демократического общества. Эта задача еще более сложная, так как требует, во-первых, группировки интеллектуальных сил Беларуси, чтобы сформировать ясный посыл, *каким образом* можно учить демократии в обществе, где такие знания не востребованы, а активность и желание быть ответственным за себя противоречат патерналистской политике государства, и, во-вторых, – создания условий для практического использования знаний и навыков демократического общества.

ТАМАРА МАЦКЕВІЧ

НПО ИНТЕРВЬЮ

Беларусские интеллектуалы не только географически видят Беларусь в Европе, но продвигают «европейский путь» прежде всего как идею нематериальных (социо-культурных) ценностей.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БЕЛАРУС ЕВРОПЕЙЦЕМ?

ВОЛЬГА ШПАРАГА – ИНТЕРВЬЮ

Центр европейских исследований – беларусская независимая организация, созданная в 2010 году на базе интернет-журнала «*Новая Еўропа*». Центр объединяет беларусских исследователей и экспертов, которые выступают за европейский выбор для Беларуси. Идея Центра заключается в том, чтобы сконцентрироваться на европейской проблематике и заниматься проектами, в которых бы, с одной стороны, исследовались европейское измерение беларусского общества и предпосылки европеизации Беларуси. С другой стороны, посредством этих исследований – в области политики, экономики, образования, истории, культуры – предполагается расширять представления о процессах, которые происходят в Европе. О деятельности Центра, о политической, культурной ситуации в Беларуси, о проблемах гражданского общества рассказывает *Вольга Шпарага* – кандидат философских наук, эксперт Центра европейских исследований, доцент Европейского гуманитарного университета, редактор интернет-журнала «*Новая Еўропа*».

Таццяна Арцімовіч: *Вольга*, ключевой идеей Центра европейских исследований является «идея Европы». Как вы интерпретируете эту идею?

Вольга Шпарага: Идея Европы – это, в принципе, одна из самых обсуждаемых проблем европейского пространства. Потому что до вступления новых стран в Европейский союз идея Европы воспринималась иначе и была в большей степени связана с демократическими преобразованиями. Когда в ЕС вступили новые члены из Центральной и Восточной Европы, то эта идея дополнилась более сложными интерпретациями, которые включили в себя ценности и противоречия коммунистического и советского прошлого, историю каждой отдельной страны, где больше этнических, политических, культурных противоречий. Но я солидаризируюсь с теми исследователями, которые рассматривают Европу в первую очередь из ценностной перспективы, отсылающей, с одной стороны, к базовым политическим ценностям – свободы, прав человека, а с другой, предполагающей, что в каждой отдельной стране с ее уникальным прошлым и культурой эти ценности преломляются по-своему.

Также ключевую роль сегодня для всего европейского пространства играет проблема идентичности. Возникает вопрос: можно ли прийти к единой европейской идентичности? Можно ли говорить об общности ценностей в европейском пространстве? Важной темой является и культура памяти, поскольку в каждом регионе Европы имеется свой сложный исторический нарратив, который нужно как-то интегрировать в общее европейское пространство, в то же время не игнорируя всех тех фактов, противоречий и сложностей, которые есть в каждом регионе. Для Беларуси в этом смысле идея Европы – это все-таки ориентир, указывающий на то, что может быть по-другому. Важную роль здесь играет диалог, потому что наилучший способ оценить то, что ты делаешь, – это позволить оценить свои действия другим. Я считаю, что другие европейцы могут помочь беларусам в оценке собственного настоящего и прошлого. В нашей истории есть противоречия между советским прошлым, европейским, различия между системами образования, экономики, культурными мирами. Согласование этих различных ценностей и есть европейских путь. Наш Центр ставит задачу как раз

продвижения европейской идеи академическим способом, что содействовало бы возникновению в Беларуси более широкого направления европейских исследований.

Т.А.: Кто является экспертами Центра?

В.Ш.: Это группа, на базе которой мы в свое время создавали «*Новую Еўропу*»: главный редактор журнала, философ *Аляксандр Адамянц*, историк *Аляксей Братачкін*, политолог *Павел Усаў*, политолог и аналитик *Андрэй Фёдараў*. Когда мы готовили нашу первую монографию «Пути европеизации Беларуси. Между политикой и конструированием идентичности», мы обратились за помощью в департамент политических наук ЕГУ, преподаватель которого, европеист Анатолий Круглашов рекомендовал нам выпускников этого департамента *Аляксандра Уласкіна* и *Юлію Коцкую*. В итоге они приняли участие в нашем исследовании. В принципе, одной из задач Центра является интеграция тех молодых исследователей, которые получили образование в области европеистики за пределами Беларуси.

Т.А.: Упомянутая выше монография «Пути европеизации Беларуси. Между политикой и конструированием идентичности» – это первый результат деятельности Центра?

В.Ш.: Не совсем. В самом начале мы издали «Глоссарий терминов ЕС и Восточного партнерства», которого до этого не существовало ни на русском, ни на беларусском языках. Помимо перевода уже имеющихся текстов с английского языка, наши эксперты написали дополнительные тексты касательно ситуации в Беларуси: как развивались беларусско-европейские отношения за последние 20 лет, о программе Восточно-Европейского партнерства, а также по ряду других специфических для нашего контекста понятий. Спустя год появилась монография «Пути европеизации Беларуси». Можно сказать, что возникновение Центра не стало бы возможным без многолетних дискуссий и круглых столов, которые проводит «*Новая Еўропа*» и с транскриптами которых можно познакомиться на нашем сайте.

Является ли беларус европейцем?

Т.А.: На ваш взгляд, насколько ваши теоретические исследования могут внести реальный вклад в модернизацию Беларуси, в изменение существующей ситуации?

В.Ш.: В нашем исследовании «Пути европеизации Беларуси», опираясь на текст немецкого исследователя Штефана Гарштецкого, мы выделили два понятия: европеизация «сверху» и европеизация «снизу». Европеизация «сверху», которая также называется политической, подразумевает, в первую очередь, приведение законодательства страны в соответствие с законодательством ЕС, следом за которым в стране происходят институциональные преобразования. Но, чтобы такие законодательные, нормативные преобразования стали возможными, нужна воля правительства. В Беларуси пока мы не видим условий для такой европеизации. Поэтому в своей книге сделали акцент на европеизацию «снизу». Идея состояла в том, чтобы показать, какие возможные в наших условиях действия могут способствовать европеизации «снизу». Так, в академической или культурной сферах сами способы формирования сообщества, выбор тем и методологий означают и выбор и отстаивание тех или иных ценностей. К примеру, решающих для европейского пространства публичности и автономии, или, наоборот, чуждых Европе ценностей закрытости и патернализма.

Т.А.: Контактирует ли ваш Центр с государственными институтами?

В.Ш.: Наши книги рассылаются по всем библиотекам, а на «Глоссарий терминов ЕС» Национальная библиотека Беларуси даже сделала отдельный запрос. Пока на этом наше взаимодействие заканчивается.

Т.А.: Центр формировался на основе интернет-журнала «*Новая*

***Еўропа*». Что это за площадка, кто является ее авторами, какие задачи ставите перед собой?**

В.Ш.: «*Новая Еўропа*» возникла в 2006 году, и, конечно, события президентских выборов в Беларуси того года тоже сыграли свою роль. Но, в принципе, у журнала уже была своя предыстория. До этого наша группа делала небольшой сайт интеллектуального сообщества Беларуси Belintellectuals, идея которого состояла в том, чтобы научиться транслировать более широкой аудитории знания и навыки, которые есть в независимой социо-гуманитарной беларусской среде. Belintellectuals существует до сих пор, но его основу составляют более сложные, интеллектуальные тексты. Идея же «*Новай Еўропы*» состоит в том, чтобы заниматься, скорее, интеллектуальной журналистикой, писать на темы, связанные с проблемами беларусского общества, культуры, политики, публичного пространства, раскрывать проблемы различных социальных групп, гендерные проблемы. Для нас важно, с одной стороны, обращаться к беларусскому обществу и культуре все с новых сторон, которые открываются благодаря современным социо-гуманитарным исследованиям, а с другой – реконструировать то, что было, особенно за последние 20 лет. Обращаться также к советскому прошлому, потому что в Беларуси и на уровне академических исследований, и на уровне публицистики очень не хватает анализа ближайшего прошлого. Все постоянно как будто начинается сначала, никто не помнит, что происходило 5–10 лет назад. А очень важно об этом не забывать. Это и есть формирование культуры памяти, без которой невозможна европейская идентичность.

Т.А.: Особенность «*Новай Еўропы*» в контексте других независимых СМИ – это разнообразие мнений, которые высказываются на страницах журнала и субъективность которых в результате создает объективность в целом…

В.Ш.: Я уже говорила, что для нашей группы понятие диалога является основополагающим. Поэтому объективность мы как раз и понимаем как диалог различных позиций. Но мы бы не стали, например, публиковать

на нашем сайте государственных идеологов, потому что на уровне официальной Беларуси нет равенства и взаимности, т.е. мы знаем, что в государственных медиа не будет объективно представлена позиция независимого эксперта или гуманитария. Поэтому пока ситуация такова, что присутствие этих людей на независимой площадке в силу нарушения паритета невозможно. Но всех остальных мы приглашаем участвовать в нашем проекте. Хотя редакция может и не соглашаться с мнением какого-то автора, наша задача состоит в том, чтобы через многообразие мнений показать, что и Беларусь многообразна. Даже та *независимая* Беларусь, все содержание которой, кажется, состоит только в том, что она против *Лукашэнка*. Мы, как и другие площадки, нацелены на то, чтобы не только критиковать, но и сообщать о позитивных проектах: что есть другая Беларусь, другие ценности, другое представление о настоящем и прошлом. Мы ставим целью артикулировать эту разнообразную, не идеологизированную государством Беларусь.

Т.А.: Вы также являетесь преподавателем Европейского гуманитарного университета. В чем, на ваш взгляд, заключаются главные отличия между системами образования ЕГУ и беларусских вузов?

В.Ш.: Первая особенность, как мне кажется, касается не содержания, а формы. С самого момента возникновения для ЕГУ было важно пошатнуть присущее советской системе образования исключительное отношение по вертикали между преподавателем и студентом. В ЕГУ эти отношения строятся по горизонтали: преподаватель и студент являются участниками одного процесса. Преподаватель втягивает в свои исследования студента и старается с ним на равных это обсуждать. Конечно, так как у преподавателя больше знаний, больше опыта, то он прежде всего ими делится. Но главная его задача – научить студента учиться. Второе, что касается содержательного момента, то, конечно, у нас нет единой идеологии, которой бы система образования подчинялась. Каждый преподаватель выбирает ту или иную исследовательскую традицию. Он ее представляет, защищает, противопоставляет другим подходам и учит этому же студентов. Поэтому на выходе студент имеет представление о множестве подходов, и его задача в том, чтобы отдать предпочтение какому-то подходу или синтезировать их в своих исследованиях.

Т.А.: Почему, как вам кажется, несмотря на очевидную актуальность учебных программ ЕГУ, беларусская система образования остается закрытой к такому опыту?

В.Ш.: Изменение отношений между преподавателями и студентами в том направлении, в котором они произошли в ЕГУ, означает демократизацию в принципе. Студенты, которые чувствуют себя наравне с преподавателем, конечно, будут бороться за свои права. В идеале это учит их еще и активной гражданской позиции. А для идеологизированной системы образования это вызов. Если говорить о содержании, то важнейшей составляющей всех направлений, методологий ЕГУ является критическая установка, без которой знание невозможно. А в беларусской системе социо-гуманитарного знания до сих пор существуют понятия правильной философии, правильной идеологии, правильной экономической системы, которые нельзя критиковать, которым нельзя предложить замену. Пока ситуация такова, ни о какой открытости не может идти и речи. Важно также, что от критики подходов мы приходим к критике реальности. Это то, что, конечно, системе беларусского образования не нужно. Как и в советское время, система образования обслуживает государственный аппарат власти и готовит специалистов, которые оказываются не конкурентоспособными за пределами Беларуси. Они имеют плохое представление о других возможных моделях общественного, политического, культурного устройства и потому не могут найти общего языка со своими коллегами из других стран. Таким образом режим обеспечивает себе стабильность: в силу полученного знания, не найдя себе применения за пределами Беларуси, гуманитарии обречены воспроизводить эту систему. Хотя стоит отметить, что в силу глобализации беларусская система уже не такая закрытая. Часть молодежи, да и преподавателей, которая видит проблемы закрытости, благодаря интернету сама формирует представление о том, что есть и другие модели общественно-политического, культурного устройства. А затем самостоятельно их осваивает.

Т.А.: В своей книге «Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности» вы выделили два ключевых для появления Вашей активной гражданской позиции момента: 2004 год – закрытие

ЕГУ в Минске и президентские выборы 2006 года. Но для тех, кто стоял у истоков беларусского «возрождения» 1990-х, именно после этих дат эпоха «великих надежд» сменилась эпохой «великих разочарований»…

В.Ш.: Наверное, те, кто оказался *разочарованными*, до сих пор вспоминают, насколько массовыми были протесты и мобилизация в 1990-е. Конечно, им хочется, чтобы такие изменения были и сейчас. Они часто не видят предпосылок для трансформации нынешней Беларуси. Однако я вижу ситуацию из перспективы своего поколения. Для меня как для исследователя вызовом стало закрытие ЕГУ в Минске в 2004 году: возник вопрос, могу ли я заниматься чем-то еще, кроме академической деятельности. Можем ли мы, академики, быть еще и журналистами, публицистами или вообще заниматься общественной деятельностью? Поиск ответов на эти вопросы в последующие годы только обогатил меня. В Беларуси оказались сплошные пустые «ниши».

Т.А.: Ваша идея – идея Европы, публичность, которую вы *провоцируете* в беларусском пространстве, очевидно идут вразрез с тем национальным проектом, что создавался в 1990-е. Ощущаете ли вы столкновение этих идей?

В.Ш.: Установка на диалог была ключевой для всех наших проектов, начиная с Belintellectuals, идея которого заключалась как раз в том, чтобы наиболее широко представить всех тех, кого можно обозначить как беларусских интеллектуалов. Это и *Алесь Анціпенка*, который создавал Беларусский Коллегиум, и *Валянцін Акудовіч*, и *Ігар Бабкоў*, и многие-многие другие. С другой стороны, безусловно, между тем, что делаем мы и что делали другие генерации, отличие есть. Все-таки мне кажется, что люди, с которыми я работаю, больше нацелены на возможность применения социо-гуманитарного знания и исследований для конструирования другой, демократической и европейской Беларуси. Для нас ни идея Европы, ни национальная идея не являются «священными коровами». Европейская идея – это ориентир, но мы относимся к ней критически. Наша задача состоит в том, чтобы вместе с другими европейцами включиться в обсуждение европейской идеи и чтобы

через это обсуждение создавать Беларусь. Обращение к обществу, памяти, к идентичности невозможно без этой критической установки.

Т.А.: Вы позиционируете себя в первую очередь как *политического* философа. Но помимо этого являетесь экспертом и участником культурной жизни Беларуси. С чем связан интерес именно к этой области?

В.Ш.: На мой взгляд, именно в области культуры сейчас можно осуществлять какие-то преобразования, которые невозможны, например, в политической сфере. В культуре проще обсуждать какие-то значимые вопросы, с одной стороны, обходя политику. Но с другой – это тоже участие в политической жизни, только иным способом. Мне кажется, что культура – это *переходная* область. Например, галерейное пространство – это уже выход в публичное пространство, которое, в отличие от политической области, более понятно и притягательно гораздо большему количеству людей. Поэтому, мне кажется, значимость и возможности культуры в нашей ситуации сильно недооценены.

Т.А.: Как бы вы в целом оценили ситуацию в культуре Беларуси?

В.Ш.: На мой взгляд, неофициальная беларусская культура понемногу перестает быть традиционно национальной и становится более глобальной, но в то же время учитывающей локальный контекст. В 1990-е в независимой культуре самые значимые проекты были связаны, в первую очередь, с традиционной беларусской культурой. Сегодня актуализируются и начинают исследоваться пласты, существовавшие в советский, перестроечный, постсоветский периоды, в которых мы обнаруживаем предпосылки к возникновению *иной* Беларуси. Значимыми становятся самые разные содержания. Например, если взять художественную сферу, то возникают не только новые имена, но целые направления. Возникает многообразие, из которого и складывается беларусская культура.

Т.А.: Вы говорите о неофициальной, независимой культуре, которая действительно восприимчива к новым тенденциям, критике. Но в официальной культуре…

В.Ш.: Происходит деградация.

Т.А.: Да. При этом мы понимаем, что так или иначе, но мы зависим от официальной культуры, от законодательства в этой области, от образования. Можно ли каким-то образом остановить эту «деградацию» или нужно ждать, когда она сама окончательно исчерпает свои «возможности»?

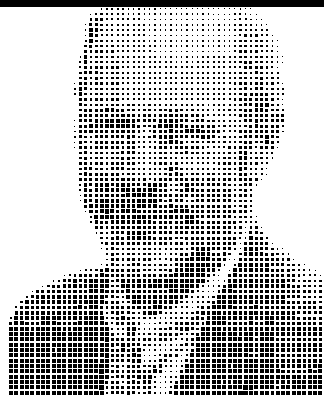
В.Ш.: Ждать не надо, надо действовать. Опыт показывает, что взаимодействовать с государством сложно. Государство очень часто использует представителей независимой культуры в своих интересах, ничего не давая взамен. Но действовать нужно: пробовать расширять свое влияние за счет новых медиа, открытых границ с другими странами. Очень важно, чтобы европейцы в этом смысле поддерживали Беларусь, например, обеспечивали деятелей независимой культуры бесплатными визами. Или вообще отменили визы для беларусов. Это способствовало бы культурному обмену, без которого ни одна культура не может развиваться.

Является ли беларус европейцем?

Т.А.: Каким вы видите ближайший реальный результат вашей деятельности?

В.Ш.: Мне видится, что от развития новых независимых инициатив, журналов, центров зависит и будущее Беларуси. Именно эти проекты дадут импульс для нашего будущего. В переломные исторические моменты именно люди из независимой сферы становятся экспертами для государственных институций. Поэтому нужно всеми силами накапливать новые знания, новые подходы и хотя бы пока на уровне исследований создавать новые видения Беларуси, представления о ее трансформации, о том, какой мы видим *другую* Беларусь. Еще раз хочу отметить важность связи исследований с публичным пространством. Нам нужно научиться не только проводить исследования, но транслировать их результаты, таким образом влияя на представителей разных групп. В том числе и на тех, кто в будущем будет принимать решения о судьбе нашей страны.

Сегодня ситуация с беларусским языком в Беларуси неоднозначная. С одной стороны, значительно уменьшилось количество людей, которые называют беларусский язык родным, как и тех, кто ежедневно на нем разговаривает. С другой стороны, улучшается отношение к языку: он перестает быть языком оппозиции или крестьян.

БЕЛАРУССКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК ЭЛИТ

АЛЕГ ТРУСАЎ – ИНТЕРВЬЮ

Общественное объединение *«Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны»*[1] (ТБМ) было создано в 1989 году (официально зарегистрировано Министерством юстиции Республики Беларусь в 1991 году). Это добровольная неполитическая организация, в которую объединились представители беларусской национальной элиты с целью обеспечения реального государственного статуса языку коренного этноса Беларуси. Деятельность общества направлена на защиту прав беларусскоязычных граждан пользоваться своим родным языком. Общество не выступает за ограничение прав русскоязычного населения, но требует уважения к родному языку беларусов.

За годы существования ТБМ принимала активное участие во всех крупных проектах, связанных с защитой беларусского языка и его

1 *«Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны»* (бел.) – «Общество беларусского языка имени Францишка Скарыны» (прим. переводчика – Мария Луцевич-Напалкова).

развитием в разных сферах жизни беларусов. Например, в 1991 году общество участвовало в создании «Государственной программы развития беларусского языка и других национальных языков в Республике Беларусь», в 1994 и 1995 годах совместно с Министерством образования были проведены две национальные конференции по проблемам беларусской терминологии. Объединение постоянно ведет мониторинг лингвистических прав граждан страны, организовывает программы и конкурсы для детей и молодежи, осуществляет много образовательных программ, создало Книжный клуб ТБМ, в котором регулярно организовываются встречи с беларусскими писателями. При обществе собрана библиотека старинной беларусской книги, фонд которой состоит из более чем 600 единиц редких и уникальных изданий. Созданы комиссии: организационная, издательская, образовательная, терминологическая, по культуре языка и усовершенствованию правописания, по топонимике и исторической символике, по зрительному и звуковому оформлению жизненной среды, по связям с заграницей.

Членами ТБМ в свое время были представители беларусской элиты, выдающиеся ученые, писатели: *Максім Танк*, *Барыс Сачанка*, *Фёдар Янкоўскі*. В ТБМ активно работали *Васіль Быкаў*, *Янка Брыль*, *Міхал Дзямчук*, *Анатоль Бутэвіч*, *Тамара Саўчук*, *Яўген Вайтовіч*, *Зянон Пазьняк*, *Юры Хадыка*, *Алег Лойка*, *Адам Мальдзіс*, *Артур Вольскі*, *Анатоль Клышка*, *Вячаслаў Адамчык*. Сегодня в состав Республиканского совета входят известные деятели культуры: *Генадзь Бураўкін*, *Ніл Гілевіч*, *Генадзь Цыхун*, *Радзім Гарэцкі*, *Васіль Зуёнак*, *Леанід Лыч*, *Уладзімір Содаль*, *Вольга Іпатава*, *Уладзімер Арлоў*.

С 1999 года и по сей день общество возглавляет кандидат исторических наук, известный общественный деятель Беларуси *Алег Трусаў*. Под его руководством ТБМ смогло превратиться в настоящую всебеларусскую организацию. Структурные подразделения общества действуют в 75 из 118 районов страны. Членами ТБМ также являются жители Иркутска, Санкт-Петербурга, Москвы, Риги, Вильно, Белостока, Праги, Севастополя. В 2007 году, благодаря стараниям ТБМ, начал работу полностью беларусскоязычный телеканал «Белсат» (Польша). Разработана Стратегия развития беларусского языка в XXI веке, предусматривающая комплекс мероприятий, направленных

на долгосрочную перспективу. А именно: внесение изменений в национальное законодательство и в «Закон о языках» с целью присвоения беларусскому языку реального государственного статуса, содействие государственным органам в открытии беларусскоязычных групп в детских садах и в создании беларусских школ и классов на территории всей страны, открытие Беларусского национального университета.

Алесь Барысевіч: Господин *Алег*, активность ТБМ за все годы существования организации действительно впечатляет. На что сегодня направлено внимание *Таварыства*?

Алег Трусаў: Могу сказать, что с каждым годом мы только набираемся сил. Этому способствует еще и тот факт, что мы – единственная организация, которую признают беларусские власти, хоть и не любят ее. Вот самый последний результат нашей работы: только на этой неделе мы выиграли четыре дела с властями. Например, хотели закрыть класс в Березе – мы не дали. А эти три письма я получил сегодня утром, читайте… Каждый день у нас масса таких примеров:

> *«…На базе Молодеченской общеобразовательной средней школы № 1 имени Янки Купалы будет открыт дополнительный класс с беларусским языком обучения …»*
>
> *«…Ни отделом образования, ни отделом обучения не ставится вопрос о закрытии беларусскоязычного класса. Ученики 4-го беларусскоязычного класса, а также ученики других классов по желанию родителей смогут продолжить обучение в беларусскоязычном классе в г. Береза…»*
>
> *«…Начальникам отделений беларусской железной дороги даны рекомендации при замене вывесок на железнодорожных вокзалах и крупных станциях писать названия на двух языках, на остальных станциях и остановочных пунктах – только по-беларусски. Названия пунктов остановок, станций и вокзалов в настоящее время написаны, в основном, по-беларусски. Объявления по сети вещания вокзала*

делаются в том числе и по-беларусски. Перспективным этапом корпоративного Интернет-сайта станет новая концепция, в рамках которой планируется создание беларусскоязычной версии сайта».

А.Б.: В 1998 году в Беларуси был принят закон о двух государственных языках – беларусском и русском. Стало ли это решение переломным моментом в деятельности организации?

А.Т.: Более важными для нас стали результаты переписи населения 1999 года, когда большинство опрошенных высказало, скорее, негативное отношение к беларусскому языку. Он воспринимался как язык оппозиции. Конечно, закон 1998 года окончательно закрепил позиции русского языка при официальном государственном двуязычии. Он разрешил вообще не пользоваться беларусским языком. Это было самое страшное. Сейчас мы все время воюем, чтобы изменить этот закон. Власти нам уже 5 лет это обещают, но пока его не изменяют. Мы постоянно стараемся держать их в напряжении. Тем более, что в 2003 году мы добились решения Конституционного суда о том, что этот закон противоречит беларусской Конституции, потому что слова *и (или)* позволяют чиновникам не пользоваться беларусским языком. Власти знают, что нарушили Конституцию, поэтому идут нам на уступки.

А.Б.: Вы сказали, что ТБМ – единственная организация, которую слушают государственные органы власти. Каким образом вы сотрудничаете?

А.Т.: Вот вам пример с классами. Прочитал я в газете «Свободные новости плюс», что закрывается беларусскоязычный класс в Березе. Я сделал копию статьи и выслал ее министру образования. В результате класс не закрывают. В газете *«Наша Ніва»* описывалась ситуация в Молодечно. Я снова проинформировал министра. И вот ответ: классы не закроют. Выявить нарушение на железной дороге нам помогли члены ТБМ: они принесли две фотографии с зафиксированными названиями вокзала и станции только на русском языке. Мы начали расследовать это дело, и оказалось, что есть какой-то инженер, распорядившийся делать все

надписи на русском. Таким образом, оказалось, что если бы мы не вмешались, то этот процесс пошел бы по всей Беларуси.

А.Б.: Сколько на сегодняшний день членов ТБМ?

А.Т.: Тех, кто вступил в ТБМ, уплачивает взносы, выписывает газеты, помогает фиксировать нарушения, – пять с половиной тысяч человек. Есть еще сторонники общества – их насчитывается около 30 тысяч человек. Мы работаем благодаря помощи этих людей. Случай с железной дорогой – яркий пример.

А.Б.: *Таварыства* – это такая сеть по всей Беларуси?

А.Т.: Я даже могу сказать – международная сеть. У нас много членов за границей: от Австралии до США. Власти это знают, поэтому и признают. Кстати, я единственный человек в стране, который входит в два государственных консультативных органа: при Администрации президента и при Совете министров. Это дает мне трибуну. У меня есть возможность лично поговорить и обсудить проблемные вопросы с чиновниками, поэтому многие мои предложения поддерживаются.

А.Б.: Что теперь вообще происходит с беларусским языком?

А.Т.: С одной стороны, как показывает статистика, сокращается образование на беларусском языке. Этому поспособствовал бывший министр образования. Например, он перевел преподавание истории и географии Беларуси на русский язык. Новый министр пока занял выжидательную позицию. Но, слава Богу, вреда он не приносит. Поэтому я надеюсь, что Министерство образования остановит свои русификаторские порывы.

В то же время изменяется отношение к беларусскому языку со стороны государства. Сейчас идет ротация кадров, и к власти приходят чиновники, которые 20 лет тому назад студентами ходили под бело-красно-белым флагом. Они знают и уважают беларусский язык. А если в каком-либо районе изменяется власть, то сразу начинают изменять все вывески с названиями. Самые активные в этом смысле руководители Гродненской и Могилевской областей: там с беларусским языком лучше

всего. Руководители проводят совещания, сами стараются разговаривать по-беларусски. В худшей ситуации находится Гомельская область: там власти к беларусскому языку в лучшем случае относятся никак, а то и вообще плохо. Получается, что в каждом районе своя специфическая ситуация: в одном сельсовете будет хорошо, в другом – никак, а в третьем – плохо. Но, следует добавить, нас радует положительная тенденция среди молодежи. Статистика показывает, что большая часть молодежи из русскоязычных школ на тестах сдает именно беларусский язык, и результаты этих тестов значительно лучше результатов по русскому языку.

А.Б.: Активно ли используется язык в повседневной жизни?

А.Т.: Последние социологические исследования показали, что более половины беларусов уважительно относятся к тем, кто разговаривает на этом языке. Вот, например, встретил я сегодня своего друга. Мы стоим на проспекте и громко разговариваем по-беларусски. Подходит какой-то молодой человек лет тридцати и благодарит нас за то, что мы разговариваем по-беларусски. Даже сам попробовал сказать несколько слов. А лет 10 назад назвал бы нас националистами. Это значит, кардинально изменилось отношение – не только к языку, но и вообще – к культуре. Власти начали массово восстанавливать памятники культуры: кто бы мог подумать, что сделают Мирский или Несвижский замок? Вот отстроили ратуши в Минске и Могилеве. Почему так произошло? Понятно, появились инвестиции. Но, как мне кажется, кроме этого, власти больше не хотят ходить в лаптях, они хотят быть европейцами. А тут и возникает вопрос языка. Вот назначили министром культуры *Паўла Латушка*, который ежедневно – на работе и дома – разговаривает по-беларусски. Кстати, он – активный член ТБМ, и таких бывших наших членов среди чиновников сейчас достаточно много.

Таким образом, ситуация с языком неоднозначная и трудная. С одной стороны, количество людей, назвавших беларусский язык родным, как и тех, кто каждый день на нем разговаривает, по сравнению с переписью, которая прошла 10 лет назад, значительно сократилось. Но улучшилось отношение к языку. С другой стороны, я глубоко сомневаюсь, что 10 лет назад на самом деле 37% беларусов ежедневно разговаривали

на беларусском языке. Возможно, они это заявляли в знак протеста. Поэтому, мне кажется, в последней переписи – более точные цифры. Хотя власти придумали разные хитрые вопросы, например, «первый язык детства», а понятно, что первый язык у большинства русский. Но в результате мы получили около 1,5 миллиона человек, которые ежедневно разговаривают на беларусском языке, а это полторы Эстонии. Так что язык не умрет.

А.Б.: С чем, по вашему мнению, связано изменение в отношении людей к языку?

А.Т.: Этому способствовали 20 лет независимости. Люди осознают, что они не русские. Даже президент заявил, что если мы и русские, то со знаком качества. Вообще, сейчас в обществе проходят очень интересные процессы. И, как ни странно, на первое место выходит Минск. Именно он становится носителем языка, а в деревне – наоборот: язык вымирает, там люди разговаривают на трасянке. Увеличивается количество беларусскоязычных семей. Сегодня это уже десятки тысяч, а раньше были единицы. В 1982 году, когда я полностью перешел на беларусский язык, если в Минске по-беларусски и разговаривала пара сотен человек, то это хорошо.

А.Б.: Беларусский язык перестает быть крестьянским?

А.Т.: Да, он становится языком элит. И молодые чиновники это понимают. Потому что, если чиновник выедет в Европу и не будет там разговаривать по-беларусски…

А.Б.: Могут подумать, что он из России?

А.Т.: В этом-то и дело. Даже бизнесмены сейчас активно переходят на беларусский. Я дружу с предпринимателями, и видно, как изменяется настроение. Раньше им было все равно. А сейчас они ходят на курсы беларусского языка, чтобы не выглядеть в Европе дикарями. Реклама начала появляться по-беларусски. Этому, конечно, и мы поспособствовали: высылали письма руководству компаний «Самсунг», «Галина

Бланка», «Рено» и другим с предложением сделать рекламу на беларусском языке. Они нас послушали, провели эксперимент, и оказалось, что если билборд будет на беларусском, то товар начинает продаваться на 10-11% лучше. Понятно, что важно выделяться среди русского языка. За заграничными компаниями потянулись и наши, местные.

А.Б.: Какая стратегия со стороны государства, по вашему мнению, способствовала бы развитию беларусского языка в более широком смысле?

А.Т.: Тут всё очень просто. Беларус, конечно, разговаривает на языке начальства. Нам надо добиваться, чтобы к власти приходили беларусскоязычные чиновники. И не надо будет ничего кардинально изменять – ни Конституции, ни отдельных законов. Министерство культуры – яркий пример. Перед *Латушка* был министр, который никогда не говорил по-беларусски. И проводилась такая же культурная политика. Пришел *Латушка*, и через пять дней чиновники вокруг него заговорили по-беларусски. Когда я был два года деканом, то уже через год все мои преподаватели заговорили на беларусском языке и даже начали на нем преподавать. Я никого не заставлял, никогда не запрещал говорить по-русски. Но сам я всегда говорил по-беларусски, вел всю документацию на беларусском языке. И я знаю, что даже сейчас мой бывший факультет остался самым беларусскоязычным. Это стало традицией, даже модой. Наши студенты прекрасно владеют беларусским языком – что музейщик, что библиотекарь. Я даже китайцев учил разговаривать по-беларусски. Как оказалось, наш язык гораздо ближе к китайскому, чем русский. У нас есть звуки *«дж»* и *«дз»*, поэтому китайцам сказать *«дзякуй»*[2] элементарно, а «спасибо» – уже тяжело. Вообще, русский язык очень тяжелый. Просто мы слышим его с детства, поэтому он и кажется родным. А вот попробуйте этот язык выучить с нуля. Я знаю *Івонку Сурвіла*, президента Беларусской Народной Республики, которая владеет 8 или 9 языками, но совсем не знает русского. Когда наши эмигранты пробуют поговорить с ней на русском, то не верят, что она не понимает ни слова. Она никогда не слышала русского языка – дома разговаривали только по-беларусски.

2 *Дзякуй* (бел.) – спасибо (прим. перев.).

А.Б.: С какими организациями сотрудничает *Таварыства*?

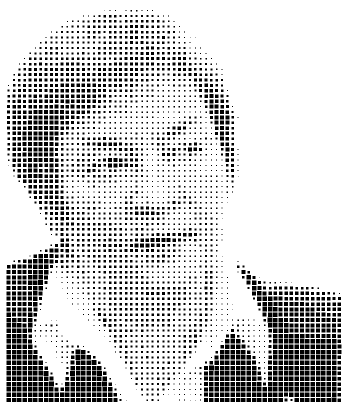
А.Т.: Их много. Например, Союз беларусских писателей, *«Згуртаваньне беларусаў сьвету «Бацькаўшчына»* («Объединение беларусов мира «Бацькаўшчына»[3]), *«Таварыства беларускай школы»* («Общество беларусской школы») и другие…

А.Б.: Кроме таких вот точечных ежедневных побед, что собой представляет деятельность *Таварыства* сегодня?

А.Т.: При ТБМ организованна программа «Юридическая школа», проходит много различных семинаров и курсов. Недавно вот, например, ушел на каникулы кружок *«Прамова»*, в котором люди разных возрастов и профессий учатся красиво говорить по-беларусски. Этот кружок организовала одна девушка, которая работает в банке. Нашлось много желающих, даже сделали свой собственный сайт. Есть отдельные кружки для молодежи, в том числе – по истории Беларуси для учеников. Налажена работа в регионах: у наших представителей есть свои сайты, издания. Кстати, мы – единственная организация, издающая две газеты: *«Наша слова»* и *«Новы час»*, к тому же, у нас еще есть зарегистрированный молодежный журнал *«Верасень»*. Отдельно мы выпускаем разные книги, открытки, календари. Недавно мы получили американский грант и издали английско-беларусский и беларусско-английский разговорник. Это вообще первое издание такого типа. Распространили его и среди чиновников. Сейчас мы планируем издать по-беларусски «Правила дорожного движения», за которые воюем уже, наверное, лет пять. Но я думаю, что у нас получится. Мы люди упрямые, поэтому своего добьемся.

3 *Бацькаўшчына* (бел.) – отечество, отчизна, родина (прим. перев.).

Независимый сектор СМИ в Беларуси продолжает отстаивать право журналиста свободно работать в своей профессии. В условиях постоянного идеологического давления со стороны государства и наступившего экономического кризиса негосударственным изданиям приходится «выживать».

ПРЕМИИ ЗА ТВОРЧЕСТВО

ЖАННА ЛІТВІНА – ИНТЕРВЬЮ

Алесь Барысевіч: *Жанна*, деятельность БАЖ в Беларуси действительно уникальна. На протяжении уже более 15 лет вы занимаетесь не только и не столько образовательными и общественными программами, но – что особо актуально для нашего контекста – защищаете права и отстаиваете интересы независимых журналистов. С чего началась история БАЖ? Подозревали ли вы тогда, в 1995 году, насколько важной окажется деятельность БАЖ?

Жанна Літвіна: Потребность в появлении новой журналистской организации была, на мой взгляд, продиктована самим временем. Перед созданием БАЖ в Беларуси происходили интересные процессы. Тот период я называю «ренессансом» для беларусской независимой журналистики. Возникали новые независимые издания, вся атмосфера была очень свободной. Появлению БАЖ способствовали еще и личные обстоятельства: сразу после выборов президента Беларуси была закрыта радиостанция «Беларусская молодежная», а из системы Белгостелерадио уволены

18 журналистов вместе со мной, на тот момент главным редактором радиостанции. Осознание необходимости корпоративной солидарности журналистов, помощи друг другу привело к созданию новой журналистской организации.

На самое первое собрание БАЖ пришло несколько десятков человек. В тот момент я до конца не осознавала, для чего в принципе создается эта организация, чем мы будем заниматься. Но жизнь быстро расставила все по своим местам. Первым заявлением, которое приняла БАЖ, стало протестное заявление, связанное с изгнанием из государственной типографии Беларуси газет «Народная воля», «Имя», «Беларусской Деловой Газеты», которые после этого стали печататься в Литве. Так окончательно сформировались основные приоритеты нашей деятельности. Во-первых, это правовая консультативная помощь нашим коллегам. Далее – организация образовательных программ. Чем больше проходит времени, тем я более убеждаюсь, что мы, к сожалению, теряем профессию.

В Беларуси на сегодняшний день уникальная ситуация: все наше журналистское сообщество поделено на две части. Одни приняли на себя и безропотно выполняют функцию идеологов, пропагандистов, занимаются по большому счету обслуживанием исполнительной власти. Другие – это наши коллеги, которые работают в негосударственных изданиях и из последних сил стараются придерживаться стандартов своей профессии. Сегодня членами БАЖ являются более 1000 человек. Мы издаем собственный журнал «Абажур», который из небольшого буклета превратился в полноформатное издание. Также наша деятельность представляет собой целый ряд различных кампаний: «За гістарычную спадчыну», «За экалагічны дабрабыт», «За якасную журналістыку».

А.Б.: Какие направления сегодня являются приоритетными для БАЖ?

Ж.Л.: К сожалению, в области СМИ остаются проблемы, которые нам никак не удается решить и которые стали для нас уже *традиционными*. На протяжении 5–7 лет продолжает быть актуальным наше требование равных экономических условий для деятельности СМИ независимо от форм собственности. Мы выступаем против той политико-экономической

дискриминации, которая проводится по отношению к независимым масс-медиа. Государственная пресса до сих пор существует на дотациях государства. Это, на наш взгляд, совершенно не правильно, потому что мешает созданию конкуренции на медиарынке. С другой стороны, естественно, чем больше дотаций со стороны государства, тем больше у него прав контролировать издания, использовать СМИ в своих целях. С этой точки зрения, такая ситуация логична. Глобальной проблемой для беларусской журналистики остается – и с каждым годом ситуация только ухудшается – проблема доступа к информации. Подписанный в этом году Указ №68 в очередной раз расширил количество предприятий и организаций, которые имеют право придавать информации о своей деятельности статус секретности. Сейчас туда входит 58 таких учреждений. Понятно, когда есть секреты у Совета безопасности, например. Но я никак не пойму, какие могут быть секреты у Мингорисполкома, у Белтелерадиокомпании, у Министерства информации. Это абсурдно. Таким же абсурдом, на мой взгляд, является существование в стране целого института идеологических работников, который становится барьером на пути журналиста к информации.

Сюда же я отношу проблему фрилансеров. По закону о СМИ, принятому 2 года назад, сотрудничество журналистов с зарубежными масс-медиа без аккредитации в Беларуси запрещено. Все попытки наших коллег, которые сотрудничают с «Белсат», «Радыё Рацыя», получить аккредитацию в Министерстве иностранных дел заканчиваются ничем. Отказ мотивируется абсолютно абсурдными объяснениями, например: «Мы вам отказываем, потому что до сих пор вы работали без аккредитации».

Третья проблема сектора СМИ связана с беларусскими законами. Уже много лет БАЖ требует привести беларусское законодательство в области СМИ в соответствие с международными нормами и стандартами. Пока безрезультатно.

Отдельной темой для нас является интернет, где сегодня наблюдается активное развитие информационных ресурсов, социальных сетей. По мнению экспертов, беларусская власть почувствовала угрозу, которая может исходить от интернета. Поэтому только за прошлый год в стране было принято 12 правовых актов, направленных на урегулирование интернет-пространства. Таким образом власть пытается взять

эту сферу под контроль. Например, через несколько дней после трагического взрыва в минском метро 11 апреля Генпрокуратура вынесла постановление об ограничении доступа из госучреждений к ресурсам «Хартия'97» и «Беларусский партизан» *(крупнейшие беларусские оппозиционные интернет-порталы. – Прим. авт.)*. Такого рода шаги очень нас настораживают. Это что касается наших, еще раз повторюсь, *традиционных* проблем. Сегодня добавился новый фактор – экономический. В условиях жесткого экономического кризиса государственные издания могут рассчитывать на поддержку, а независимые СМИ из-за роста цен на типографские услуги, на бумагу, которая, кстати, отпускается Могилевской бумажной фабрикой для негосударственных газет в полтора раза дороже, оказались на пороге банкротства. Все это совпадает с социальным стрессом, который наблюдается в обществе. Люди не понимают, что происходит, появилась реальная необходимость в информации без цензуры. Мы вступили в тот период, когда идеологические догмы, пропаганда больше не срабатывают. Сегодня в журналистике требуются интеллектуальные подходы, необходима серьезная аналитика. Нужно дать слово экспертам. То есть постоянный диалог о сегодняшнем дне и о будущем – это то, что сейчас должна делать журналистика.

А.Б.: Вы упомянули о «несоответствии» беларусской законодательной базы в области СМИ международным стандартам. В чем проявляется это «несоответствие»?

Ж.Л.: Несколько лет назад в новом Законе о СМИ появились положения, которым мы очень радовались. Например, не нужно было больше согласовывать размещение редакции с местными органами власти. Раньше, прежде, чем ты получишь разрешение на регистрацию газеты, нужно было идти в местный райисполком и просить разрешение находиться на территории этого региона. Отказать могли очень легко. Благодаря такой репрессивной мере можно было контролировать и задерживать появление новых изданий. В новом законе это было убрано. Но год назад Министерство информации приняло постановления, по которым снова был введен целый ряд абсолютно неожиданных ограничений. Например, редактором вновь учреждаемой газеты может быть только

человек с высшим образованием и опытом работы на руководящих должностях в этой сфере не менее 5 лет. Негласно существует список имен журналистов, которые каким-то образом ассоциируются с оппонентами власти. Зарегистрировать издание под руководством одного из таких журналистов невозможно. Только за прошлый год было отказано 8 редакциям. Сложная регистрационная процедура в принципе является особенностью нашего законодательства. Во всем мире регистрация носит заявительный характер. Нужно только уведомить, что отныне твой бизнес — газета, и этого достаточно. Конечно, есть страны со своими особенностями. Но, наверное, такое количество разрешений необходимо только в Беларуси. Во многих европейских странах Закон о СМИ в принципе отсутствует. Газеты действуют по обычному гражданскому законодательству, уголовному кодексу.

А.Б.: Какова на сегодняшний день статистика негосударственных СМИ в Беларуси?

Ж.Л.: По данным Министерства информации Республики Беларусь на 1 апреля 2011 года из 1362 печатных средств массовой информации 961 — это независимые издания. Но, несмотря на количественное преобладание негосударственных СМИ, в информационном пространстве Беларуси доминируют государственные медиа. Это связано с тем, что большинство негосударственных изданий носят развлекательный, рекламный характер. Только около 30 негосударственных изданий постоянно освещают политическую и общественную жизнь страны. Сейчас в условиях экономического кризиса мы опасаемся ухудшения ситуации на независимом медиарынке. Этому также способствует экономическое неравенство, о котором я уже говорила.

А.Б.: В чем проявляется этот экономический «двойной стандарт»?

Ж.Л.: Во-первых, это цена на бумагу и типографские услуги. Во-вторых, на сегодняшний день 11 наших основных газет имеют проблему с доступом к государственным системам распространения. В результате газеты вынуждены вкладывать дополнительные средства в создание своих мелких систем распространения. Помимо этого существует абсолютно

негласное указание, например, банкам не размещать свою рекламу в негосударственных газетах. Вдобавок ко всему в условиях кризиса независимые СМИ столкнулись с такой проблемой, как дебиторская задолженность. Это коснулось даже тех изданий, которые есть в системах распространения. Например, «Свободные новости плюс» — газета, на которую нельзя подписаться, но которую можно купить в киосках. Сегодня Белсоюзпечать не в состоянии своевременно выплачивать то, что газета заработала. И таких проблем, связанных с платежеспособностью организаций, очень много. Все они болезненно сказываются на бюджете независимых изданий. Это с учетом того, что на поддержку государственных медиа из республиканского бюджета только на этот год официально выделено около 54 миллиона евро.

А.Б.: Кроме БАЖ в Беларуси существует Беларусский союз журналистов. Ситуация для беларусского контекста, к сожалению, естественная. Например, у нас существуют Беларусский союз писателей и Союз писателей Беларуси…

Ж.Л.: Я всегда с иронией добавляю, что в Беларуси действуют даже два союза поляков. Это уже вверх демонстрации «раздвоенности» нашего общества. *(«Раскол» Союза поляков Беларуси произошел в 2005 году, когда беларусские власти «спровоцировали» переизбрание председателя Союза. В результате в Беларуси теперь существует официальный, лояльный к власти, Союз поляков и неофициальная, фактически нелегальная организация, поддерживаемая польской стороной. — Прим. авт.).*

А.Б.: Да, такая «раздвоенность» стала признаком нашего времени. Что касается БАЖ и БСЖ, очевидно, что при общих положениях деятельность организаций имеет разные приоритеты. В чем, на ваш взгляд, отличия вашей деятельности от того, чем занимаются коллеги из БСЖ?

Ж.Л.: Если говорить о внутренних документах, например, Кодексе этики, который есть и у нашей организации, и у БСЖ, то многое совпадает. Дальше, уже на практике, начинают проявляться принципиальные

расхождения установок наших организаций, представлений о месте и роли журналистики в обществе. Например, в уставе беларусской Национальной телерадиокомпании написано, что это центральное государственное учреждение, которое призвано освещать государственную политику. Мне кажется, это в корне противоречит сути журналистской профессии. Журналист в первую очередь должен собирать и распространять информацию, стараться делать это максимально профессионально. Но ни в коем случае не скатываться в сферу обслуги, не быть придатком, частью управленческой машины. В этом заключается наше основное расхождение с БСЖ.

А.Б.: Удается ли вам каким-то образом сотрудничать с БСЖ?

Ж.Л.: К сожалению, за всю историю существования БАЖ так ни разу и не удалось поставить рядом подписи в ситуациях, которые касались в целом журналистского сообщества. Был показательный момент, когда мы в свое время обратились к коллегам из Союза с предложением провести совместную экспертизу нового законопроекта о СМИ. Тогда они уклонились от диалога с нами. Потом начали возникать другие профессиональные проблемы, например, экономическая дискриминация. Когда 10 лет назад системы распространения – Белпочта и Белсоюзпечать – отказались брать на реализацию негосударственные газеты, наши коллеги никак не проявили поддержку. Такой же позиции они придерживаются и относительно судебных процессов над журналистами. В 2002 году были осуждены по статьям уголовного кодекса об оскорблении и клевете *Мікалай Маркевіч*, *Віктар Івашкевіч*, *Павел Мажэйка*. Более 2 месяцев назад было заведено уголовное дело над журналистом «*Gazety Wyborczej*» Анджеем Почобутом. К сожалению, наши коллеги из Союза абсолютно игнорируют эти проблемы, даже не упоминают об этом. Но я все-таки верю в возможность нашей консолидации. Сейчас совместно со шведским институтом *Fojo* мы начали программу, в которой будут принимать участие журналисты как из БАЖ, так и из Союза. В рамках этой программы должен состояться визит в Беларусь шведского пресс-омбудсмена. Шведские коллеги посетят редакции государственных и независимых газет. Я очень хочу верить, что это станет толчком для объединения всего журналистского сообщества.

А.Б.: Существует ли на сегодняшний день проблема образования в области журналистики?

Ж.Л.: Проблема есть и очень серьезная, на мой взгляд. Сегодня журналистов у нас готовит одно учебное заведение. Раньше оно называлось факультет журналистики БГУ, теперь — Институт журналистики БГУ. Но суть не поменялась. Мало того, когда шла реорганизация, прозвучали голоса, которые призывали к тому, чтобы факультет журналистики стал идеологическим институтом. Потом разум все-таки взял верх. Именно поэтому один из приоритетов деятельности БАЖ — это образовательные программы. Мы широко практикуем мастер-классы, организуем пресс-клубы как с зарубежными, так и с беларусскими профессионалами.

А.Б.: В связи с событиями последних президентских выборов в Беларуси, репрессивными мерами в отношении независимых журналистов, а также некорректным освещением этих событий со стороны государственных СМИ Совет ЕС ввел санкции на ограничительный въезд в Европу отдельных беларусских журналистов. Как вы можете прокомментировать введение этих санкций?

Ж.Л.: Я отношусь к этому сдержанно. Каждый раз, когда у меня про это спрашивают, первое, что я подчеркиваю: БАЖ не имеет никакого отношения к этому процессу. Конечно, плохо, когда такого рода меры принимаются по отношению к журналистам. Но этот список касается так называемых функционеров от журналистики, которые считают себя госслужащими. С этой точки зрения такую меру можно понять.

А.Б.: В Беларуси регулярно закрываются негосударственные издания. Сегодня под угрозой находятся такие крупные газеты, как «Народная воля» и «Наша ніва». Насколько, на ваш взгляд, правомерен такой жесткий контроль СМИ со стороны государства?

Ж.Л.: Для нас просто каким-то стихийным бедствием оказываются избирательные президентские кампании. После 2001-го мы потеряли в информационном пространстве половину независимых газет. Кто

закрылся сам, не выдержав экономических условий, кого-то закрывали судами. После 2006 года появился ограничительный закон на распространение негосударственных СМИ через государственные учреждения. После последней избирательной кампании опять возникли проблемы: закрыто «Авторадио», поданы иски на прекращение деятельности «Народнай волі» и «Нашай нівы». По беларусскому законодательству после двух предупреждений по любым статьям закона газету можно закрыть. Отдельно выносятся персональные предупреждения журналистам. Сам факт наличия угрозы закрытия свидетельствует о критичности ситуации в сфере масс-медиа.

Премии за творчество

А.Б.: Деятельность БАЖ была отмечена многими международными премиями и наградами. В июне 2011 года в рамках Вроцлавского Глобального Форума (Wroclaw Global Forum 2011) вы получили «Премию Свободы». Насколько вам важны такие «поощрения»?

Ж.Л.: Конечно, это всегда очень приятно и престижно. Например, «Премией Свободы», кроме БАЖ, среди беларусов были также награждены правозащитная организация «Весна» и «Свободный театр». Но, если честно, я больше радуюсь, когда мы получаем премии не за борьбу, не за проявление своей позиции, а за творчество. Это самые дорогие для журналиста награды.

А.Б.: Какие перспективы вы видите в развитии независимого института журналистики? Что могло бы коренным образом изменить ситуацию?

Ж.Л.: На мой взгляд, для серьезных изменений в области СМИ должен начаться процесс реформирования медиасферы с демонополизацией, разгосударствлением масс-медиа: власть обязана отказаться от монополии на информацию. Необходимо ввести равные экономические условия. Тогда станет возможным возникновение конкурентной ситуации в сфере масс-медиа. У нашего общества появилась бы возможность получать не цензурированную, свободную, своевременную информацию. Эти процессы позволили бы в конце концов вернуть *диалог* в СМИ, который дает людям возможность высказывать свои суждения,

мнения. Это очень важно. И СМИ должны взять на себя функцию такой диалоговой площадки.

Жанна Літвіна – председатель Беларусской ассоциации журналистов (БАЖ), объединения, которое на сегодняшний день является самой крупной в Беларуси независимой организацией, работающей в области СМИ. БАЖ объединяет людей, которые занимаются профессиональной журналистской деятельностью или способствуют ее развитию. Кроме центрального офиса в Минске, Ассоциация имеет 5 филиалов в регионах. С 1997 года БАЖ является ассоциированным членом Международной Федерации Журналистов (IFJ). В 2003 году Международной организацией газет (WAN) деятельность объединения была отмечена «Золотым пером свободы» (Golden Pen of Freedom prize), а в декабре 2004 года Европейский парламент вручил БАЖ премию имени Сахарова «За свободу мысли», в июне 2011 года БАЖ был награжден Премией Свободы Атлантического Совета.

На государственном уровне гендерная проблематика в Беларуси остается исключительно «женской темой», которой занимается только Министерство труда и социальной защиты. Иными словами, по-прежнему рассматриваются лишь социальные аспекты этого вопроса, к тому же, игнорируется то, что он в равной степени затрагивает проблемы и женщин, и мужчин

ГЕНДЕРНАЯ ТЕМА В БЕЛАРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

ІРЫНА АЛЬХОЎКА – ИНТЕРВЬЮ

Алена Копаць: Ирина, что стало поводом для появления отдельной организации – «Гендерные перспективы»?

Ірына Альхоўка: На каком-то этапе стало понятно, что в рамках Ассоциации молодых христианских женщин стали формулироваться задачи и цели, появились проекты, например, Программа «Ла Страда Беларусь», для которых стала необходима отдельная организация. Мы решили разделиться. Возникло объединение «Гендерные перспективы», название которого говорит, что это не только женская организация. Мы не относим себя только к женскому сектору. Потому что сегодня, и это уже очевидно даже в Беларуси, гендерные проблемы – это проблемы нашего общества в целом. Они не должны рассматриваться как

проблемы исключительно женщин. Мы хотим выйти на социальный рынок в том числе и с проектами для мужчин. Сейчас заканчиваем разрабатывать свой стратегический план на ближайшие 4 года, после чего начнем предпринимать более конкретные шаги.

А.К.: Расскажите подробнее о Программе «Ла Страда». Какие действия осуществляются в рамках этого проекта?

I.А.: Мы находимся на том этапе, когда важно уже не просто формулировать проблему торговли людьми, но предлагать пути решения этой проблемы. Еще 10 лет назад было важно эту проблему просто озвучить. В 2000 году чиновники, попав на наш семинар «Проблема сексуальной эксплуатации беларусских женщин», возмутились: официально такой проблемы в государстве не было, эксплуатация беларусских женщин была невозможна. Сегодня проблема торговли людьми признана на государственном уровне и в Уголовном кодексе Республики Беларусь есть ряд статей, предусматривающих меры наказания за эту деятельность. Теперь важно не просто говорить, но работать с этой проблемой.

Наша цель – не запугать людей, чтобы они не ехали за границу, потому что очевидно – миграция дает человеку возможности для самореализации. У каждого есть право жить и работать в той стране, где ему удобно. Поэтому наша деятельность сегодня направлена в основном на то, чтобы сделать миграцию безопасной, исходя из глобальной цели предупреждения торговли людьми. Мы информируем граждан – в рамках нашего интернет-ресурса даем консультации по «горячей линии», как сделать свой выезд безопасным. Также продолжаем помогать пострадавшим от торговли людьми. Сейчас наблюдается некоторое «затишье», количество пострадавших сократилось, но часто люди начинают обращаться за помощью спустя несколько лет после случая эксплуатации. Для таких пострадавших у нас создана служба социального сопровождения, ставящая своей целью вместе с клиентом разработать программу реабилитации и реинтеграции, в рамках которой человеку бесплатно предоставляется весь комплекс социальных услуг. Конечно, мы не сами это делаем. Существует сеть наших партнеров в разных областях: юристов, медиков, психологов, социальных работников, центров занятости, других НПО, которые, например, работают с людьми с

наркотической зависимостью. Мы полностью отвечаем за человека, который к нам обратился, ему не нужно приходить в каждое учреждение и рассказывать свою историю. После оказания такой помощи мы проводим мониторинг жизненной ситуации пострадавшего: нашел ли работу, справился ли с проблемами, устроил ли свою личную жизнь. То есть мы не сидим в кабинете и не пытаемся представить, что нужно пострадавшим, а работаем с ними напрямую. Поэтому точно знаем, в какой области нужно предпринимать шаги на уровне законодательства, оперируем конкретными фактами на различных государственных мероприятиях. Например, в Беларуси есть такой закон, согласно которому жертвам торговли людьми должна оказываться бесплатная медицинская и социальная помощь. Но такая помощь в государственных учреждениях у нас предоставляется всем гражданам. Поэтому мы пытаемся объяснить чиновникам, что, когда человек находится в такой травматической ситуации, он не может ждать, стоять в очередях, ему нужна помощь немедленно, и это требует более гибкого и особого отношения к такой категории граждан.

А.К.: На каком уровне у вас происходит контакт с государственными учреждениями? Прислушиваются ли к вам чиновники? Что представляет собой беларусское законодательство в области торговли людьми?

I.А.: Все признают, что беларусское законодательство – очень прогрессивное в этой сфере, потому что проблема торговли людьми рассматривается на высоком политическом уровне. Об этом говорит президент, Беларусь продвигает различные инициативы на уровне ООН. Но иногда государство реагирует не так быстро, как хотелось бы. Кажется, что проблема торговли людьми до конца изучена, поэтому если возникают некие новые тенденции, с которыми до этого не работали, то госорганы не сразу реагируют на эти новые аспекты проблемы. Однако, думаю, что это довольно нормальный процесс для любой государственной машины. Поэтому некоторые адвокатские кампании затягиваются на 3–4 года.

В области информирования мы тоже активно работаем, используя ресурс СМИ. Когда «Ла Страда» только начиналась, именно на работу с

журналистами было направлено много усилий. Доходило до нескольких сотен публикаций в год. Мы понимали, что когда чиновник открывает газету и читает информацию о проблеме, а потом слышит по радио, видит по телевидению, то у него формируется более адекватное понимание ситуации. Нашей сильной стороной является то, что все данные, которые напрямую получаем от людей, мы обрабатываем и анализируем. В организации есть сотрудники с социологическим образованием. Анализ работы «горячей линии» позволяет отслеживать информацию: когда увеличивается количество звонков, когда уменьшается, что на это влияет, кто звонит больше — женщины или мужчины, в какие страны выезжают работать, учиться, а куда едут по брачному контракту? Такая статистика важна, потому что на сегодня, к сожалению, обоснованной цифры, которая бы отражала передвижение и настроения беларусов, нет.

По данным НИИ труда Минтруда и соцзащиты, ежегодно из Беларуси в Россию на заработки уезжает 100 тыс. человек, через легальные фирмы-посредники заключается 5–6 тыс. трудовых контрактов, преимущественно по американской программе *Work and Travel*. Но это условные цифры, потому что они фиксируют только тех граждан, которые заключают договора официально через фирмы. А поток миграции в Россию в принципе отследить невозможно из-за отсутствия границы. Наша статистика вносит в эти цифры свои дополнения. Ежегодно мы получаем от 700 до 1000 звонков от людей, на основе которых делаем свою статистику. Например, по нашим данным очевидно, что Германия – это страна, куда едут по брачным и трудовым договорам, Франция – в основном «брачная» страна. В то время как Россия – практически страна трудоустройства. Все это мы озвучиваем на официальных мероприятиях, приглашаем чиновников на свои семинары. И могу сказать, что к нам прислушиваются и изменения происходят, даже если не так быстро, как нам бы хотелось.

А.К.: Вы обозначили, что деятельность «Гендерных перспектив» направлена не только на проблему женского равноправия…

І.А.: Да, и в контексте Беларуси это попытка по-новому работать в гендерной сфере. До нас существовали (и теперь существуют) гендерные

организации, но эта сфера замыкалась исключительно на женских проблемах. Понятно, что гендерная теория с этого начиналась, поскольку женщины всегда были особенно уязвимы, считались «вторым полом». Но мир изменился.

Официальная гендерная политика в Беларуси начала свою реализацию еще в 1995 году, после Пекинской конференции. И в течение пятнадцати лет (1995–2010) в Беларуси было принято 15 документов, направленных на улучшение социальной защиты женщин и детей. Но сегодня иметь такое узкое, очень ограниченное понимание гендера уже невозможно. Потому что, получается, мы решаем проблемы одного пола за счет ущемления второго. Гендерная проблематика на государственном уровне остается «женской темой», которой занимается только Министерство труда и социальной защиты, то есть по-прежнему этот вопрос рассматривается лишь в социальной плоскости. Другие министерства, особенно силовые, недостаточно активно включены в продвижение данной темы. Сегодня пришло время, когда нужно скорректировать эту стратегию. Но то, что о проблеме все-таки говорят на государственном уровне, тоже хороший знак. В этом году принимается очередной государственный план по гендерному равенству. (*В конце мая в Министерстве труда и социальной защиты Беларуси прошел круглый стол на тему «Реализация гендерной политики в Республике Беларусь», участники которого обсудили проект Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2011–2014 годы. На мероприятии присутствовали представители женских общественных объединений, Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА). — Прим. авт.)* Очевидными преимуществами этого плана я считаю положения о необходимости разработки Концепции по обеспечению гендерного равенства, методологии гендерной экспертизы госпрограмм, законов о равных правах мужчин и женщин, профилактике домашнего насилия, механизма соцзаказа, поддержки «Папа-школ». Долгосрочная Концепция необходима для того, чтобы видеть большую цель, на которую будет работать каждый следующий план, что обеспечит преемственность и последовательность.

Другой аспект проблемы – это то, что вопросом гендерного равенства в Беларуси занимаются только женские организации. Это способствует превратному толкованию проблемы. Например, по-прежнему

беларусские суды оставляют детей матерям, хотя закон дает равные права обоим супругам. Но судьи, которые выносят опекунские заключения, в силу сложившегося стереотипа чаще отдают предпочтение женщинам. Хотя уже есть случаи, когда опека присуждается отцам, т.е. прогресс наметился. Также наше законодательство сегодня позволяет брать отпуска по уходу за ребенком не только матерям: любой член семьи может уйти в декрет по уходу за ребенком вместо матери. В 2008 году статистика показала, что этим правом воспользовались 3% мужчин.

Но процесс преодоления стереотипов в обществе происходит очень медленно, потому что нет четко выработанной стратегии – как у государства, так и у независимых организаций. Все живут от проекта до проекта, а нужно вырабатывать долгосрочные стратегии, требуются новые темы, инициативы. Например, мы хотим расширить свой штат сотрудниками-мужчинами, потому что как можно говорить о гендерной проблематике, если в организации работают одни женщины? Мужчины нам необходимы, нужен другой взгляд на проблему. Поэтому постепенно, я надеюсь, нам удастся расширить представление о гендере в беларусском обществе. Да, есть цифры, свидетельствующие о том, что увеличены декретные отпуска, пособия, но гендерное равенство не только в этом. Например, сегодня увеличивается количество мужчин, которые хотят участвовать в воспитании своих детей. Это, на мой взгляд, очень хороший знак. Появляются специальные программы для этого. Это важно.

А.К.: Можно ли говорить о существовании в Беларуси не только отдельных женских, гендерных организаций, но полноценного движения?

I.A.: Пока нет. У нас были попытки консолидироваться с другими организациями, но эти инициативы всегда были привнесены со стороны. Например, американцы осуществили проект, в рамках которого была создана сеть беларусских женских организаций. Но проект закончился, и сеть исчезла. В отличие от тех же экологических или ВИЧ-сервисных организаций, женские организации не объединены в постоянную сеть. Какое-то время назад я прочитала статью, где автор сказал, что в Беларуси есть феминистские лидеры, есть отдельные феминистские

инициативы, но нет феминистской политики. Я полностью с этим согласна. Мы активно выступаем, пишем проекты, осуществляем программы, то есть в публичном пространстве мы есть. Но четкого движения, единой политики нет. Например, очевидна экологическая политика в Беларуси. Есть общественный совет при Министерстве охраны природы, который влияет на принятие решений, выступает против строительства АЭС. В гендерном секторе такого нет. Более того, есть конфликты с мужскими организациями, а это опять говорит о противопоставлении мужских и женских проблем. Но вновь повторю, что «Гендерные перспективы» не идентифицируют себя на 100% как женская организация, а с кем нам еще пытаться объединяться в некую общую систему – я пока не вижу.

А.К.: В чем, на ваш взгляд, заключаются особенности гендерного вопроса в Беларуси, если они есть?

I.A.: Как я уже говорила раньше, главная особенность заключается в том, что в Беларуси фактически не понимают мужских аспектов гендерной проблематики. Этот вопрос у нас касается в основном женского равноправия. Причем, например, в Европе уже пришли к пониманию того, что протекционистские меры по отношению к женщинам так же мешают, как и дискриминационные. Скажем, льготы, которые предоставляются женщинам (по пособиям, дополнительным выходным дням, если есть грудной ребенок), часто становятся препятствием при приеме на работу, потому что работодателю эти льготы не выгодны. Когда женщина проходит собеседование, у нее спрашивают не только о профессиональных навыках, но о браке, детях и т.д. «А вдруг я возьму ее на работу, – думает работодатель, – обучу, а она уйдет в декрет на три года». Хотя сегодня немногие уходят в декрет на такой срок, потому что можно за это время потерять место или утратить квалификацию. В западных странах это уже понимают и принимают во внимание. А у нас до сих пор верят, что эти льготы женщину защищают, хотя на самом деле они, скорее, мешают. Не льготы нужны женщине, дайте ей работу, не дискриминируйте, когда принимаете на службу, не спрашивайте, сколько у нее детей и планирует ли еще. До сих пор мы слышим грустные заявления от молодых женщин о том, что в коммерческих структурах их заставляют давать расписки,

в которых они обязуются в течение трех ближайших лет не выходить замуж и не беременеть. Естественно, женщины подписывают, потому что нужна работа. Но я надеюсь, что постепенно прогресс в сознании общества будет происходить.

Гендерное равенство, на мой взгляд, – это вопрос качества жизни. Невозможно говорить о качестве жизни, если нет равного доступа к информационным ресурсам, к образованию, работе. А гендерное равенство – часть этого. Если мы будем делить профессии, чувства на мужские и женские, ни о каком качестве жизни речи быть не может. Нельзя опираться на статистику прошлого века и сравнивать сегодняшние достижения с тем, что было сто лет назад. Например, сегодня мы уже не говорим о статистике смерти женщин при родах. В Беларуси родовспоможение на таком уровне, что смерть роженицы или новорожденного сведены к минимуму. Если такое случается – это катастрофа. Но давайте ставить новые цели, развиваться. Например, стремиться к тому, чтобы доступ к качественным медицинским услугам был не только в Минске, но и в Смиловичах, в Ушачах.

Особое внимание нужно уделять тому, чтобы положения о равноправии существовали не только на бумаге, но выполнялись на практике. Для этого необходимо работать с общественным мнением, чтобы вопрос о приеме на работу по половому признаку у работодателя даже не возникал. По сути, в любой проблеме есть гендерный аспект, но люди об этом даже не задумываются. Например, проблема СПИДа: то, как инфицируются мужчины и женщины, имеет свои особенности. Или проблема насилия: для мужчин и женщин она формулируется по-разному. Информирование общества – одна из главных задач, в том числе женских и гендерных организаций. Потому что гендер и возраст – это критерии, по которым должны строиться все программы. Для меня не понятна сегодня гендерно-нейтральная программа. Это, на мой взгляд, гендерно-слепая стратегия.

А.К.: Вы отметили, что на уровне законодательства, статистики понимание важности гендерного равенства в Беларуси, очевидно, изменилось. На ваш взгляд, что могло бы ускорить этот процесс? Сколько должно пройти времени, чтобы изменилось отношение к этой проблеме в обществе?

І.А.: Это будет зависеть от той цели, которую поставит перед собой государство. Определенный прогресс может произойти и за 50 лет, и за 15. Важно вывести гендерную политику в публичное пространство. Очевидно, гендерная тема в беларусском обществе маргинализирована. Многие не видят себя в этой проблеме. Если мы говорим о демографической проблеме, то в этой области работают все: МВД в области миграции, Министерство здравоохранения в контексте продолжительности жизни населения и т.д. Когда гендерная проблема будет интегрирована в работу нескольких ведомств, тогда у нее будет будущее. Когда появится гендерный отдел в Министерстве обороны, я думаю, это станет знаком того, что мы действительно вышли на новый уровень не только понимания этой проблемы в обществе, но осознания того, что это касается каждого.

Ірына Альхоўка – председатель Международного общественного объединения «Гендерные перспективы», основатель Программы «Ла Страда Беларусь» по предупреждению торговли людьми в странах Центральной и Восточной Европы. Активная участница общественного движения в Беларуси с 1995 года. Долгое время являлась лидером Ассоциации молодых христианских женщин в Беларуси, в результате реорганизации которой в августе 2010 года возникло новое объединение «Гендерные перспективы», деятельность которого направлена на достижение фактического равенства мужчин и женщин, искоренение дискриминации по признаку пола посредством реализации социальных программ по предупреждению гендерного насилия.

Для большинства беларусских чиновников *беларусское* – это нечто исключительно этнографическое и фольклорное. Они до конца не понимают, что беларусская культура сегодня абсолютно естественно существует в европейском контексте.

БЕЛАРУСЫ МИРА

НІНА ШЫДЛОЎСКАЯ – ИНТЕРВЬЮ

Международное общественное объединение *«Згуртаваньне беларусаў сьвету "Бацькаўшчына"»* («Объединение беларусов мира "Бацькаўшчына"»[1]) действует с 1990 года и объединяет организации беларусской диаспоры более чем из 25 стран мира. За годы существования объединение стало крупнейшей общенациональной структурой: раз в 4 года проводятся съезды беларусов мира, на которых обсуждаются проблемы беларусской диаспоры как за границей, так и внутри страны. Именно с подачи *«Бацькаўшчыны»* наконец началось обсуждение закона «О беларусах зарубежья». Одним из главных направлений деятельности Объединения является национальное возрождение Беларуси, ее языка, культуры, образования,

1 *Бацькаўшчына* (бел.) – отечество, отчизна, родина (прим. переводчика – Мария Луцевич-Напалкова).

истории. С 2008 года «*Бацькаўшчына*» постоянно координирует общенациональную культурную кампанию «Будзьма беларусамі»[2]. Про «будни» и «праздники» объединения рассказывает председатель Совета *Ніна Шыдлоўская*.

Алена Копаць: Объединение «*Бацькаўшчына*» существует уже более 20 лет. На ваших глазах происходили все значительные перемены в жизни Беларуси. Каким образом общественно-политическая жизнь страны влияла на деятельность организации?

Ніна Шыдлоўская: В конце 1980-х, на волне национального «возрождения», беларусская интеллигенция, в том числе из-за рубежа, вместе с некоторыми тогдашними государственными деятелями пришли к выводу, что необходимо создать организацию, которая бы объединяла беларусов независимо от места их проживания и представляла бы их интересы именно в Беларуси. Так в 1990 году появилось *«Згуртаваньне беларусаў сьвету "Бацькаўшчына"»*. А в 1993 году был созван Первый съезд беларусов мира. Съехалось более тысячи человек, среди которых было много тех, кто при советском режиме не мог приехать в Беларусь. Но, находясь за границами Беларуси, они не только продолжали беларусские традиции, но и основывали в странах своего проживания беларусские общества: церкви, центры, общины, которые в советские времена часто работали как своеобразные посольства Беларуси. Очевидно, что такого подъема, такой атмосферы, которые царили на Первом съезде, на последующих съездах больше не было. Все ощущали торжественность момента, складывалось впечатление, что беларусская нация наконец объединяется. Первый съезд прошел при поддержке Министерства иностранных дел Беларуси. Показательно, что проводился он в помещении Театра оперы и балета. После 1994 года новая власть Беларуси взяла курс на другое направление развития страны. Испытанием для «*Бацькаўшчыны*» стал Второй съезд, который прошел уже в 1997 году, когда в обществе Беларуси начался политический

2 *Будзьма беларусамі* (бел.) – будем беларусами (прим. переводчика).

раскол, коснувшийся всех беларусов, независимо от места их проживания. Тогда нам было важно не углубить этот раскол.

Большинство стран очень активно работает со своими соотечественниками за рубежом и, соответственно, имеет от этого большие дивиденды. Поддержка своих земляков в других государствах – информационная и экономическая – возвращается в страну привлечением инвестиций, разного рода ноу-хау, помогает создавать имиджевые центры в странах, где живут представители диаспор. К сожалению, у новой беларусской власти внятной политики по отношению к беларусам зарубежья не было: не разрабатывалась соответствующая законодательная база, не поддерживались информационные связи. Фактически, беларусы оказались сами по себе. Государство поддерживало только тех, кто однозначно придерживался официального политического направления. По большому счету, «*Бацькаўшчына*» стала единственной организацией, объединяющей беларусов независимо от места их проживания, социального статуса, вероисповедания и политических взглядов.

А.К.: Каковы основные направления деятельности Объединения? Что является приоритетом?

Н.Ш.: Во-первых, безусловно, информирование внутри самой диаспоры, чтобы, например, община в Иркутске знала, что происходит в канадской общине. Такой информационный центр необходим. Работая с беларусской диаспорой, «*Бацькаўшчына*» обнаружила, что, выезжая за границу, беларусы или ассимилируются в странах проживания, или стремятся к тем структурно сильным общинам, которые могут им помочь. Этого не было бы, если бы, уезжая, человек осознавал, кто он и откуда, и искал привязку именно на почве национального единства. Пока таким информационным центром является сайт «*Бацькаўшчыны*», а также бюллетень, издающийся в электронном и бумажном вариантах. Там концентрируется информация именно о том, что происходит в беларусских центрах заграницей.

Одним из наших достижений, безусловно, является книжная серия «*Бібліятэка Бацькаўшчыны*». На сегодняшний день нет ни единого государственного научного учреждения, которое бы системно изучало достижения, анализировала состояние и перспективы беларусского

присутствия в мире. А это необходимо. Ведь беларусскими деятелями и организациями зарубежья сделано очень много. И задумывалась *«Бібліятэка Бацькаўшчыны»* прежде всего как способ сохранить наработанное диаспорой и расширить знания об этом в Беларуси. Постепенно благодаря, прежде всего, молодым ученым *Наталле* и *Алегу Гардзіенка*, сотрудничеству с Беларусским Институтом Науки и Искусства в Нью-Йорке появились не только художественные издания беларусов зарубежья, но и научно-публицистические работы по диаспоре в некоторых странах. И эта работа продолжается.

Важным направлением деятельности Объединения является проведение съездов, на каждый из которых приезжают представители около 20 стран мира. Последний, прошедший в июле 2009 года, стал, по нашему мнению, знаковым: после долгого перерыва нам удалось наладить диалог между делегатами съезда и представителями государственных органов. До этого времени с момента проведения Первого съезда государственных представителей на таких форумах практически никогда не было. Показательно, что темой Пятого съезда стала проблема национальной самоидентификации беларусов. И именно после съезда этот вопрос начал озвучиваться, подниматься на государственном уровне. Раньше это вообще не воспринималось официальными властями как проблема, существующая в беларусской нации. Это если говорить об основных наших достижениях, потому что, конечно, за 20 лет нам удалось осуществить много разного рода проектов. К примеру, знаковым для всей нации было возобновление образа Креста *Еўфрасінни Полацкой*.

А.К.: Как Вы уже отметили, в отношении беларусов зарубежья до сих пор не существует определенной законодательной базы. *«Бацькаўшчына»* не однажды становилась инициатором законопроекта «О беларусах зарубежья»…

Н.Ш.: Этот процесс мы начали еще в 2001 году, после Третьего съезда: активно обращались во все правительственные структуры, в том числе в Парламент, в соответствующие министерства. Был даже подготовлен проект, но тогда его отложили в долгий ящик. До 2009 года государство о нем почти не вспоминало. В этом году решение, наконец, было

принято, и Национальный центр законодательства начал готовить проект закона «О беларусах зарубежья». Надо отдать должное: представителей *«Бацькаўшчыны»* пригласили в рабочую группу. Но мы очень опасаемся, что в связи с последними событиями в стране этот проект опять отойдет на второй план. Ведь все же понимания пользы совместной работы с беларусской диаспорой у наших чиновников нет. Они видят только быстрые экономические выгоды, не понимая той значительно большей отдачи, которую можно получить путем налаживания связей с беларусами зарубежья. К сожалению, государство не понимает необходимости поддерживать диаспору: открывать школы, основывать центры, организовывать культурные мероприятия. Все это нужно, чтобы объединять беларусов в странах их проживания. Это к проблеме ассимиляции, которую я уже озвучивала. Опять же связь необходима для появления имиджевых центров Республики Беларусь. Сейчас много государственных структур озабочено созданием позитивного имиджа Беларуси, привлекательности беларусских брендов за границей. Как раз здесь очень большую пользу могли бы принести беларусы зарубежья. Разумеется, при условии, что до этого осуществлялось многолетнее сотрудничество с общинами. Безусловно, если сейчас прийти в какую-то общину и предложить ей продвигать, например, трактор «Беларусь», то представители общины удивятся: дескать, простите, мы ничего не можем сделать. И это естественно с их стороны. Но если бы все это время шло сотрудничество, то все было бы по-другому. Например, можно было бы подумать о визовой поддержке беларусов зарубежья, как это сделали поляки, введя «Карту поляка». Если бы беларусы ощущали востребованность в своей стране, то, очевидно, хотели бы и бизнес здесь развивать, и привлекать какие-то ноу-хау, инвесторов из разных стран. Но, к сожалению, на сегодняшний день беларусы продолжают разделяться государством на «своих» и «чужих», как это было много лет назад, еще в советские времена.

А.К.: Кроме Центра законопроектной деятельности, с какими государственными организациями сотрудничает Объединение?

Н.Ш.: Учитывая, что *«Бацькаўшчына»* является, и это записано в Уставе, представителем интересов беларусов зарубежья внутри Беларуси,

безусловно, мы общаемся прежде всего с Министерством иностранных дел и Министерством культуры. Также стараемся налаживать сотрудничество с Министерством образования. Например, когда-то существовала квота на поступление в беларусские вузы детей беларусов, живущих за границей. Эту квоту, кстати, ввели с подачи представителей Объединения. Потом ее отменили. Мы ходатайствовали о ее возвращении, но безрезультатно. Сейчас, к сожалению, пока нельзя говорить о полноценном сотрудничестве, потому что, прежде всего, это должны быть партнерские взаимоотношения, когда идеи воспринимаются, находятся компромиссы, и уже совместно эти проекты реализуются. У нас с государственными организациями получаются, скорее, «отношения». Очень долго мы были молоточком, который стучался в разные двери, чтобы поднять проблемы, существующие в беларусской диаспоре. В большинстве случаев эти проблемы так и остались нерешенными. Но мы продолжаем информировать, иногда требовать и рекомендовать те или иные пути их решения.

А.К.: Какие проблемы сегодня являются наиболее актуальными, как для беларусов зарубежья, так и внутри страны?

Н.Ш.: Самой главной проблемой, и я о ней уже говорила, является ассимиляция, одна из причин которой – невысокий уровень национальной самоидентификации. Прежде всего, молодые люди, которые покидают страну по экономическим причинам, не считают себя беларусами, и поэтому быстро «исчезают» среди других наций. Разумеется, все процессы, происходящие внутри Беларуси, в той или иной степени влияют на то, что делается за границей. Без государственной поддержки невозможно открытие беларусских школ. В Литве, например, очень много польскоязычных учреждений. Для беларусов там существует только Виленская гимназия. Похожая ситуация с беларусскими школами и в других странах. Но и в самой Беларуси эта проблема стоит остро: количество учеников в беларусскоязычных школах очень мало, т.к. такие учебные заведения работают почти исключительно в деревнях, а в больших городах их единицы. Очевидно, как и в других странах, есть и экономические проблемы. Но все же главное, по моему мнению, – это потеря именно национальной привязки. И полноценное решение

этого вопроса невозможно без государственного понимания. Отсюда возникает ряд других проблем.

А.К.: Но, кажется, официальная политика государства направлена на поддержку и развитие национального. Много лозунгов и проектов основывается на идее самостоятельной Беларуси…

Н.Ш.: Проблема в том, что большинство чиновников, определяющих культурную политику, – это люди еще с советским менталитетом. Многие из них так и не осознали, что Республика Беларусь – абсолютно самостоятельная страна с сильными традициями и многовековой историей. Для них *беларусское* – это нечто исключительно этнографическое и фольклорное. Они до конца не понимают, что наша культура сегодня абсолютно естественно существует в европейском контексте. Очевидно, что при такой политике у большинства людей продолжается формирование стереотипа, что беларусская культура – это какая-то архаика. Таким образом, государство декларирует определенные принципы, но механизмы реализации оно использует советские, когда нет понимания, что культура – это «продукт», которым надо заинтересовать людей.

А.К.: Если говорить о беларусах зарубежья, что сегодня представляет собой беларусское сообщество в мире?

Н.Ш.: Очень сложно определить конкретные цифры, потому что многие, выезжая из Беларуси, уже не связываются с посольствами, не присоединяются к общинам, не меняют официальное гражданство, хотя постоянно живут и работают в других странах. Приблизительно, согласно разным сведениям, это где-то около трети нации – 3,5 млн. человек. Наибольшая концентрация беларусов – в России, Украине, США и Канаде.

А.К.: Есть ли сведения о волнах эмиграции? Увеличивается или, возможно наоборот, уменьшается число тех, кто покидает родину?

Н.Ш.: Определенной статистики также нет. Но есть несколько очевидных течений. Первая – экономическая эмиграция. Она всегда была, есть и будет. Молодые специалисты не связывают свои личные перспективы

развития с Беларусью. На сегодняшний день здесь практически нет условий для того, чтобы человек мог достойно зарабатывать и соответственно развиваться в своем направлении. Вторая волна – политическая, ее «активность» повышается в определенные периоды. Как только усложняется политическая ситуация в стране, усиливается давление на оппонентов власти, эта волна увеличивается. Наиболее сильной она была до середины 2000-х годов. Потом, до последних президентских выборов, пошла на спад.

А.К.: Одним из самых ярких проектов *«Бацькаўшчыны»* последнего времени, очевидно, является общественная культурная кампания *«Будзьма беларусамі»*. На чем основана главная идея этой кампании?

Н.Ш.: На момент появления этой кампании другие негосударственные организации, конечно, организовывали много культурных беларусскоязычных проектов. Но, во-первых, на то время беларусский язык был тесно связан с политическим контекстом, поэтому отпугивал людей. Во-вторых, эти мероприятия проводились порознь, не были связаны одной концепцией и, в основном, были ориентированы на беларусоцентричных людей. В итоге беларусская среда маргинализировалась, и получилось, что реально в Беларуси появились две страны – беларусскоязычная и русскоязычная. Понимая, что этот «раздел», никоим образом не способствовал национальному единству, а, скорей, наоборот, мы решили начать кампанию *«Будзьма беларусамі»*, основной целью которой является популяризация современной беларусской культуры именно, как перспективной культуры европейского уровня. Это самый основательный проект *«Бацькаўшчыны»* внутри Беларуси. Мы сразу заявили, что для нас беларусом является каждый житель Беларуси – без определенной этнической привязки. По нашему мнению, культура – это тот единственный пласт, который сегодня может объединить людей. Мы все очень разъединяемся по социальным, политическим взглядам, живем в каких-то своих группах. Когда в 2009 году мы провели социологический опрос, то полученные цифры нас очень вдохновили. Во-первых, со времен появления Беларуси как самостоятельного государства изменилось отношение общества к языку. Очень небольшой процент опрошенных назвал беларусский язык языком деревни или

языком оппозиции. Для значительной части людей язык все же является символом нации или языком элиты. Для *«Бацькаўшчыны»* это стало определенным показателем беларусоориентированности большей части общества. В рамках кампании мы попробовали вытащить из маргинального окружения и объединить деятелей беларусской культуры, а также организации, работающие на этом поприще. Потому что, очевидно, нам надо учиться работать вместе.

А.К.: Какого рода проекты проводятся кампанией?

Н.Ш.: За два с половиной года деятельности кампании было проведено более 1500 мероприятий: лекции по истории, литературные встречи, музыкальные концерты, экскурсии, выставки. Нам удалось создать определенный имидж среди людей, получить доверие, потому что вначале нашу кампанию воспринимали или как коммерческий проект, или как политический. Важно, что нам удалось наладить сотрудничество с представителями региональных государственных органов. Не только потому, что, в основном, все публичные площадки являются собственностью государства. Мы прекрасно понимаем, что от отношения чиновников на местах, от их понимания беларусской культуры много зависит. В регионах даже не представляют, что такое современная беларусская культура. К ним не доезжает почти никто из современных беларусскоязычных деятелей. Именно там мы сталкиваемся с большой востребованностью культурных проектов. Нас встречают с заинтересованностью, открывают для себя новые аспекты беларусской культуры, приглашают снова. Также считаю нашим достижением то, что для продвижения национальной идеи мы научились использовать механизмы рыночного маркетинга: привлекательное визуальное оформление, информационную перед- и посткоммуникацию, качественные креативные сценарии проведения мероприятий. Важным показателям для нас, например, стал тот факт, что в этом году наш фестиваль беларусскоязычной рекламы *«Аднак!»*[3] собрал в два раза больше рекламщиков чем раньше. Это знак того, что люди, прежде всего бизнесмены, начинают верить в перспективу беларусского языка, его возможности. Анимационный фильм по истории

3 *Аднак* (бел.) – однако (прим. переводчика).

Беларуси *«Будзьма беларусамі!»*, который недавно презентовала наша кампания, за полмесяца просмотрело почти полмиллиона людей. Я думаю, что это также достижение.

А.К.: Проблема национальной идентификации остается актуальной для Беларуси. Но, очевидно, сегодня уже невозможно игнорировать те глобальные перемены, что происходят в мире и влияют на разные культуры. В этом контексте – какое будущее, по вашему мнению, имеет именно беларусский национальный проект? Отличается ли этот проект от той идеи, что была сформулирована беларусскими интеллектуалами 1980-90-х гг.?

Н.Ш.: По большому счету, ничего не изменилось. Я имею в виду саму концепцию. Но сегодня, безусловно, для того, чтобы продвигать национальный проект, надо использовать другие методы. Прежде всего это механизмы маркетинга, которые уже давно усвоены в других странах: пиар, менеджмент. Организации, которые не будут учиться этим механизмам, будут забывать, их перестанут воспринимать. Они как раз будут ассоциироваться с архаичностью. Я уверенно могу сказать, что беларусская современная культура существует и активно развивается во всех проявлениях жизни. Надо ощущать ответственность за качественное донесение этих проявлений до общества. Мы, беларусскоязычные деятели, не имеем права на ошибку. Своей деятельностью мы можем или сохранить стереотип «архаичности», «мертвенности» беларусской культуры, или наоборот – разрушить его. Потому мы должны делать все не просто хорошо, а отлично.

ФОТОГРАФИИ ДЖОНА КУНСТАДТЭРА

АВТОРЫ

Лявон Баршчэўскі – почетный председатель Беларусского ПЕН-центра, преподаватель независимого гуманитарного лицея в Минске.

Маръюш Машкевич [Mariusz Maszkiewicz] – в демократической оппозиции с 1986 г. (движение *«Wolność i Pokój»* («Свобода и мир»)). В начале 90-х попал в дипломатию; был первым после войны представителем Польши в Литве (1991–1994), а затем – основателем первого польского консульства в Гродно в Беларуси. В 1994–1997 гг. – генеральный консул в этом государстве, а в 1998-2002 гг. – посол Республики Польша в Беларуси. Автор многих статей и книг по социологии, религиоведению и международным отношениям.

Артур Клінаў – художник, писатель (книги «Малая дорожная книжка по Городу Сонца», военный роман «Шалом»), главный редактор альманаха «pARTisan». В 2011 году представлял Беларусь на Венецианской биеннале (соломенный проект «Тайная вечеря»).

Таццяна Арцімовіч – театральный режиссер, арт-критик. Публикации в журналах «*Мастацтва*», «pARTisan» (Беларусь), «Петербургский театральный журнал», «Современная драматургия» (Россия); интернет-журналах «Новая Еўропа», Беларусском фотографическом веб-альманахе Photoscope.Ву, портале о современном беларусском искусстве Art Aktivist.

Сяргей Пукст – композитор, аранжировщик, пианист, гитарист, журналист. В начале 90-х был участником панк-группы «Король пчел», позже стал выступать соло (в том числе в рамках группы «Pukstband»). С 2007 по 2010 год – музыкальный обозреватель газеты «СБ – Беларусь сегодня», ведущий программы «Живая музыка» на радиоканале «Культура».

Маргарыта Аляшкевіч – литературный критик, поэтесса. Заканчивает аспирантуру БГУ. Публиковалась в журналах *«Дзеяслоў»*, *«Верасень»*, еженедельнике *«Літаратура і мастацтва»* (критические статьи); в журналах *«Тэксты»*, *«Маладосць»*, газете «СБ — Беларусь сегодня» (стихотворения). Участвовала в программах *«Пяцікніжжа»* (*«Радыё Свабода»*), *«Рэмарка»* (телеканал «Белсат»).

Андрэй Расінскі – беларусский культуролог и киновед. Журналист газет «*Наша Ніва*» и «*Новы час*». Один з экспертов сайта «Наше мнение». Преподает «Монтаж аттракционов» в Беларусском гуманитарном коллегиуме.

Андрэй Дурэйка – род. в 1971 г. в Гродно (Беларусь). В 1987–91 гг. учился в художественном училище в Минске. В 1991–92 гг. – в Беларусской Академии искусств. В 1998–2004 г. – студент Академии искусств в Дюссельдорфе на курсе профессора Герхарда Мерца. Занимается прежде всего инсталляцией. Является организатором и куратором многочисленных экспериментальных выставок и проектов в Минске. Член артистической группы «Ревизия».

Моника Шевчик [Monika Szewczyk] – историк искусств, куратор более 100 индивидуальных и около 20 тематических выставок, директор галереи «Арсенал» в Белостоке. С 1990 г. создает авторскую коллекцию II галереи «Арсенал».

Вацлаў Арэшка – член Правления Общественного объединения «*Дыярыўш*», заместитель Председателя Рабочей группы Ассамблеи Неправительственных Демократических Организаций Беларуси. Участник общественно-политической жизни в Беларуси с 1988 г. Как журналист сотрудничал с газетами «*Наша Ніва*», «*Свабода*», с Беларусской редакцией «*Радыё Свабода*», «Radio-2» (Польша).

Агнешка Коморовска [Agnieszka Komorowska] – член правления общества «Восточноевропейский демократический центр». Многолетний сотрудник международной программы Фонда им. Стэфана Баторыя, ответственная за программы для Беларуси и Украины. Эксперт в сфере сотрудничества неправительственных организаций и независимыми СМИ. Автор текстов о ситуации третьего сектора в обеих странах.

Марэк Млынарчик [Marek Młynarczyk] – координатор международного сотрудничества «Фонда менеджерских инициатив», прежде всего, проектов, реализуемых в странах Восточного партнерства и Центральной Азии. Член Комиссии микрогрантов для грузинских НПО. Специалист по вопросам обучения администрации и третьего сектора. Волонтер в рамках программы помощи развитию, организованной «*Emmaus – International*» в Сребренице (Босния и Герцеговина).

Павэл Прокоп [Paweł Prokop] – основатель и директор «Фонда менеджерских инициатив». Автор, эксперт и тренер программ международного сотрудничества. Принимал участие в работах при внедрении реформы публичной администрации. Преподаватель в области управления, администрации и этики общественной жизни. Советник президента г. Люблина. Член совета фонда «Среди нас» („*Między Nami*"), вице-директор общества *«Emaus»*, один из основателей «Общества тренеров публичной администрации» („*Stowarzyszenie Szkoleniowców Administracji Publicznej*"), член Польско-украинского форума.

Алесь Бяляцкі окончил Гомельский государственный университет и аспирантуру Института литературы НАН Беларуси. Один из создателей и председатель *„Таварыства маладых літаратараў «Тутэйшыя»"*[1] (1986-1989), один из основателей «Мартиролога Беларуси», член Организационного комитета БНФ *«Адраджэньне»*[2], один из организаторов «*Беларускай каталіцкай грамады*» (1990). В 1992-1996 гг. был депутатом Минского городского совета. Работал директором Литературного музея *Максіма Багдановіча*, 1989-1998). С 1997 года руководит правозащитным центром *«Вясна»*. Вице-президент Международной федерации прав человека.

Тамара Мацкевіч – заместитель председателя Общества беларусской школы. После окончания аспирантуры БГУ с 1986 по 2003 год работала в Академии наук в Институте электроники. В 2003 году перевелась в Беларусский гуманитарный лицей имени Я. Коласа, где работала методистом, преподавателем физики (до и после закрытия лицея). С 1999 года – координатор программы «Учитель. Школа. Общество». Занимается методическим и гражданским образованием учителей.

1 *„Таварыства маладых літаратараў «Тутэйшыя»"* (бел.) – „Общество молодых литераторов *«Тутэйшыя»*" (прим. перев.).

2 *Адраджэньне* (бел.) – возрождение (прим. перев.).

kultura
nr 38

kultura
nr 37

kultura
nr 36
lipiec 2011

kultura
nr 29

kultura
nr 27/28

kultura
nr 26

kultura
nr 25

kultura
nr 11/12
taneczna
Europa

kultura
nr 03
Azerbejdżan